ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

БАТАЛЬОН СМЕРТИ

МАРИЯ БОЧКАРЕВА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

К 100-летию Первой Мировой войны! По мотивам этой книги снят самый ожидаемый фильм нынешнего юбилейного года – «БАТАЛЬОН СМЕРТИ». Воспоминания удивительной женщины, которую величают «русской Жанной д'Арк», а ее невероятная судьба заставляет вспомнить такие шедевры, как «А зори здесь тихие» и «У войны не женское лицо».

Уйдя на фронт добровольцем, Мария Бочкарева лично участвовала в штыковых атаках и разведках боем, была трижды ранена, заслужила Георгиевский крест и три медали. В 1917 году, когда разложившаяся армия все чаще «втыкала штык в землю», старший унтер-офицер Бочкарева создает первый женский Батальон смерти, чтобы показать мужчинам «пример самопожертвования». В первом же бою батальон потерял треть личного состава, но выполнил приказ, захватив вражеские окопы, – а по всей России уже формировались женские ударные части, и именно «смертницам» суждено было стать последними защитницами Зимнего дворца…

Эта книга – безыскусный и честный рассказ о героизме русских женщин, готовых умереть за Родину, о подвигах и трагедиях, славе и предательстве, – о последней, вычеркнутой из истории, но незабвенной, войне Российской империи.

- Мария Бочкарева
  - Мария Бочкарева – русская Жанна д' Арк
  - Введение
  - Часть первая
    - Глава первая. С малых лет в труде
    - Глава вторая. Замужем в пятнадцать лет
    - Глава третья. Мгновения счастья
    - Глава четвертая. В сетях губернатора-распутника
    - Глава пятая. Побег из ссылки и от Яши
  - Часть вторая
    - Глава шестая. Солдат высочайшей милостью
    - Глава седьмая. На ничейной земле
    - Глава восьмая. Ранена и парализована
    - Глава девятая. Восемь часов в руках германцев
  - Часть третья
    - Глава десятая. Революция на фронте
    - Глава одиннадцатая. Я формирую Батальон смерти
    - Глава двенадцатая. Борьба против комитетов

- Глава тринадцатая. Батальон на фронте
- Глава четырнадцатая. С поручением от Керенского к Корнилову
- Глава пятнадцатая. Армия превращается в неуправляемый сброд

○ Часть четвертая

- Глава шестнадцатая. Большевики у власти
- Глава семнадцатая. Встреча с Лениным и Троцким
- Глава восемнадцатая. В большевистской западне
- Глава девятнадцатая. Чудом спасенная
- Глава двадцатая. С обращением от народа

Мария Бочкарева
Батальон смерти

Мария Бочкарева – русская Жанна д’Арк

Эту женщину боялись и ненавидели, ею восхищались и гордились. Ее воспоминания «Яшка» были изданы в США и многих странах Европы. Эту книгу читали Вудро Вильсон, Теодор Рузвельт, Троцкий, Уинстон Черчилль, король Англии Георг V, Долорес Ибаррури и многие другие зарубежные общественные и политические деятели. У нас же «Яшка» долгие годы лежал в спецхранах библиотек.

Мария Леонтьевна Бочкарева (Фролкова) родилась в июле 1889 г. в деревне Никольское Кирилловского уезда Новгородской губернии в крестьянской семье. Когда Марусе исполнилось шесть лет, семья переехала в Сибирь, где правительство предоставляло переселенцам большие земельные наделы безвозмездно. Мария была третьим ребенком в семье. С ранних лет – нелегкий крестьянский труд, присмотр за хозяйскими детьми, работа посудомойки и даже заливка асфальта. В 15 лет Мария неудачно выходит замуж. Пьянство мужа и вечные побои вынуждают ее бежать от такой жизни в Иркутск. Со вторым мужем она живет гражданским браком, однако и этот союз распадается. Второй муж, несмотря на состоятельных родителей, оказался игроком и с бандитскими наклонностями.

Шел ноябрь 1914 г. Первая мировая, или, как ее называли очевидцы, Великая война, прочно входила в жизнь страны. Мария принимает решение идти на фронт. Она вспоминает: «Мое сердце рвалось туда – в кипящий котел войны, чтобы принять крещение в огне и закалиться в лаве. Мною овладел дух самопожертвования. Моя страна звала меня». Придя в штаб 25-го резервного батальона, расквартированного в Томске, она заявила о своем желании стать в строй. У встретивших ее офицеров это заявление вызвало и хохот, и полное недоумение. Ей попытались объяснить, что женщин берут в армию только в сестры милосердия и в другие вспомогательные службы, однако Мария снова заявила о своем решении идти на фронт рядовым солдатом. Командир батальона предложил ей направить телеграмму царю, который только и мог разрешить этот вопрос.

Спустя некоторое время в штаб батальона пришла телеграмма от царя, где он разрешал зачислить Марию в строй. Ее первое появление среди новобранцев в солдатской форме вызвало взрыв хохота и насмешек. Солдаты обступили Бочкареву со всех сторон, толкали плечом, щипали, пока не убедились, что

она – женщина. Медленно, но прочно устанавливались ее отношения с солдатами. Среди них было принято называться сокращенными именами или прозвищами. Выбрала себе такое и Мария – Яшка, в память о втором муже…

В феврале 1915 г., после трехмесячного обучения, Мария оказалась на фронте в 28-м Полоцком пехотном полку. Первый неудачный для полка бой с немцами, первая кровь и потери… Мария не может вынести стонов своих раненых товарищей и ползет на нейтральную полосу под немецкие пули. Пятьдесят спасенных жизней и заслуженная награда. Бочкарева очень быстро стала живой легендой полка. Она ходит в разведку, вытаскивает раненых под огнем, участвует в штыковых атаках, несет наравне с мужчинами всю тяжесть боевой службы. Три раза за Великую войну Мария побывала в Киеве. Один раз проездом, а остальные – на излечении ран. Свое первое ранение в ногу она лечила в киевской Евгеньевской больнице, превращенной в госпиталь. Каждое возвращение Марии в полк после ранений сопровождалось аплодисментами и бурной радостью всех солдат и офицеров. Последние обязательно приглашали ее на обед, что являлось совершенно неслыханным делом – нижний чин за офицерским столом! Бочкареву производят сначала в младшие, а затем в старшие унтер-офицеры и доверяют командовать взводом. На ее груди заслуженные награды – все четыре степени Георгиевского креста и три медали, а на теле память о четырех ранениях.

Февральскую революцию Мария встречает сначала восторженно. Однако повсюду начали создаваться комитеты, растет большевистская пропаганда, армия превращается в говорильню, и солдаты отказываются сражаться. Мария взывает к их долгу, чести и совести, но, увы. Идут сплошные митинги и братания с немцами. Нашлись и такие, кто подверг Марию оскорблениям и угрозам, что казалось небывалым еще вчера. Страстная патриотка, понимающая, что войну необходимо закончить только победой, Мария не может оставаться в такой обстановке и уезжает в отпуск. По дороге она заезжает в Петроград и заходит к М.В. Родзянко – председателю Государственной думы, с которым познакомилась еще на фронте. Он повез ее в Таврический дворец, где заседали солдатские депутаты. Мария рассказывает о своем нелегком солдатском пути и здесь же у нее рождается идея создания женского отряда – для пробуждения боевого духа в разложенной большевиками армии. Много было высказано мнений и сомнений, в том числе и морального порядка, но Бочкарева твердо заявила: «Если я берусь за формирование женского батальона, то буду нести

ответственность за каждую женщину в нем. Я введу жесткую дисциплину и не позволю им ни ораторствовать, ни шляться по улицам. Когда мать-Росиия гибнет, нет ни времени, ни нужды управлять армией с помощью комитетов. Я хоть и простая русская крестьянка, но знаю, что спасти русскую армию может только дисциплина. В предлагаемом мной батальоне я буду иметь полную единоличную власть и добиваться послушания. В противном случае в создании батальона нет надобности».

Идею одобрил Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов и утвердил А.Ф. Керенский. 21 мая 1917 г. Мария Бочкарева выступает в Мариинском дворце Петрограда с призывом к женщинам России стать в ряды 1-го Петроградского женского Батальона смерти. Ее слова, как всегда, просты и понятны: «…Я обращаюсь к женщинам, чьи сердца кристально честны, чьи души чисты, чьи помыслы благородны. С такими женщинами мы покажем пример самопожертвования, чтобы мужчины осознали свой долг и исполнили его в этот тяжкий час испытаний!»

Случилось небывалое в истории Русской Армии. Сразу около двух тысяч женщин откликнулись на призыв Бочкаревой. Вместе с инструкторами-мужчинами закипела работа. Бросалась в глаза интеллигентность женщин-солдат. До 30 % оказались курсистками (были и бестужевки) и до 40 % имели среднее образование. Пришли все – и сестры милосердия, и домашняя прислуга, крестьянки и мещанки, выпускницы университетов. Были и представительницы очень известных фамилий – княжна Татуева из знаменитого грузинского рода, Дубровская – дочь генерала, батальонным адъютантом была Н.Н. Скрыдлова – дочь адмирала Черноморского флота.

Всюду звенящим металлом звучал голос Бочкаревой. Она успевала везде и горела огнем вдохновившей ее идеи. Женщины проходили медкомиссию и стриглись почти наголо. В первый же день Бочкарева выгоняет из батальона 30 человек, на второй – 50. Причины обычные – хихиканье, флирт с мужчинами-инструкторами, невыполнение приказов. Она постоянно призывает женщин помнить о том, что они солдаты, и серьезнее относиться к своим обязанностям. Несколько раз прибегает и к пощечинам в качестве наказания за дурное поведение.

Большевики очень быстро поняли угрозу, исходившую от женского батальона. Еще в первые дни формирования Мария получила порядка тридцати писем с угрозами. Однако она продолжала свое нелегкое дело. Часть женщин, распропагандированные большевиками, предприняли попытку сформировать комитет и выступили с резкой критикой той

железной дисциплины, которая царила в батальоне благодаря стараниям Бочкаревой. В батальоне произошел раскол. Бочкарева была вызвана поочередно к командующему округом генералу Половцеву и Керенскому. Оба разговора протекали очень бурно – с криками и стучанием кулаками по столу с обеих сторон! Но – в батальоне никаких комитетов не будет!

Бочкарева переформировала батальон, в котором осталось 300 штыков. Все до 35 лет, и только одной добровольце 40. Запись уже прекращена. На вопрос корреспондентов газет о запасных кадрах Мария отвечает: «Ни к чему. Уйдем и умрем…» Предварительный смотр батальона прошел с 12-балльной отметкой. На женщинах-солдатах были особые погоны – белые с продольными черной и красной полосой, а на правом рукаве гимнастерки – красно-черная стрела углом вниз. Кстати, 2-я рота 1-го Петроградского женского Батальона смерти, которая охраняла Зимний дворец в октябре 1917 г., на фронте никогда не была и состояла как раз из получивших от Бочкаревой «отвод» за «легкое поведение».

21 июня 1917 г. батальон в новом обмундировании стоял на площади перед Исаакиевским собором. Прошел торжественный молебен при стечении больших толп народа и построенных частях Петроградского гарнизона. Члены правительства и генералы провожали батальон на фронт. Унтер-офицер Мария Бочкарева, впервые в истории Русской Армии, принимала из рук архиепископа Боевое Знамя. Фамилия Марии была золотом вышита на Знамени, которое в случае ее гибели должно было быть возвращено в собор как святыня и никогда не будет служить другому командиру. Батальону передали и фронтовой подарок – серебряные иконы от солдат 1-й и 3-й армии с изображением Божьей Матери и Георгия Победоносца. Генерал Корнилов, представлявший командование армии, вручил Марии револьвер и саблю с золотыми памятными планками на рукоятке и эфесе. Керенский произвел Бочкареву в офицеры и прицепил тут же погоны прапорщика. Повсюду были овации и возгласы: «Да здравствует Бочкарева!»

Закончился этот удивительный день, похожий на сон, и 24 июня батальон выступил на фронт. На фронте батальон придали 525-му пехотному полку. Солдаты встретили батальон насмешками и скотским поведением. Бочкарева вспоминала, «… что никогда прежде не встречала такой оборванной, разнузданной и деморализованной шантрапы, называемой солдатами». Это был плод большевистской пропаганды в своем законченном виде. Женский батальон представлял собой слишком резкий контраст по сравнению с этой бандой. Несмотря

на суровую дисциплину, Бочкарева пользовалась непререкаемым авторитетом среди своих «солдатиков», как она сама любовно называла бойцов батальона.

8 июля 1917 г. в 3 часа должно было начаться наступление – первый бой батальона. Он занимал позицию в передней линии окопов, поддерживаемый с флангов другими ротами. Все ждали сигнала к атаке… Но целый корпус замитинговал – идти в атаку или не идти? В этом постыдном занятии защитники отечества провели весь день… Когда уже сгущались вечерние сумерки, к женскому батальону подошли 75 офицеров во главе с командиром 525-го полка подполковником Ивановым и 300 оставшихся верными Присяге солдат. Они попросили разрешения у Бочкаревой стать в строй батальона. Было принято общее решение наступать, чтобы тем самым пристыдить солдат и заставить их подняться в атаку. Общее командование приняла на себя прапорщик Бочкарева. Командованию было доложено о принятом решении. Солдаты на обоих флангах батальона издевались и зубоскалили: «Ха-ха! Вот это наступление – бабы и офицеры!»

Цепь построили так, что каждую женщину прикрывали с обеих сторон мужчины. Офицеры распределились на равном расстоянии по всей цепи. И вот батальон двинулся в атаку! Немцы открыли огонь, появились первые убитые и раненые. Время от времени женщины и офицеры оглядывались назад, – не встают ли солдаты? А солдаты продолжали уже завороженно смотреть на эту уходящую в сумерки цепь. Какая-то жалкая тысяча шла, не кланяясь пулям, на прорыв немецкого фронта! И вот что-то проснулось и зашевелилось в окопах, людские массы обогнали батальон справа и слева и заняли с ходу первую и вторую траншеи немцев. Надо дальше – в третью! Но новый враг стал на пути солдата – в немецких траншеях оказалось в изобилии водки и пива. Многие с остервенением набросились на спиртное… Батальон опять остался один против накапливающих силы для контратаки немцев. Немецкие атаки следовали одна за другой, но непоколебимо, как некогда 300 спартанцев, стояли 300 русских женщин на пути полчищ неприятеля. В этой безнадежной ситуации, когда дорог был каждый штык и каждый выстрел в сторону неприятеля, Бочкарева застала одну из своих девушек с каким-то солдатом занимающимися любовью за стволом дерева. Бочкарева вспоминала, что не в себе от ярости «…проткнула девку штыком, а солдат успел убежать».

После боя в строю осталось 200 женщин-солдат. Батальон потерял 30 убитых и 70 раненых. Бочкарева была произведена в чин подпоручика, а впоследствии – в поручики. А в это время уже

по всей стране шло формирование женских частей. Военный совет 29 июня утвердил положение «О формировании воинских частей из женщин-добровольцев». Официально на октябрь 1917 г. числились: 1-й Петроградский женский Батальон смерти, 2-й Московский женский Батальон смерти, 3-й Кубанский женский ударный батальон. Были организованы и женские команды связи: в Петрограде – 2, в Москве – 2, в Киеве – 5, в Саратове – 2. Стихийное формирование женских отрядов шло в Киеве, Минске, Полтаве, Харькове, Симбирске, Вятке, Смоленске, Иркутске, Баку, Одессе, Мариуполе. В июне был объявлен приказ о формировании первой Морской женской команды. В самой армии формировались исключительно добровольческие ударные батальоны смерти. Даже солдаты-инвалиды по примеру женщин организовывали свои отряды и возвращались в строй.

Большевистский переворот ставит батальон в невыносимое положение. Солдаты готовы разорвать женщин на куски, поскольку те продолжают отважно выполнять свой воинский долг. Бочкарева распускает батальон, снабдив девушек гражданским платьем и документами. Трогательные были последние минуты прощания боевых соратниц…

Бочкарева едет домой, но по пути в Петрограде ее арестовывают и отбирают врученное Корниловым оружие. Происходит разговор с Лениным и Троцким, которые убеждают ее встать на сторону «народа». Несмотря на то что Мария твердо заявила им о том, что они погубят страну, ее отпускают с документами и билетом до дома. 7 января 1918 г. она получает телеграмму из Петрограда от одного из генералов с просьбой приехать. Подпольная офицерская организация просит ее установить связь с генералом Корниловым, который уже формировал Добровольческую армию на Дону. Не видя для себя возможности принимать непосредственное участие в Гражданской войне, Бочкарева решает помочь Белому движению другим путем. По поручению генерала Корнилова она едет в США просить помощи для борьбы с большевистской властью.

Ее появление в военной форме с крестами и медалями произвело фурор. Для нее открылись двери домов многих высокопоставленных лиц. Она встречалась с министром обороны и госсекретарем США. Здесь же она надиктовала свои воспоминания одному из бывших соотечественников. А дальше – Англия, встречи с Черчиллем и королем Георгом V. По возвращении в Россию, 10 ноября 1919 г., Бочкарева встречается с адмиралом Колчаком. Формирует по его поручению женский санитарный отряд в 200 человек. Однако армии Колчака отходят, и Мария возвращается в Томск.

7 января 1920 г. она была арестована. В заключение к окончательному протоколу ее допроса от 5 апреля 1920 г. следователь Поболотин отметил, что «преступная деятельность Бочкаревой перед РСФСР следствием доказана… Бочкареву как непримиримого и злейшего врага рабоче-крестьянской республики полагаю передать в распоряжение начальника Особого отдела ВЧК 5-й армии». 21 апреля было принято решение передать Бочкареву в Особый отдел ВЧК г. Москвы, но 15 мая это решение было пересмотрено и принято новое – Бочкареву расстрелять. На стертой от времени обложке уголовного дела была сделана синим карандашом приписка: «Исполнено пост. 16 мая». Так в возрасте 31 года погибла эта замечательная женщина-патриот.

В парижском журнале русской военной эмиграции «Военная быль» в 1969 г. было напечатано стихотворение, которое вполне могло быть походной песней женского Батальона смерти:

Со всех сторон России
Пришли мы воевать…
Поднялись мы стихийно
За право умирать…
Нам нет домой возврата —
Отвергла нас семья…
Мы женщины-солдаты,
Пусть примет нас земля…
Мы братьям будем сменой —
Не побежден ведь враг.
Мы не хотим измены,
Стоим за свой очаг!
Мы отреклись от жизни,
У нас одна мечта:
Служить своей отчизне
И победить врага!
Нам нет домой возврата,
Мы – за России честь,
Мы – женщины-солдаты,
И нам награда – смерть!

Родин И.В., член Украинского института всеобщей истории

Введение

В начале лета 1917 года весь мир был потрясен известием из Петрограда о том, что некая Мария Бочкарева формирует из женщин боевую часть под наименованием Батальон смерти. Это сообщение открыло прежде никому не известной русской крестьянке путь к всемирной известности.

Простолюдинка из далекой российской провинции, Мария Бочкарева неожиданно оказалась в центре внимания современной прессы. С ней искали встречи иностранные корреспонденты, ее преследовали фотографы, выдающиеся люди спешили засвидетельствовать ей почтение. И каждый по-своему пытался рассказать об этой удивительной личности. В результате возник поток дезинформации и кривотолков.

Из всех многочисленных публикаций о Бочкаревой и интервью, взятых у нее и попавшихся мне на глаза, вряд ли найдется хоть один материал, не содержащий ложных или ошибочных заявлений. Это отчасти объясняется тем достойным сожаления фактом, что иностранные журналисты, знакомившие мир с русскими людьми и событиями в России в памятном 1917 году, за редким исключением, не знали русского языка, но отчасти также и тем, что сама Бочкарева не желала доверяться всякому предприимчивому чужестранцу – искателю приключений. И все же она мечтала о том, чтобы когда-нибудь ее жизнь была описана в книге.

Мечта Марии Бочкаревой нашла воплощение в данном произведении, по своему характеру весьма напоминающем исповедь. Находясь в Соединенных Штатах летом 1918 года, Бочкарева решилась подготовить автобиографию. Если бы она была достаточно образованной и могла легко излагать мысли на бумаге, то, вероятно, написала бы историю своей жизни по-русски, а затем позволила бы перевести ее на английский язык. Но, будучи малограмотной, она сочла необходимым воспользоваться услугами литератора, владеющего ее родным языком, единственным, который она знала. Процедура написания книги сводилась к следующему: Бочкарева рассказывала мне по-русски свою историю, а я записывал ее уже по-английски, стараясь сделать запись дословной. Нередко я прерывал рассказ вопросом с целью оживить в ее памяти какие-то забытые эпизоды и переживания. А между тем один из природных талантов Бочкаревой – блестящая память. Ей потребовалось почти 100 часов в течение трех недель, чтобы пересказать мне во всех деталях романтическую историю своей жизни.

В ходе нашей первой встречи Бочкарева дала ясно понять, что все, о чем она собирается мне поведать, серьезно отличается от баек, сочиненных про нее в прессе. Ей хотелось рассказать о самом сокровенном и впервые открыть для всех тайные страницы своего прошлого. Она это сделала и тем самым полностью развеяла несколько расхожих выдумок о себе. Вероятно, одной из главных среди них было сообщение о том, будто Бочкарева пошла в армию солдатом и участвовала в Первой мировой войне, чтобы отомстить за убитого мужа. Собственная ли это ее выдумка или изобретение какого-то борзописца-корреспондента – трудно сказать. Но так или иначе, это был вполне подходящий ответ-отговорка на извечный вопрос докучливых журналистов о том, каким образом и почему она стала солдатом. Не умея объяснить миру с его условностями и стереотипами причин того страстного порыва, который фактически определил ее необычную судьбу, она использовала эту отговорку до тех пор, пока не появилась возможность записать всю историю ее наполненной отвагой жизни.

Эта книга позволит также преодолеть основанное на непонимании недоверие к Бочкаревой со стороны радикалов. Когда она приехала в Соединенные Штаты, экстремисты тут же заклеймили ее как контрреволюционерку, монархистку и злобную интриганку. Допущена величайшая несправедливость по отношению к ней. Она несведуща в политике, презирает интриги и духовно стоит выше всякой партийной борьбы. Ее миссией в жизни было освобождение России от германского ярма.

Поставленный фактически в положение исповедника, я получил привилегию познать душу этой необычной крестьянки – привилегию, которую всегда буду считать бесценной. Она не только рассказала мне о своей удивительной жизни во всех подробностях, какие только могла воспроизвести ее память, но и открыла свои сердечные тайны. Такими откровениями она не удостаивала даже своих друзей. Испытывая в самом начале нашей совместной работы некоторое предубеждение к собеседнице, я вскоре был покорен широтой ее души.

В чем величие Бочкаревой? Г-жа Эмелин Панкхерст называла ее величайшей женщиной века. «Женщиной, спасшей Францию, была крестьянская девушка Жанна д'Арк, – писал один из корреспондентов в июле 1917 года. – Мария Бочкарева – ее современный аналог». В самом деле, с эпохи Орлеанской девы и до наших дней мы не найдем в анналах истории среди женщин личности, равнозначной Бочкаревой. Подобно Жанне д'Арк, эта русская крестьянка посвятила свою жизнь защите Отечества. И хотя дело Бочкаревой не имело успеха (правда, с этим еще

неясно, ибо вряд ли кто отважится предсказать судьбу России), это не снижает величия ее подвига. Успех в наш материалистический век не всегда может служить мерилом истинной гениальности.

Как и Жанна д'Арк, Бочкарева олицетворяет свою страну. Может ли быть более яркий символ Франции, чем образ Жанны д'Арк? Столь же удивительно Мария Бочкарева со всеми ее добродетелями и пороками символизирует крестьянскую Россию. Выучившаяся лишь настолько, чтобы с трудом нацарапать свое имя, она тем не менее наделена логикой гения. Ее ясный природный ум позволяет ей при полном незнании истории и литературы свободно говорить о самых главных жизненных проблемах и истинах. Верящая в Бога со всей страстностью своей простой души, она в то же время обладает терпимостью философа. Преданная стране всем своим существом, она лишена пылких политических пристрастий и эгоистического патриотизма. Преисполненная благородства и доброты, она способна и на бешеные вспышки гнева, и на жестокие поступки. Наивная и доверчивая, как дитя, она легко возбуждается в конфликтных ситуациях. Как воин, она отличается безумной отвагой, отчаянной храбростью и страстным, подчас необычайно трогательным жизнелюбием. Одним словом, Бочкарева воплощает в себе все те парадоксальные особенности русской натуры, которые делают Россию загадкой для всего мира. Свидетельство тому можно найти почти на каждой странице книги. Снимите с России налет западной цивилизации, и вы увидите, что Мария Бочкарева является ее олицетворением. Познакомьтесь с Бочкаревой, и вы познаете Россию – этот только что рожденный в муках, непобедимый, упорно борющийся колосс, поднимающийся во всю свою мощь и ширь.

Вполне понятно, что мотивы, приведшие к созданию этой книги, носили сугубо личный характер. В своей основе моя работа – в чистейшем виде человеческий документ, запись событий необычайно бурной жизни. Для Бочкаревой и меня, как автора, главным в повествовании было точное воспроизведение фактов. И поистине эта запись оказалась ценной не только как мемуарное произведение, запечатлевшее историю жизни незаурядной личности, но и как летопись, в которой нашли отражение определенные этапы важного периода в истории человечества; не только как биографический, но и как исторический документ. Поскольку Бочкаревой всегда была чужда какая-либо политическая приверженность, и сейчас она продолжает придерживаться этой позиции; поскольку она не претендует на оценку людей и событий, ее откровения

приобретают особое значение. Читатель получит также представление о Керенском и его деятельности, которое целиком перечеркивает все сказанное до сих пор об этом трагическом, но очень типичном порождении российской интеллигенции. Корнилов, Родзянко, Ленин, Троцкий и другие знаменитые деятели российской революции предстают на страницах этой книги как живые.

Насколько мне известно, пока еще не издано ни одной книги, рассказывающей о том, как русская армия на фронте реагировала на революцию. Каковы были умонастроения русских солдат в окопах, ставшие в конечном счете решающим фактором в последующем развитии событий в первые месяцы 1917 года? История России, освобождающейся от оков, не будет полной без ответа на этот важный вопрос. Данная книга – первая попытка выявить моральное состояние многочисленной русской армии на фронте и показать ее реакцию на революционные события в России и возникшие в связи с этим грандиозные проблемы. Особую значимость эта книга имеет потому, что в ней выражены мысли и настроения рядового солдата-ветерана из крестьян.

Вероятно, наибольший интерес для нас в книге представляет ужасающая картина – большевизм в действии. Против теоретических посылок большевиков о создании государства социальной справедливости на земле Бочкарева ничего не имеет. Она сказала об этом в беседе лично Ленину и Троцкому. Но вот она на своем горьком опыте познала практику большевизма – ее леденящий душу рассказ о власти толпы навсегда останется в памяти читателя.

Бочкарева уехала из Соединенных Штатов в конце июля 1918 года, добившись встречи с президентом Вильсоном. Отсюда она направилась в Англию и далее – в Архангельск, куда прибыла в начале сентября. Согласно газетным сообщениям, она подготовила следующее воззвание для распространения в сельских общинах и церковных приходах:

> «Я, русская крестьянка и солдат Мария Леонтьевна Бочкарева, по просьбе солдат и крестьян поехала в Америку и Англию, чтобы просить у них военной помощи для России.
>
> Союзники понимают наши беды, и теперь я вернулась сюда с союзными войсками, которые пришли только для того, чтобы помочь изгнать нашего общего смертельного врага – германца, но не вмешиваться в наши внутренние дела. Когда война закончится, войска союзников оставят русскую землю.

Я со своей стороны призываю всех верных и свободных сыновей России, независимо от партийной принадлежности, сплотиться воедино и действовать совместно с вооруженными силами союзников, которые под российским флагом идут освобождать Россию от германского ярма и хотят всеми средствами помочь новой, свободной российской армии разгромить врага.

Солдаты и крестьяне! Помните, что только полное и окончательное изгнание немцев с нашей земли даст России ту свободу, к которой вы стремитесь».

Исаак Дон Левин Нью-Йорк Ноябрь 1918 года

Часть первая
Юность

Глава первая. С малых лет в труде

Мой отец Леонтий Семенович Фролков родился в семье крепостного крестьянина в деревне Никольское Новгородской губернии, в трехстах верстах к северу от Москвы. Ему было пятнадцать, когда Александр II освободил крестьян в 1861 году, и он отчетливо помнит это историческое событие, восхищаясь им даже теперь всякий раз, когда рассказывает о времени своего детства. Призванный в армию в начале семидесятых, он участвовал в Русско-турецкой войне 1877-1878 годов и, проявив храбрость, был удостоен нескольких медалей. В солдатах он научился читать и писать, а потому был произведен в унтер-офицеры.

Возвращаясь домой после окончания войны, он проходил рыбацким поселком Чаронда, расположенным на берегу озера в Кирилловском уезде, что в сорока верстах от Никольского. Уже не простой мужик по обличью, с военной выправкой и позвякивавшими в кармане монетами, он произвел впечатление на жителей бедной Чаронды. Там он встретил мою мать Ольгу, старшую дочь Елизара Назарева, вероятно, самого незадачливого жителя этого поселка.

Елизар с женой и тремя дочерьми жил в ветхой лачуге на песчаном берегу озера. Он был так беден, что не мог позволить себе купить лошадь, чтобы отвозить свой улов в город, и вынужден был продавать его заезжему скупщику по цене гораздо ниже рыночной. Вырученных таким образом денег не хватало даже на то, чтобы прокормиться.

Хлеб в этой маленькой хижине всегда был роскошью. Земля же вокруг была непахотной. Жена Елизара нанималась к более зажиточным крестьянам в ближайшей округе на тяжелую работу от зари до зари за десять копеек в день. Но даже этот дополнительный заработок не всегда удавалось добыть. Тогда Ольгу посылали просить подаяние в соседних деревнях.

Однажды, когда ей было не больше десяти лет, маленькая Ольга попала в страшную беду, о которой она впоследствии не могла вспоминать без ужаса. Возвращаясь домой с корзиной, полной кусков хлеба, выпрошенных в нескольких деревнях, уставшая, но счастливая от успешно выполненного поручения, она шла так быстро, как только могла. Дорога вела через лес. Внезапно она услышала вой целой стаи волков. Сердце у Ольги замерло. Ужасающие завывания раздавались все ближе. От сильного испуга она потеряла сознание и упала на землю.

Когда пришла в себя, вокруг никого не было. Волки, по-

видимому, понюхали ее бесчувственное тело и ушли. Хлеб и корзинка были разбросаны по сторонам, втоптаны в грязь. Оставив в лесу свою драгоценную ношу, задыхаясь она прибежала домой.

Вот в таких условиях и жила моя мать, пока ей не исполнилось девятнадцать лет, когда она привлекла к себе внимание Леонтия Фролкова, задержавшегося в Чаронде по пути домой с войны. Он даже купил ей в подарок пару ботиночек. Это были первые в ее жизни ботинки, и, конечно, он окончательно покорил этим сердце скромной и робкой Ольги. Она с радостью согласилась выйти за него замуж.

После свадьбы молодая чета переехала в Никольское, родную деревню отца, где ему досталась в наследство небольшая полоска земли. Они обрабатывали ее вместе и с большим трудом сводили концы с концами. Там родились две моих старших сестры, Арина и Шура, прибавив нищеты моим родителям. К этому времени отец стал пить и начал дурно обращаться с женой, избивая ее. По натуре он был угрюмым и себялюбивым. Нужда же сделала его теперь еще и жестоким. Жизнь матери с ним стала просто несчастьем. Она постоянно была в слезах, всегда просила пощады и обращалась с молитвами к Богу.

Я родилась в июле 1889 года третьей дочерью в семье. В ту пору по всей стране строилось много железных дорог. Когда мне исполнился год, отец, чья воинская часть располагалась некогда у Царского Села, решил уехать в Петроград поискать работу. Мы остались совсем без денег. Писем от отца не было. Находясь на грани голодной смерти, мать каким-то образом сумела с помощью добрых соседей сохранить жизнь себе и своим детям.

Когда мне было около шести, от отца пришло письмо – первое, написанное им за пять лет отсутствия. Он сломал правую ногу, но обещал приехать домой, как только сможет двигаться. Мать горько плакала, услыхав эту новость, но обрадовалась вести от отца, которого уже считала погибшим. Несмотря на жестокое обращение мужа, она все еще его любила. Я помню, как мать была счастлива, когда отец приехал, но это счастье продолжалось недолго. Нищета и невзгоды одолели нас. Характер у отца стал еще более жестоким. Не прошло и года, как в семье появился четвертый ребенок – еще одна девочка. А в доме не было хлеба.

Со всей нашей округи крестьяне тогда переселялись в Сибирь, где правительство давало им бесплатно большие наделы земли. Мой отец тоже говорил об отъезде, но мать была против. Однако, когда наш сосед Веревкин, уехавший незадолго до того в Сибирь, прислал письмо, в котором в ярких красках описал новые места, отец принял решение ехать.

Многие мужики уезжали в одиночку. Они получали там наделы, обрабатывали их, строились и только потом возвращались за своими семьями. Те же, у кого хватало денег, чтобы преодолеть трудности, сразу брали семьи с собой. Но мы были настолько бедны, что к тому времени, когда добрались до Челябинска, резиденции правительственной комиссии, распределявшей земли, у нас не осталось ни копейки. На каждой станции, пока мы ехали, отец добывал немного кипятку, а мои старшие сестры отправлялись просить хлеба.

Нас распределили в Кусково, село в ста верстах за Томском. На каждой станции мои сестры просили еду, а отец наполнял наш чайник кипятком. Так мы добрались наконец до Томска. Наш земельный надел находился в центре тайги, посреди девственного сибирского леса. Нечего было и думать о том, чтобы сразу там поселиться, поэтому отец остановился в Томске, отослав нас всех в Кусково. Мои сестры начали работать за харчи и одежду. Мать, еще сильная и крепкая женщина, пекла хлеб, платя этим за жилье, а я нянчилась с младенцем.

Однажды мать ожидала каких-то гостей. Она испекла пироги и купила полбутылки водки, которую поставила на полку. Пока она работала, я пыталась укачать ребенка. Но малышка непрерывно плакала. Я не знала, как ее успокоить. И тут мой взгляд упал на бутылку с водкой.

«Наверное, это поможет», – подумала я и решила дать ребенку стопку водки.

Но прежде чем сделать это, я попробовала выпить сама. Рот обожгло, но почему-то захотелось еще. Я выпила стопку, и ожога больше не ощущалось. Выпила вторую. И таким манером расправилась со всей бутылкой. Совсем ослабевшая и полусонная, я взяла малышку на руки и попыталась ее убаюкать. Но зашаталась и свалилась на пол вместе с ребенком.

Мать прибежала и нашла нас там орущими во все горло. Тут явились гости, и мама хватилась бутылки. Виновного долго искать не пришлось. Я никогда не забуду трепки, которую мне задали по этому случаю.

К зиме из Томска приехал отец. Он привез немного денег. Зима была суровой, и в округе свирепствовали болезни. Мы все заболевали по очереди – сначала отец, потом мать, за ними и все девчонки. Так как в доме не было ни крошки хлеба и денег, чтобы что-то купить, о нас стала заботиться община и до весны кормила и помогала нам. Чудом избежали мы смерти, но наша одежда превратилась в лохмотья, а обувь совсем развалилась. И родители решили переехать в Томск, куда мы и прибыли однажды, босые и вконец оборвавшиеся. С трудом отыскали себе пристанище в

какой-то убогой ночлежке на окраине города.

Отец был ленив и работал лишь два дня в неделю. Остальное время проводил в безделье и пьянстве. Сестры работали няньками, мать трудилась в пекарне, забрав туда с собой меня и малышку. Спали мы с ней на сеновале конюшни, прислушиваясь к тому, как лошади внизу бьют копытами. Нашей постелью была охапка сена, брошенная на настил из неструганых досок, положенных поперек бревен. Вскоре жена булочника стала возражать против лишнего рта, то есть против меня. В ту пору мне было чуть больше восьми лет.

– Почему ты не пошлешь ее работать? Она уже должна зарабатывать себе на хлеб, – заявляла хозяйка.

Мать прижимала меня к груди, плакала и умоляла сжалиться над нами. Но хозяйка становилась все настойчивее, грозясь выкинуть нас на улицу.

Наконец однажды отец пришел навестить нас и принес хорошую весть: он нашел для меня работу. Я должна была смотреть за пятилетним мальчиком за харчи и восемьдесят пять копеек в месяц.

– Если будешь стараться, – напутствовал отец, – то скоро станешь получать и рубль.

Так началась моя жизненная карьера. Мне исполнилось восемь с половиной лет, и я была очень худенькая. Никогда раньше не отрывалась я от мамкиного подола, и поэтому обе мы горько плакали при расставании. Мрачным, тягостным и непонятным был тот мир, куда вел меня отец. От потоков пролитых слез остались лишь смутные воспоминания о том времени моей жизни.

Несколько дней мне пришлось присматривать за маленьким мальчиком. Однажды после обеда, забавляя его смешными фигурами, нарисованными мною на песке, я настолько увлеклась игрой, что стала спорить со своим подопечным, и закончилось это дракой. Помню острое ощущение своей правоты. Но мать мальчишки не пожелала разобраться. Она услыхала его вопли и отхлестала меня.

Я была глубоко оскорблена незаслуженной трепкой, полученной от незнакомой женщины.

– Где моя мама? Почему она не придет отомстить за меня? – рыдала я.

Но она не откликнулась на мои причитания. И никто не отозвался. Я чувствовала себя несчастной. Каким же злым был этот мир, каким несправедливым! Просто жить не хотелось.

Мои ноги были босы. Платье все в лохмотьях. И казалось, никому до меня нет дела. Я была совсем одинока, без друзей и

подруг, и никто не знал об острой тоске, раздиравшей мое сердце. Утоплюсь, подумала я. Да, побегу к реке и утоплюсь. А потом полечу, не чувствуя никакой боли, прямо к Господу.

Я решила ускользнуть из дома при первой же возможности и прыгнуть в реку, но, прежде чем представился такой случай, меня навестил отец. Он застал меня всю в слезах.

– Что случилось, Манька? – спросил он.

– Хочу утопиться, папа, – ответила я горестно.

– Боже милосердный! Да что стряслось-то, глупая ты девчонка?

Тут я все ему выложила начистоту и стала просить отвести меня к матери. Он приласкал меня, но сказал, что мать расстроится, если я брошу эту работу. Он пообещал купить мне пару туфель, и я осталась.

Но пробыла я там недолго. Мальчонка, увидев, как его мать меня наказала, стал этим пользоваться и сделал мою жизнь вовсе невыносимой. В конце концов я убежала от них и целый день до темноты бродила по городу, разыскивая свою мать. Было уже совсем поздно, когда меня всю в слезах подобрал на улице полицейский и отвел в участок. Дежурный по околотку взял меня к себе домой на ночевку.

Дом у него был довольно большой. Я в таком раньше никогда не бывала. Когда я утром проснулась, мне показалось, что в этом доме уж слишком много дверей. Захотелось узнать, что находится за ними. Открыв одну из дверей, я увидела того самого полицейского. Он спал на кровати, а рядом с ним лежал пистолет. Я хотела быстро уйти, но он пробудился, схватил пистолет и спросонья стал угрожать им мне. Испугавшись, я выбежала из комнаты.

Между тем отцу сообщили о моем побеге, и он пошел в полицейский участок, чтобы разыскать меня. Его направили в дом того самого полицейского. Там он и нашел меня плачущей на крыльце и отвел к маме.

Вскоре мои родители решили обзавестись своим жильем. Весь их капитал составлял не более шести рублей. Они сняли за три рубля в месяц помещение в подвале одного дома. На два рубля отец приобрел кое-какую подержанную мебель – колченогий стол, лавки – и кое-что из кухонной утвари. На несколько копеек, оставшихся от последнего рубля в кошельке, мама приготовила нам какую-то еду. А меня послали купить на копейку соли.

Бакалейной лавкой на нашей улице владела еврейка Настасья Леонтьевна Фуксман. Она оглядела меня внимательно, когда я вошла в лавку, поняла, что я чужая в этом околотке, и спросила:

– Ты чья?

– Я дочь Фролковых. Мы только что поселились в подвале соседнего дома.

– Мне нужна девочка помогать по дому. Хочешь у меня работать? – спросила она. – Я положу тебе рубль в месяц и стол.

Я была вне себя от радости и стремглав бросилась домой, так что прибежала к матери, совсем запыхавшись. Я рассказала ей о предложении, которое мне сделала бакалейщица.

– Только, – замялась я, – она ведь еврейка.

Я слышала так много разного про евреев, что боялась жить под одной крышей с еврейкой. Мать успокоила мои страхи на этот счет и отправилась в бакалею побеседовать с хозяйкой. Вернулась она довольная, и таким образом я попала в услужение к Настасье Леонтьевне.

Легкой эта жизнь не была. Я научилась обслуживать покупателей, бегать куда пошлют, делать все по дому – от варки и шитья до мытья полов. Весь день я работала до изнеможения, а ночью спала на старом сундуке в коридоре между бакалейной лавкой и квартирой. Мое месячное жалованье целиком шло матери, но этих денег никогда не хватало, чтобы отогнать от нашего дома призрак голодной смерти. Отец зарабатывал мало, а пил много и становился все более жестоким.

Со временем жалованье мое увеличилось до двух рублей в месяц. Но я росла, и мне требовалось больше одежды, которую мать покупала на заработанные мною деньги. Настасья Леонтьевна была требовательной хозяйкой и нередко наказывала меня. Но она и любила меня как дочь и всегда стремилась помириться со мной после серьезных взбучек. Я ей многим обязана, поскольку она научила меня почти всему, что положено знать в торговле и в работе по дому.

Мне было, вероятно, около одиннадцати лет, когда я в припадке злости поссорилась с Настасьей Леонтьевной. Ее брат часто посещал театр и постоянно говорил о нем. Я не совсем понимала, что это такое, но мне было любопытно, и однажды вечером я задумала поглядеть на этот дом чудес. Я попросила у Настасьи Леонтьевны денег, чтобы пойти туда. Она ответила отказом.

– Ах ты, маленькая мужичка! Да что тебе до этого театра? – спросила она насмешливо.

– А ты ср… жидовка! – отрывисто бросила я ей в лицо и выбежала из лавки.

Я пошла к маме и рассказала ей о происшедшем. Она была в ужасе.

– Да ведь теперь тебя не возьмут назад. Что же мы тогда

будем делать без твоего жалованья, Маруся? Как будем платить за квартиру? Придется опять просить милостыню, – плача, причитала она.

Но через некоторое время моя хозяйка пришла за мной и выбранила меня за мою горячность.

– Откуда мне было знать, что тебе так хочется пойти в театр? – спрашивала она. – Ну ладно. Я буду давать тебе пятнадцать копеек каждое воскресенье. Можешь туда ходить.

И по воскресным дням я стала завсегдатаем галерки, с огромным интересом следила за игрой актеров, за их необычными жестами и за тем, как они говорят.

Пять лет я работала у Настасьи Леонтьевны, взваливая на себя с годами все больше дел. Рано поутру я вставала, открывала ставни, месила тесто и мела или скребла полы. В конце концов этот однообразный тяжелый труд стал мне надоедать, и я начала подумывать о том, чтобы найти другую работу. Но мать была больна, отец работал все меньше и меньше и почти все время пил. Он сделался еще более жестоким, колотил нас всех беспощадно. Старшие сестры вынуждены были уйти из дома. Шура вышла замуж шестнадцати лет, и я, четырнадцатилетняя девчонка, осталась главной опорой семьи. Часто появлялась необходимость брать жалованье вперед, чтобы избавить семью от голода.

Однажды у меня внезапно появилось искушение совершить кражу. До этого я никогда ничего чужого не брала, и Настасья Леонтьевна то и дело отмечала это мое достоинство в разговоре со своими друзьями.

– Эта мужичка никогда не крадет, – говорила она.

Но вот как-то, распаковывая коробку с сахаром, доставленную в лавку, я обнаружила в ней семь головок сахара вместо положенных шести. Желание взять лишнюю головку сахара было непреодолимым. Ночью я потихоньку стащила ее из лавки и отнесла домой. Отец обомлел.

– Ты что натворила, Маруся? Сейчас же отнеси обратно! – приказал он.

Я начала плакать и сказала, что сахар на самом деле не из лавки Настасьи Леонтьевны, что это ошиблись на сахарном заводе. Тогда отец разрешил оставить головку дома.

Я вернулась в лавку и легла спать. Но заснуть никак не могла: мучила совесть. «А если она догадается, что одной головки недостает? – думала я. – Если узнает, кто украл?»

И меня охватило чувство стыда. На следующий день я уже не могла смотреть прямо в глаза Настасье Леонтьевне. Чувствовала себя виноватой. Лицо горело. При каждом ее движении или жесте сердце у меня сжималось в предчувствии страшного

разоблачения. Наконец она заметила, что со мною творится неладное.

– Что с тобой, Маруся? – спросила она, притянув меня к себе. – Тебе нездоровится, что ли?

Это было еще мучительней. Совершенный грех становился все тяжелее и тяжелее. И вскоре стал невыносимым. Совесть никак не успокаивалась. По прошествии нескольких беспокойных дней и бессонных ночей я решилась сознаться. Войдя в спальню Настасьи Леонтьевны, когда та спала, я опустилась на колени и разрыдалась. Она проснулась в тревоге:

– Что случилось, детка? Что с тобой?

Плача, я выложила ей всю историю совершенной кражи, прося прощения и обещая никогда больше не воровать. Настасья Леонтьевна успокоила меня и отправила спать. Но моим родителям она простить не смогла. На следующее утро она пришла к нам домой и отчитала моего отца за то, что он не возвратил сахар сразу и не наказал меня. Унижение и стыд, в которые были повергнуты мои родители, не знали границ.

По воскресеньям я была дома, помогая матери по хозяйству. Ходила по воду к колодцу, который находился довольно далеко. Мать целыми днями пекла хлеб, а отец относил его на базар, продавая по десяти копеек за булку. Нрав его становился все более жестоким, и я уже привыкла, приходя домой, видеть мать во дворе всю в слезах, когда отец возвращался в пьяном виде.

Мне исполнилось пятнадцать, и я начала тяготиться своей участью. Во мне зарождались жизненные силы, пробуждавшие мое воображение. Все, что происходило за пределами того ограниченного мирка, в котором я жила и трудилась, звало меня, манило, завлекало. Впечатления о другом мире, которые я получила в театре, оставили глубокий след в моей душе и порождали волнующие чувства. Мне хотелось красиво одеваться, ходить на гулянки, наслаждаться удовольствиями жизни. Хотелось учиться, иметь деньги, чтобы навсегда избавить родителей от нищеты и голода. Хотелось хотя бы денек пожить беспечной жизнью, а не вставать с солнцем, чтобы скрести полы или стирать одежду.

Ах, чего я только не отдала бы за то, чтобы испробовать все услады, все радости жизни! Но, казалось, мне они были заказаны. Все дни напролет я батрачила в маленькой лавке и на кухне. И никогда не имела лишнего рубля. В моей душе назревал протест против этого унылого, бесцельного и беспросветного существования.

Глава вторая. Замужем в пятнадцать лет

Началась Русско-японская война. А вместе с ней Сибирь, от Томска до Маньчжурии, забурлила новой жизнью. Она всколыхнула и нашу улицу, до тех пор безжизненную и ничем не привлекательную. Напротив бакалейной лавки Настасьи Леонтьевны сняли комнаты два офицера, братья Лазовы, один из которых был женат. Молоденькая мадам Лазова совсем не умела вести домашнее хозяйство. Как-то она увидела меня в лавке и предложила перейти к ней в дом и работать за семь рублей в месяц.

Предложение было столь заманчивым, что я тут же согласилась. Чего только не сделаешь с такой кучей денег! Еще бы, ведь после уплаты за аренду нашего подвала мне оставалось целых четыре рубля. Четыре рубля! Этого хватит, чтобы купить новое платье, пальто или пару модных ботиночек. Кроме того, это давало шанс освободиться от рабства у Настасьи Леонтьевны.

Я взяла на себя все заботы по домашнему хозяйству Лазовых. Это были добрые и обходительные люди, принявшие живое участие в моей судьбе. Они научили меня правильно вести себя за столом и всяким приличным манерам, а также следили за тем, чтобы я выглядела чистой и опрятной.

Молодой поручик Василий Лазов начал обращать на меня внимание и однажды вечером пригласил на прогулку. Со временем интерес Василия ко мне усилился. Мы много раз ходили вместе гулять. Он ласкал и целовал меня. Возникла близость. Понимала ли я все значение этого? Вряд ли. Все было так ново для меня, так удивительно, так заманчиво. Когда он приближался ко мне, сердце мое начинало бешено стучать. И щеки пылали жаром юности.

Василий говорил, что любит меня. Любила ли я его? Если и любила, то больше за то, что он должен был ввести меня в новый, удивительный мир. Он обещал жениться на мне. Так ли уж я хотела выйти за него замуж? Думаю, не очень. Замужество привлекало меня скорее возможностью освободиться от нудной, утомительной работы и нищеты, нежели чем-то еще. Притягательность замужества заключалась еще и в том, что я могла стать свободной, независимой и состоятельной.

Мне было пятнадцать с половиной, когда Василий соблазнил меня обещанием женитьбы. Мы жили с ним некоторое время, пока не пришел приказ, согласно которому Лазовым надлежало переехать в другую воинскую часть. Василий сообщил мне о приказе.

– Тогда давай поженимся побыстрее, пока ты не уехал, – заявила я.

Но Василий думал иначе.

– Это невозможно, Маруся, – сказал он.

– Почему? – спросила я резким голосом, чувствуя, как к горлу подступает комок.

– Да потому, что я офицер, а ты простая мужичка. Пойми, мы не можем пожениться сейчас. Марусенька, я люблю тебя, как и прежде. Давай сделаем так: я отвезу тебя к себе, ты поживешь с моими родителями, получишь образование, тогда и поженимся.

Со мной началась истерика, и, бросившись на него, как дикая кошка, я закричала не своим голосом:

– Ты подлец! Ты меня обманул! Ты меня никогда не любил! Ты негодяй! Пусть Бог тебя накажет!

Пытаясь успокоить, Василий придвинулся ко мне, но я резко оттолкнула его. Он плакал, умолял поверить ему, уверял, что любит меня и женится на мне. Но я не хотела его слушать и тряслась от гнева. Василий оставил меня в слезах.

Я не виделась с ним два дня, и с его братом и невесткой. Он исчез, а когда вернулся, на него было жалко смотреть: осунувшееся лицо, помятая одежда и запах водки ясно говорили о том, в каком распутстве он провел эти два дня.

– Ах, Маруся, Маруся, – причитал он, хватая меня за руки. – Что ты наделала, что ты наделала? Я любил тебя так сильно. А ты не захотела меня понять. Ты погубила и мою жизнь, и свою тоже.

Мое сердце сжималось от жалости к Василию. Но в то время жизнь для меня была лабиринтом со множеством тупиков, где все запутанно и обманчиво. Теперь мне ясно, что Василий меня не любил по-настоящему и что он ударился в дикий разгул, чтобы забыться и успокоить ту боль, которую я ему причинила. Если бы я его действительно любила, все было бы, наверное, по-другому. Но тогда я этого еще не понимала и у меня в голове была только одна мысль: он обещал жениться на мне и обманул. Однако замужество стало для меня символом независимой жизни и свободы.

Лазовы уехали. Они дали мне денег и множество подарков. Но мое сердце было похоже на заброшенную хижину в холодную зиму, в которой откликается эхом жуткий вой диких зверей. Вместо ожидаемой свободной жизни мне предстояло вернуться в комнату родителей в подвале. И глубоко в груди рождался страх перед неизвестностью…

Никому ничего не говоря, я возвратилась домой. Сестры уже заметили, что я изменилась. Возможно, они видели меня раз-другой вместе с Василием. Как бы там ни было, у них зародились

подозрения, и они постарались сообщить об этом матери. И той не потребовалось долго рассматривать меня, чтобы установить, что из маленькой застенчивой девочки я превратилась в молодую женщину, переживающую пору расцвета. И с тех пор для меня начались дни и ночи нескончаемых терзаний.

Отец тоже вскоре учуял, что произошло у Лазовых. Он был безжалостен и набросился на меня с кнутом, избив до полусмерти, сопровождая каждый удар такими грязными словами, которые обжигали больше, чем кнут. Он избил и маму, когда она попыталась вступиться за меня.

Теперь отец возвращался домой пьяным почти каждый день и сразу принимался меня истязать. Часто он выгонял меня вместе с матерью босыми из дому, и мы иногда часами стояли на снегу, прислонясь к ледяным стенам и дрожа от холода.

Жизнь стала сущим адом. День и ночь я молила Господа, чтобы мне заболеть или умереть. Но Бог оставался глух к моей мольбе. И все же я чувствовала, что только болезнь спасет меня от ежедневных побоев.

«Я должна заболеть!» – внушала я себе.

И вот я ложилась ночью на горячую печь, чтобы распарить тело, а потом выбегала наружу и каталась по снегу. Проделывала это несколько раз, но ничего не добилась. Болезнь не брала меня.

В таких невыносимых условиях я встретила Новый, 1905 год. Замужняя сестра пригласила меня принять участие в ряженье по случаю Святок. Отец поначалу и слышать не хотел о том, чтобы я пошла на вечеринку, но после долгих уговоров согласился. Я нарядилась мальчиком. Так впервые я надела мужскую одежду. После танцев мы пошли к друзьям моей сестры, где я познакомилась с солдатом, только что вернувшимся с фронта. Это был простой, грубоватый мужик, сыпавший неприличными словами, старше меня лет на десять. Он тут же начал за мной ухаживать. Звали его Афанасий Бочкарев.

Вскоре после этого я вновь встретилась с Бочкаревым в доме его замужней сестры. Он пригласил меня на прогулку, а потом вдруг сделал предложение. Это было столь неожиданно, что времени для размышлений у меня не оказалось. Я была согласна на все, лишь бы не подвергаться ежедневным мучениям дома. Уж если я искала смерти, чтобы освободиться от отца, то почему бы не выйти замуж за этого неотесанного мужика? И я не задумываясь согласилась.

Отец поначалу воспротивился моему браку, поскольку мне еще не исполнилось шестнадцати, но ничего не добился. Так как Бочкарев не имел ни гроша, да и у меня не было денег тоже, мы решили оба работать и понемногу откладывать заработанные

деньги. Наш брак был поспешным. Единственным сохранившимся у меня от этого ощущением было чувство освобождения от побоев жестокого отца. Увы! Тогда я даже не подозревала, что променяла один вид мучений на другой.

На следующий день после свадьбы, состоявшейся ранней весной, мы с Афанасием пошли на реку, чтобы наняться поденщиками. Мы помогали нагружать и разгружать баржи с лесом. Тяжелой работы я никогда не боялась, и все бы ничего, если бы у меня с Афанасием все было ладно. Но он тоже пил и, когда напивался, становился зверем. Он знал о моей связи с Лазовым и использовал это как предлог для побоев.

– Этот офицерик все еще у тебя в башке! – орал он. – Погоди, я его оттуда вышибу! И он пускал в ход кулаки.

Пришло лето. Афанасий и я устроились работать в контору по укладке асфальта. Мы заливали полы в тюрьме, в университете и в других общественных зданиях. Покрывали асфальтом и улицы. Мы проработали в этой конторе около двух лет. Оба вначале получали по семьдесят копеек в день, но я через несколько месяцев была назначена помощником десятника и стала получать рубль с полтиной в день. Афанасий оставался простым рабочим. Мне же нужно было хорошо знать, как готовить бетон или асфальт.

Умственная неразвитость Афанасия была сущим наказанием. Но еще большим несчастьем для меня было его пьянство с тяжелыми запоями. У него вошло в привычку избивать меня, и это делало его совершенно несносным. Мне еще не было восемнадцати, но казалось, что в жизни у меня уже ничего не будет, кроме страданий и нищеты. И все чаще и чаще приходила мысль о побеге. И наконец я решилась убежать от Афанасия.

Моя замужняя сестра переселилась в Барнаул, где они с мужем прислуживали на речном пароходе. Я сэкономила около двадцати рублей и собралась ехать к сестре, но мне был нужен паспорт. Без паспорта передвигаться по России было нельзя, поэтому я взяла паспорт матери.

По пути туда на одной маленькой станции меня задержал жандармский офицер.

– Куда едешь, девушка? – спросил он довольно грубо, глядя на меня с подозрением.

– В Барнаул, – ответила я с замирающим сердцем.

– А паспорт у тебя имеется? – поинтересовался он.

– Имеется, – ответила я, вынимая паспорт из сумки.

– Как тебя зовут? – последовал очередной вопрос.

– Мария Бочкарева…

В замешательстве я забыла, что это паспорт моей матери –

Ольги Фролковой. Когда офицер раскрыл паспорт и прочитал, что там написано, то набросился на меня, как зверь:

– Ах, значит, твоя фамилия Бочкарева?

Тут до меня дошло, что я совершила непоправимую ошибку. Мысленно представила себе тюрьму, пытки и непременное возвращение к Афанасию. Со мной все кончено, подумала я и, упав на колени перед офицером, стала умолять его сжалиться, когда он приказал следовать за ним в участок. Рыдая, я рассказала ему, что убежала от жестокого мужа, а поскольку не смогла выхлопотать себе паспорт, вынуждена была воспользоваться паспортом матери. Я просила не отсылать меня к Афанасию, потому что тот обязательно прибьет меня.

По моей простой и бесхитростной крестьянской речи офицер понял, что я никакая не преступница, но не отпустил.

– Пошли, – сказал он. – Останешься у меня, а утром я отошлю тебя в Барнаул. Если не пойдешь, то арестую и отправлю по этапу назад в Томск.

Я покорно последовала за ним. Это было первое мое столкновение с властями, и я не осмелилась протестовать. А что касается силы воли, если она у меня и была, то, должно быть, еще не пробудилась. Да и не был ли мир для меня с самого детства полон несправедливости? И разве не так это заведено в жизни? Мы, мужики и мужички, рождены для того, чтобы страдать и терпеть невзгоды. А они, чиновники, созданы, чтобы наказывать нас и издеваться над нами. И вот этот страж закона и порядка увел меня с собой, заставив страдать от стыда и унижения…

Затем мне было позволено ехать в Барнаул, и я продолжила свое путешествие. Когда я добралась туда, сестра быстро нашла мне работу на пароходе. Эта работа была сравнительно легкой, и моя жизнь приняла счастливый поворот. Уж так легко и радостно было мне оказаться далеко от своего пьяного, жестокого мужа-зверя.

Но эта свобода была недолговечной. После моего исчезновения Афанасий зашел к моей матери выяснить, где я нахожусь. Мать сделала вид, что ничего не знает о моем побеге и новом местопребывании. Афанасий приходил в наш дом снова и снова. Однажды в его присутствии почтальон принес письмо от Шуры. Он схватил его и прочитал. Так все и обнаружилось.

Как-то утром я стояла на палубе парохода, пришвартованного в порту, как вдруг заметила человека, приближавшегося к причалу. Человек этот показался мне очень знакомым. И в следующий момент я признала в нем Афанасия. Кровь застыла в моих жилах, а по коже поползли мурашки, когда я поняла, что меня ожидает. «Как только я окажусь в его руках, – подумала я, –

мое существование превратится в бесконечную пытку. Надо спасаться».

Но как спастись? Если бы я была на суше, у меня имелся бы какой-то шанс. А здесь, на воде, все пути отрезаны. И вот он уже подходит к воротам причала. Останавливается, что-то спрашивает у сторожа, который утвердительно кивает. Потом идет еще быстрее. На лице ухмылка, вселяющая ужас в мое сердце. Я попалась… Ну нет, погоди, Афанасий. Погоди радоваться! Я бросилась к краю палубы, перекрестилась и прыгнула в глубокие воды Оби. Ах, какой восторг умереть вот так! Значит, я перехитрила Афанасия. Холодна, холодна эта вода. А я погружаюсь все глубже и глубже… И я рада этому. Я торжествую. Я избежала западни… его смертельных объятий.

Я очнулась, но не на небесах, а в больнице. Люди видели, как я кинулась в реку, вытащили меня и вернули к жизни.

Власти стали выяснять, почему я хотела покончить с собой, и составили протокол допроса. Я рассказала им о муже, о его жестокости и совершенной невозможности совместного с ним проживания.

Афанасий ждал в приемном покое, желая увидеть меня. Моя попытка покончить с собой, утопившись, сильно огорчила его, пробудила в нем чувство стыда. Растроганные моим рассказом, власти сердито отчитали его за плохое обращение со мной. Он признал свою вину и поклялся, что впредь будет относиться ко мне лучше.

Тогда его впустили в палату, где я лежала. Упав на колени, он просил прощения, повторил свою клятву и заверил меня в самых ласковых выражениях в своей любви. Его слова были настолько убедительны, что я в конце концов согласилась возвратиться домой вместе с ним.

Некоторое время Афанасий и впрямь казался совсем другим человеком. Несмотря на грубость своего характера, он старался обращаться со мной ласково. Однако это продолжалось недолго. Мы снова вернулись к нашей нелегкой трудовой жизни. И водка снова его засосала. В пьяном же виде он опять превращался в зверя.

Постепенно жизнь с Афанасием стала такой же невыносимой, как и до побега. В то лето мне исполнилось девятнадцать, но ничего, кроме бесконечной череды тоскливых и безысходных дней, меня не ожидало. Афанасий хотел, чтобы я пила вместе с ним. Я сопротивлялась, и это бесило его. У него вошло в привычку ежедневно мучить меня, приставляя бутылку водки к моему лицу. Смеясь над моими попытками вырваться из этого окружения, он прибегал к побоям и разным хитростям, чтобы

заставить меня пить это горькое зелье, вливая мне его в горло. Однажды он схватил меня, пригвоздив к полу так, что я не могла пошевелиться, и держал бутылку с водкой у моего рта часа три. Но сломить меня ему не удалось.

Наступила зима. Я пекла хлеб, чтобы заработать на жизнь. А по воскресеньям ходила в церковь молить Господа, чтобы Он вызволил меня из кабалы. И вновь в голове моей зрела мысль о побеге. Первым необходимым условием для этого был, конечно, паспорт, поэтому я тайком сходила к адвокату за советом, и он попытался получить его для меня официальным путем. Но и тут мне не повезло. Когда пришел полицейский чиновник, чтобы вручить паспорт, Афанасий был дома. Мой план был раскрыт, и я попалась с поличным. Афанасий набросился на меня, связал по рукам и ногам, не обращая внимания на мои крики и мольбу. Я думала, что пришел конец. Молча он вытащил меня из дома и привязал к столбу.

Было холодно, очень холодно. А он бил меня, пил и снова бил, ругая самыми последними словами.

– Вот что получишь, если попробуешь убежать, – орал он, держа бутылку у моего рта. – Ты больше не убежишь! Будешь пить или сдохнешь!

Я тоже ожесточилась и упрямо просила его оставить меня в покое. Но он продолжал побои, продержав меня у столба целых четыре часа, пока я наконец не сдалась и не выпила спиртное. Я опьянела, зашаталась и упала на мостовую перед самым домом. Афанасий набросился на меня, ругаясь и пиная ногами. Нас тут же окружила толпа. Соседи, знавшие, как жестоко он обращается со мной, пришли на помощь. Афанасия здорово поколотили, так здорово, что он на некоторое время оставил меня в покое.

Приближалось Рождество. Я понемногу скопила пятьдесят рублей. Пятьдесят копеек с каждого рубля этих денег заработала дополнительным трудом по ночам. Это было все мое богатство, и я ревностно его охраняла. Но Афанасий каким-то образом пронюхал, где спрятаны деньги, украл и пропил их.

Я пришла в ярость, обнаружив пропажу. Надо ли говорить, что значили для меня эти деньги. Я добыла их потом и кровью, потратив целый год своей молодой жизни. А он, скотина, промотал все в одной пьянке. И самое малое, что я могла сделать моему мучителю, – это убить его.

Вне себя от бешенства я бросилась к матери, которая ужаснулась при виде моего лица.

– Маруся, что с тобой?

– Мама, – задыхаясь, выпалила я, – дай мне топор. Я убью Афанасия.

– Пресвятая Богородица, помилосердствуй! – воскликнула она, вскинув руки к небу и падая на колени, призывая меня опомниться. Но я не помнила себя от бешенства. Схватила топор и побежала домой.

Афанасий вернулся пьяный и начал язвить по поводу пропажи моих драгоценных сбережений. Я побелела от злости и в сердцах обругала его последними словами. Он схватил стул и швырнул его в меня.

– Я убью тебя, кровопийца! – закричала я, схватив топор.

Афанасий обомлел. Такого он не ожидал. У меня было сильное желание убить его. Мысленно я уже торжествовала, представляя его убитым, и тайно радовалась той свободе, которую получу. Я была готова хватить его топором… Внезапно дверь распахнулась, и в комнату ворвался мой отец. Мать предупредила его.

– Маруся, что ты делаешь? – закричал он, хватая меня за руку.

Он вмешался так неожиданно, что мои нервы не выдержали и я без чувств грохнулась на пол. Придя в себя, я увидела в доме полицейских и рассказала им обо всем. Афанасия забрали в участок, а полицейский офицер, очень добрый человек, посоветовал мне уехать из города подальше от мужа.

Я получила паспорт, но деньги мои пропали. Я не могла купить билет до Иркутска, куда Шура переехала из Барнаула. Но, решив ехать во что бы то ни стало, я села в поезд без билета. В пути проводник потребовал билет. Я заплакала и стала просить его позволить ехать дальше. Он согласился спрятать меня в багажном вагоне и довезти до Иркутска при условии, что я… Взбешенная, я резко оттолкнула его от себя.

– На следующей станции я тебя высажу, – заорал он, выбегая из вагона.

И он сдержал слово. Путь до Иркутска был еще очень долог, и я хотела попасть туда, но не такой ценой. О возвращении назад нечего было и думать. Я должна была добраться до Иркутска, а потому села на следующий поезд, заползла незаметно под лавку, и поезд тронулся.

В конце концов тут меня тоже обнаружили, но проводник, уже пожилой человек, внял моим слезам и мольбам. Я рассказала ему о своей стычке с первым проводником и о том, что у меня совсем нет денег. Он разрешил ехать дальше, но предупредил, что, как только войдет контролер, даст мне знак, чтобы я спряталась под лавкой. И мне пришлось лежать там часами, схоронившись за ногами добрых пассажиров. Таким образом ехала я четверо суток и наконец добралась до цели своего

путешествия – Иркутска.

Глава третья. Мгновения счастья

Я приехала в Иркутск совсем без гроша. А из вещей у меня было всего лишь то, что надето на мне. Пошла искать свою сестру. Она оказалась не в лучшем положении, да еще и больная. Муж ее остался без работы. В подобной ситуации нечего было ожидать, что меня встретят с радостью. Не теряя времени, я начала искать работу и быстро нашла место судомойки за девять рублей в месяц. Это был невыносимо тяжкий труд в грязной забегаловке, где собирались пьяницы. Обращение посетителей со мной было столь возмутительным, что я не выдержала и ушла с работы к концу первого же дня.

На третий день я нашла работу в прачечной, где нужно было стирать по нескольку сотен вещей в день. С пяти утра и до восьми вечера стояла я согнувшись над корытом. Тяжелым был этот труд, но мне пришлось проработать там несколько недель. Я жила вместе с сестрой в одной маленькой комнатке и платила за наем. Вскоре я почувствовала боли в спине. Сказывалась тяжелая работа. Я решила уйти из прачечной, хотя сестра возражала. Денег никаких скопить не удалось.

Поскольку у меня был опыт в работе с раствором, я предложила свои услуги подрядчику из конторы по укладке асфальта. Он оказался довольно добрым человеком и устроил мне экзамен, поставив помощником десятника на работы, которые велись в иркутской тюрьме. Я должна была возглавить бригаду из десятка мужчин и женщин.

Когда я вышла на работу, меня все подняли на смех.

– Ха-ха! – смеялись рабочие. – Смотри-ка, баба будет помощником десятника!

Я пропустила насмешки мимо ушей и тихо и спокойно начала выполнять свои обязанности. Люди стали подчиняться, увидев, что я знаю свое дело, и даже зауважали меня. В качестве первого пробного задания я должна была подготовить пол для заливки. Растянувшись на земле вместе с остальными рабочими, чтобы как следует выровнять поверхность, я сумела закончить работу на несколько часов раньше назначенного срока, к большому удивлению других десятников. Мой начальник возликовал.

– Поглядите на эту бабу! – говорил он. – Нам скоро у нее придется поучиться. Она еще и штаны наденет!

На следующий день меня поставили во главе двадцати пяти человек. Поскольку мужики смотрели на меня как на диковинку, я решила поговорить с ними. Объяснив, что хочу только честно зарабатывать свой хлеб, я взывала к их чувству справедливости и

просила работать со мной по совести. Я угостила их водкой с колбасой и полностью расположила к себе. Люди стали с любовью называть меня Манькой. и мы прекрасно сработались. Многим я казалась каким-то чудом, и сам подрядчик пригласил меня к себе домой на чай. Его супруга, женщина с очень доброй душой, рассказала мне, что муж ей очень меня хвалил.

Однако через несколько дней мне пришлось выдержать трудный экзамен. Я должна была доказать свою способность и умение готовить асфальт и заливать его. Мы все начали работу в четыре часа утра. Так как качество асфальта зависит от пропорции входящих в него компонентов, люди ждали моих распоряжений, в душе посмеиваясь надо мной. Но я давала указания не колеблясь, и, когда в шесть часов пришел наш начальник, он увидел, что котлы кипят, а рабочие усердно трудятся, заливая щебенку асфальтом.

Эту работу нужно делать без остановки при ужасной жаре и в удушающем дыму. Но я целый год пробыла там и трудилась без перерывов, праздников и какого-либо отдыха, точно маятник – постоянно в движении. Трудовой день начинала до рассвета, а возвращалась домой после заката солнца, и то только для того, чтобы поесть, лечь спать и набраться сил для следующего тяжелого рабочего дня.

В конце концов я свалилась. Работая однажды в подвале какого-то дома, я простудилась и от болезни так ослабла, что меня отвезли в Кузнецовскую больницу, где пролежала около двух месяцев. Когда я поправилась и еще неделю отдохнула дома, а потом вышла на работу, оказалось, что мое место занято мужчиной, которого специально пригласили из европейской части России. Кроме того, в самом Иркутске для моих хозяев осталось мало работы.

Тем временем сестра с мужем переехали обратно в Томск, и мое положение стало отчаянным. Я искала место домашней прислуги, но без рекомендации получить такую работу было невозможно. Те малые деньги, что у меня оставались, вскоре все вышли. Единственными моими друзьями в городе были Сементовские, соседи сестры по дому. Я жила у них, но они сами были бедны, и потому иногда по нескольку дней я ходила голодной, поддерживая себя только чаем.

Однажды я обратилась в контору по найму работников, и мне сообщили, что если я согласна уехать из города, то есть предложение: некая женщина ищет через контору служанку и предлагает двадцать пять рублей в месяц. Я тут же согласилась ехать с ней. Она пришла после обеда, молодая, красивая, элегантно одетая, все пальцы и шея в драгоценных камнях. Она

так нежно обращалась со мной, внимательно оглядела меня и спросила, замужем ли я.

– Была замужем, – ответила я, – но два года назад убежала от мужа. Он оказался таким жутким пьяницей.

Мне тогда шел двадцать первый год.

Эта госпожа, ее звали Анна Петровна, дала мне десять рублей, которые я задолжала за квартиру. Я встретилась с ней на вокзале, ее сопровождали несколько приятелей, и мы вместе поехали в Сретенск в вагоне второго класса. Я никогда раньше в таких вагонах не ездила. В пути ничего особенного не произошло. Меня хорошо кормили и обращались вполне прилично. Анна Петровна рассказала мне о своих делах, и я поняла, что ее муж содержал магазин. По прибытии в Сретенск нас встретили какой-то господин и с ним две молодые женщины. Господина она мне представила как своего мужа, а обеих женщин как ее приемных дочерей. Мы поехали на извозчике домой, где меня поселили в маленькой опрятной комнатке.

Но мне сразу стало не по себе. Все выглядело подозрительно.

– Где же тут магазин? – поинтересовалась я.

– На базаре, – был ответ.

Анна Петровна взяла меня за руку и ласково попросила:

– Марусенька, не хочешь ли ты одеться красиво? У нас сегодня будут гости.

И она принесла мне несколько очень изысканных, легких платьев, вовсе не подобающих служанке. Я была удивлена и решительно воспротивилась этому.

– Анна Петровна, я никогда не носила таких нарядов. Я же простая работница, – возражала я, заливаясь краской стыда.

Мне было стыдно и страшно. Недоброе предчувствие охватило меня. А когда она дала мне очень сильно декольтированное платье, я не на шутку испугалась.

Но Анна Петровна настойчиво меня уговаривала, пока наконец не добилась, чтобы я надела его. Платье было настолько открытым и прозрачным, что щеки мои горели от стыда. Я отказывалась покинуть свою комнату, но Анна Петровна своими ласковыми уговорами все же заставила меня последовать за ней. Когда я остановилась на пороге гостиной, то увидела нескольких девиц. Они свободно сидели с мужчинами и пили пиво. В стороне стоял молодой человек, который, судя по всему, ожидал нашего появления. Он подошел к нам. По всей вероятности, Анна Петровна обещала, что я достанусь ему.

В глазах у меня потемнело: дом терпимости и греха! Эта мысль поразила и буквально взбесила меня. Покорность и робость как рукой сняло. В диком припадке я изорвала в клочья

свое платье, истоптала его ногами, ругаясь, вопя и ломая все, что попадалось под руки. Схватив несколько бутылок с пивом, вдребезги разбила их об пол.

Эта вспышка гнева продолжалась не более минуты. Все в комнате были настолько поражены, что не сдвинулись с места, пока я не выскочила из дома, завернувшись только в свою шаль. Я бросилась в полицейский участок. Бежала так быстро, что люди на улице, верно, думали, что я сумасшедшая. Примчавшись туда, я пожаловалась дежурному офицеру.

По всему было видно, что мой рассказ его почти не тронул. Пока я, стоя на коленях, молила о защите и милосердии, офицер с насмешливым удивлением рассматривал меня. Потом он притянул меня к себе и предложил жить с ним! Я была потрясена и сбита с толку. Он, в чьи обязанности входило защитить меня, оказался, без сомнения, в сговоре с этими работорговцами.

– Вы все тут мерзавцы и убийцы! – закричала я в отчаянии. – Стыдно вам пользоваться моей беззащитностью!

Он разозлился и приказал запереть меня на ночь в кутузку. Сопровождавший меня полицейский тоже стал приставать, и я отвесила ему оплеуху, чтобы он отстал. В кутузке было холодно, темно и грязно. Моя шаль осталась наверху. Возмущенная таким поведением властей, я разбила все окна и непрерывно колотила в двери и стучала в стены, пока утром меня не выпустили на свободу.

Но мои невзгоды еще только начинались. Идти было некуда. Целых двое суток бродила я по городу, днем и ночью. Я умирала от голода, одежда моя совершенно обтрепалась. И тогда я пришла на берег реки, опустилась на колени и молилась полчаса. Молилась искренне, изливая всю свою душу. Мне показалось, что Господь услышал мою мольбу: я почувствовала облегчение.

После молитвы я приняла решение возвратиться к Анне Петровне. Я думала, что если она была так добра ко мне вначале, то согласится взять в служанки, коль скоро я хорошо попрошу ее. Прежде чем направиться к ней, я зашла в небольшую бакалейную лавку рядом с ее домом и, представившись новой прислугой Анны Петровны, купила маленькую бутылочку уксусной эссенции. Затем вошла в дом. Там меня хорошо встретили. Однако проявленное участие и беспокойство по поводу моей безопасности злили меня, и я отвергла всякую заботу обо мне со стороны Анны Петровны. Я заперлась в своей комнате, решившись отравиться эссенцией.

Когда я уже читала последнюю молитву, в дверь постучали.

– Кто там? – спросила я резко.

– Я тот молодой человек, который видел вас два дня назад в

гостиной, – был ответ. – Я хочу помочь вам. Понимаю, что вы не из тех девушек. Умоляю, откройте дверь и разрешите поговорить с вами.

Я, естественно, подумала, что тут опять какая-то ловушка, и ответила с ненавистью:

– Вы мерзавец! Вы все тут мерзавцы! Что вам от меня нужно? Что я такое совершила, чтоб так мучиться и умирать от голода? Если я и попаду в ваши руки, то только мертвой. Я вот сейчас выпью этот яд, а тогда издевайтесь над моим трупом.

Мужчина, видимо, разволновался. Он выбежал во двор, поднял тревогу, притащил с собой еще несколько человек, кричал, что я собираюсь отравиться. Вокруг дома собралась большая толпа, а он раскрыл окно и влез снаружи в мою комнату. Схватив склянку с эссенцией, он вышвырнул ее из окна, проклиная Анну Петровну и ее дом. Он всеми силами пытался успокоить меня, выражая восхищение моей смелостью и порядочностью. Его заверения в искренности своих слов и дружеском расположении ко мне были столь убедительны, что я согласилась пойти с ним в дом его родителей.

Моим спасителем оказался Яков Бук, красивый молодой мужчина лет двадцати четырех. Он учился в гимназии и был образованным человеком. Его отец торговал мясом. Меня хорошо приняли в этой семье, накормили, одели и позволили отдохнуть. Это были добрые и гостеприимные люди. Яков, или, как звали его в семье, Яша, стал особенно внимателен ко мне. Он влюбился в меня и вскоре объявил, что не может без меня жить.

Я тоже привязалась к нему. Он знал о моем первом браке и предложил жить по гражданскому согласию, без церковного благословения, что было в те годы довольно распространенным явлением в России. А объяснялось это трудностями, связанными с получением развода. Я согласилась на его предложение при условии, что он объяснит мне причину, почему он живет в небольшом сарае на заднем дворе, отдельно от семьи. Он согласился.

– Когда мне было двадцать, – начал он, – мой отец подрядился снабжать мясом несколько армейских полков. Он был партнером одной компании, а помогали ему мои братья и я. Считая меня самым дельным и надежным из всех своих сыновей, отец поручил мне однажды закупить партию скота и выделил на это десять тысяч рублей. Большая часть денег принадлежала не ему… В поезде меня втянули в карточную игру, которую устраивала для таких простачков пассажиров, как я, группа шулеров. Я проиграл все деньги и всю одежду, вплоть до ботинок. Одетый в лохмотья, с двумя рублями в кармане, подаренными

мне шулерами, я приехал на китайскую границу с намерением покончить с собой. Там в одной ночлежке я познакомился с несколькими хунхузами из банды, действовавшей в ближайшей округе. Один из них оказался главарем этой банды.

Я поведал ему свою историю, добавив, что буду делать что угодно, лишь бы избавить отца от позора и банкротства. Он предложил мне присоединиться к его банде и принять участие в налете на поезд, в котором везли пятьдесят тысяч рублей. Это предложение привело меня в ужас. Но, представив себе, как моих родителей выбрасывают из дома, как их имущество продают на торгах и как они будут вынуждены побираться, я согласился. Сердце мое разрывалось, когда я воображал такую картину. Ничего другого не оставалось, как принять предложение. Главарь привел меня в поле и там познакомил с другими участниками банды. Я был в ней единственным белым человеком.

Вечером, – продолжал Яша, – мы вооружились кинжалами, пистолетами и винтовками и направились к линии железной дороги, где залегли у полотна, дожидаясь поезда. У меня просто кровь застывала в жилах при мысли о том, что я стал разбойником с большой дороги. Я был словно сам не свой.

Поезд должен был подойти около часу ночи. Я молил Бога, чтобы Он как-нибудь избавил меня от этого дела. Внезапно вдали показался отряд казаков, мчавшийся по направлению к нам. Оказывается, власти давно уже выслеживали эту банду. Бандиты все до одного побросали свое оружие и скрылись в лесу. Я тоже бросился бежать изо всех сил.

Казаки погнались за нами и меня схватили. Поскольку я был русский и никого не знал в этой банде, мне удалось, упорно отрицая все, посеять сомнение у казаков относительно моего участия в планировавшемся налете на поезд. Но меня арестовали и отправили в иркутскую тюрьму, где продержали целый год. Там я познакомился со многими политзаключенными и увлекся их идеями. В конце концов за недостатком улик я был освобожден.

В полном бесчестье я вернулся домой. Мой отец к тому времени договорился с партнером, что будет оплачивать проигранную мною сумму частями раз в месяц. Он не позволил мне входить в наш дом, но мать стала меня защищать. Между ними произошла ссора, но потом все-таки договорились, что я смогу жить в этом сарае. Отец поклялся, что лишит меня наследства, разделив мою долю между остальными сыновьями.

Скоро мне довелось узнать, что Яша на подозрении у местной полиции из-за отсидки в тюрьме. К тому же его подводила большая доброта. Освободившиеся или бежавшие из тюрьмы люди иногда тайно навещали его, и он отдавал им последнюю

копейку, кусок хлеба или рубашку. Но я его любила за это еще сильнее, потому что именно его доброе сердце спасло меня от смерти. Мы поклялись быть верными друг другу до гроба. И я приступила к своим обязанностям домохозяйки.

Сарай, в котором мы собирались жить, был полон всякого хлама и никогда не чистился. Я усердно трудилась, прилагая все силы, чтобы сделать его пригодным для жилья. Это была отнюдь не легкая задача, но я в конце концов с ней справилась. Мы получили от Яшиных родителей в подарок сто рублей и решили открыть свою мясную лавку. Достали доски, бревна и построили небольшую лавочку. Потом Яша купил трех коров и двух из них свел на бойню, где я научилась разделывать туши. Яша хозяйничал в лавке, а я стала первой женщиной-мясником в округе.

Однажды летним днем, идя по улице, я увидела нескольких мальчишек, торгующих вразнос мороженым. Я еще в услужении у Настасьи Леонтьевны научилась готовить мороженое, и теперь мне пришло в голову делать его самой и продавать. Узнав у ребят, сколько они платят за мороженое, я предложила им свое мороженое по более низкой цене, но лучшего качества. Пригласила их к себе на следующий день, а сама тотчас вернулась домой, чтобы купить молоко у матери Яши. Узнав о моей задумке, она предложила мне его задаром. К счастью, приготовленное мороженое оказалось очень хорошим и было быстро распродано. В течение лета я зарабатывала на этом два-три рубля в день.

Я жила с Яшей мирной трудовой жизнью около трех лет. Каждое утро я вставала в шесть часов и шла вместе с ним на бойню. Потом целый день оставалась дома. В нашем городе, расположенном на стыке железнодорожной и пароходной линий, было много пришлого люда, в особенности женщин и детей. Они бродили по улицам, прося хлеба и убежища. Многие из них находили приют в нашем доме-сарае. Временами они заполняли его до отказа и спали рядами на полу. Нередко среди них были больные. Я кормила их, обстирывала, приглядывала за детьми.

Яша часто выговаривал мне за эту непрерывную и тяжелую работу, но наградой мне служили слова благодарности и благословения от тех, кому я помогала. Возможность быть полезной приносила радость. Кроме того, я регулярно отсылала матери десять рублей в месяц. Яша в часы досуга обучил меня чтению.

Мое имя стало хорошо известным в округе. Где бы я ни появлялась, все меня благословляли.

– Вон идет Бук-Бочкарева! – шептались люди, указывая на

меня. Родители Яши тоже очень ко мне привязались.

Но все это кончилось однажды вечером в мае 1912 года. В дверь постучали как-то по-особому, и Яша вышел, чтобы впустить человека. Ему было на вид лет тридцать, он был хорошо одет, носил бороду и пенсне. В общем, по виду вполне представительный человек. Но он был бледен и, очевидно, чем-то взволнован. Они постояли с Яшей в прихожей минут десять, разговаривая о чем-то вполголоса. Потом он представился мне как старый друг Яши. Сказал, что сбежал из тюрьмы и теперь должен скрываться, так как поимка означала бы для него смерть. Нежданным гостем был не кто иной, как революционер, убивший всеми ненавидимого губернатора Сибири.

Яша вытащил нашу кровать из угла, потом сдвинул полку в нижней части стены, и за ней, к моему удивлению, открылась глубокая выемка в земле. Гостю было предложено устроиться там. Полку поставили на место, кровать задвинули обратно и легли спать.

Но едва успели потушить лампу, как услышали шаги приближавшихся к дому людей, затем громкий стук в дверь. Это была полиция! Сердце неистово прыгало в груди, но я притворилась спящей, пока Яша открывал дверь. Он еще до этого дал мне свой револьвер, и я спрятала его у себя за пазухой. Обыск продолжался почти два часа. Меня вытащили из кровати и все в доме перевернули вверх дном.

Мы отрицали, что нам что-либо известно о беглеце из политических, но пристав забрал Яшу с собой. Тем не менее через несколько часов его отпустили. Вернувшись домой, Яша выпустил пришельца из убежища, снабдил крестьянской одеждой и провизией, запряг лошадь и уехал с ним еще до рассвета, наказав мне на все расспросы о нем отвечать одно и то же – что, мол, уехал покупать скот.

На окраине города какой-то вылезший из кабака полупьяный полицейский заметил проезжавшего мимо Яшу. В тот момент полицейский не придал этому большого значения, но, когда вернулся поутру на службу и узнал о беглеце, рассказал, что видел Яшу, покидавшего город вместе с каким-то незнакомым человеком. Я как раз стирала белье, когда полиция снова окружила наш дом.

– Где твой муж? – гневно спросил пристав.

– Уехал покупать скотину, – ответила я.

– Одевайся! – заорал он в злобе.

Я пыталась объяснить, что невиновна, но он громовым голосом объявил, что я арестована.

Меня привели в следственный отдел, где господин средних

лет, говоривший очень тихо и ласково и, казалось, желавший мне добра, завел со мной долгую беседу и даже предложил мне чашку чая, от которой я отказалась. Он вел дело весьма тонко, и я чуть было не попалась, когда он спросил, видела ли я того молодого человека, который пришел к нам домой в девять часов вечера накануне.

Его сведения были совершенно правильны, но я упорно отказывалась признать их достоверность: ничего, мол, не знаю о человеке, которым он интересуется. Но следователь был терпелив и не скупился мне на похвалы за заботу и помощь бедным. Обещая, что не причинит зла, он добивался, чтобы я сказала правду.

Я не сдавалась, и в конце концов его терпение лопнуло. В бешенстве он ударил меня несколько раз резиновым хлыстом. Разозлившись, я наградила его такими выражениями, что меня посадили в камеру, где находились две пьяные проститутки – совершенно мерзкие существа, которые ругали всех и вся. Они не переставая издевались надо мной. Проведенная там ночь была ужасной. От одной только вони можно было сойти с ума. Я с большим облегчением вздохнула, когда наступило утро и меня снова вызвали к следователю для очередного допроса.

Я продолжала все отрицать. Последовали угрозы надолго посадить меня в тюрьму, льстивые уговоры, упреки и попытки вытянуть признание, из чего следовало заключить, что Яшу арестовали на обратном пути домой и поэтому он не знал о моем аресте. Я пробыла в следственной семь дней, по прошествии которых власти выпустили меня на свободу.

Яша все еще оставался в тюрьме, и я начала ходить по разным чиновникам и конторам, защищая его интересы. В то время в город приехал начальник всей губернской полиции и остановился в доме нашего приятеля. Я обратилась к этому человеку с просьбой устроить мне свидание с начальником полиции. В конце концов меня допустили к нему. Это был крупный мужчина, одетый в форму полковника. Я упала перед ним на колени и, твердя о невиновности мужа, молила о пощаде. Я настолько обессилела, что он сам помог мне встать и приказал принести воды, обещая в то же время разобраться в деле и все рассудить по справедливости.

Потом я пошла в тюрьму, надеясь увидеть Яшу. Но там мне сказали, что его отправили в Нерчинск, в восьмидесяти верстах от Сретенска. Не мешкая я собралась в путь, чтобы догнать его. Взяв с собой сто рублей, села в ближайший поезд, отправлявшийся в Нерчинск, и по прибытии на место сразу же стала добиваться приема у губернатора, но мне приказали встать в очередь и

ждать. Когда подошла очередь, губернатор, прочитав мою фамилию в списке, спросил:

– Так какое у вас дело?

– Ваше превосходительство, я по делу мужа, Якова Бука, – ответила я.

– Вашего мужа, да? Как же это он ваш муж, ежели у вас фамилия Бочкарева?

– По гражданскому согласию, ваше превосходительство.

– Знаем мы эти гражданские браки, – заметил он с усмешкой. – Таких, как ты, много шляется на улицах!

И разговор закончился. А свои последние слова губернатор произнес громко, так, чтобы всем слышно было. Кровь бросилась мне в лицо: я почувствовала нестерпимую обиду. Лишь с большим трудом удалось получить разрешение на свидание в тюрьме. Но как же горько было узнать, что Яша провел в этой тюрьме всего одну ночь и его перевели в Иркутск.

Денег моих только и хватило на то, чтобы купить билет в вагон четвертого класса до Иркутска. Никаких вещей у меня тоже не было, и поэтому я без колебаний села в ближайший поезд, шедший на запад. Понадобилось двое суток, чтобы доехать до сибирской столицы. В Иркутске, как и раньше, остановилась у Сементовских, которые очень обрадовались моему приезду, и сразу же направилась в иркутскую тюрьму, но узнала там только то, что Яшу перевели в Центральную пересыльную тюрьму, находившуюся в Александровске, в тридцати верстах от ближайшей железнодорожной станции Усолье. Терять время было нельзя. Я в тот же день выехала в Усолье, откуда мне предстояло идти пешком до Александровска.

Стояла поздняя осень 1912 года. Я отправилась в путь, взяв с собой лишь немного провизии, и скоро устала до изнеможения. Путь до Александровска оказался нелегким. Предстояло на пароме перебраться до острова, пройти его пешком и снова сесть на паром, чтобы добраться до места назначения.

В пути я познакомилась с одной женщиной, Авдотьей Ивановной Китовой, которая также направлялась в тюрьму. У нее тоже там сидел муж, и она рассказала мне за что. Он был пьян, когда пришел человек, который отлавливал собак, и хотел забрать его любимую собаку. Муж убил этого человека, и его приговорили к ссылке. Вот она и решила ехать к нему вместе с двумя детьми, находившимися сейчас в Иркутске.

В Централе ждала новая неприятность, вызвавшая у меня шок: без паспорта туда не пускали. Откуда мне было знать, что необходим паспорт, и я пыталась объяснить это властям. Но дежурный надзиратель, сухопарый старик с окладистой белой

бородой, сердито закричал:

– Нет-нет, нельзя! Убирайся отсюда! Это не по закону. Допустить не могу. Езжай в Иркутск и возвращайся с паспортом. Тогда и пропустим тебя.

– Но я же проехала тысячу верст, чтобы увидеться с ним, – говорила я, заливаясь слезами. – Я вконец выбилась из сил и голодная. Дозвольте мне повидать его хотя бы пять минуток, ну только пять коротких минуток. Неужто вы откажете слабой женщине в такой малости?

И тут я окончательно вышла из себя и впала в истерику. Суровый маленький надзиратель и его помощники в кабинете перепугались. Яшу привели на нашу короткую встречу. Те несколько минут, которые мы провели вместе, придали нам новых сил. Он рассказал мне о своих переживаниях, я ему – о своих, и мы решили, что я поеду к генерал-губернатору Князеву добиваться помилования.

День уже клонился к вечеру, когда я собралась в обратный путь. До реки добралась уже в сумерках, но успела на паром до острова. Теперь нужно было пройти на другой конец острова, чтобы попасть на второй паром. Но в темноте сбилась с пути.

Я озябла, проголодалась и устала до смерти. Ломило ноги от многочасового блуждания по острову в поисках верного пути. Когда наконец вышла на противоположный берег, была, вероятно, уже полночь. На той стороне воды виднелись огоньки, и я что было сил закричала, вызывая перевозчика. Но ответа не последовало. Лишь шум ветра, раскачивающего ветви деревьев, вторил моим крикам. Я звала целую ночь, но все напрасно.

Когда рассвело, я, собрав последние силы, закричала опять. На этот раз крик услыхали и послали за мной лодку. К несчастью, лодкой управлял мальчишка. Я просто не могла двигаться, а у него не хватало сил дотащить меня до лодки. Пришлось ползти к ней на четвереньках. С помощью мальчика я в конце концов оказалась в лодке. Ему понадобилось немало времени, чтобы перебраться через реку, и, когда мы достигли другого берега, я лишилась чувств. Меня отвезли в Кузнецовскую больницу в Иркутске, где я пробыла шесть недель в состоянии, опасном для жизни. За это время потеряла все волосы на голове и половину своего веса.

О встрече со мной Яша, конечно, рассказал своим товарищам в тюрьме. Он гордился тем, что я верна ему, но по мере того, как проходили дни и недели, а меня все не было, они стали донимать его по этому поводу.

– Хороша у тебя баба, чего уж. Можешь и впрямь ею гордиться, – подтрунивали они. – Она, наверное, нашла себе

другого муженька. Больно ты ей нужен, заключенный. Все они одинаковые – что твоя, что наши.

Яша тяжело переживал такие шуточки, принимая их близко к сердцу. Он ничего не знал о том, где я и что со мной, и наконец решил, что я его предала.

Как только меня выписали из больницы, я направилась к генерал-губернатору. В его канцелярии мне сообщили, что Яшу приговорили к четырем годам ссылки. Получив паспорт, я снова поехала в Александровск, чтобы повидаться с ним. Но Яша встретиться со мной не захотел. Поверив россказням своих товарищей, подкрепленным моим двухмесячным отсутствием, он решил порвать со мной. Я, конечно, совершенно растерялась от такого поворота дел и горько плакала. Некоторые из заключенных видели меня в тюрьме. Они заметили, что я плакала, обратили внимание на мой изможденный вид и сообщили Яше об этом. Тогда он согласился на встречу.

Пришедшим на свидание в Александровском централе не разрешалось приближаться вплотную к заключенным. В комнате были две железные решетки. Расстояние между ними – примерно несколько метров. Заключенный оставался за одной решеткой, а посетитель, пришедший на свидание, – за другой. Прикоснуться друг к другу они не могли.

Вот в такой обстановке мне и дозволено было встретиться с Яшей. Мы оба плакали, как дети. Яша не мог без слез видеть мою худобу. Он понимал, как обидел своим подозрением в неверности. Это была трогательная картина встречи людей, разделенных решетками. Яша сообщил, что его не отправят в ссылку раньше мая. Поскольку я предложила сопровождать его в ссылку, мне нужно было найти работу на ближайшие несколько месяцев. Требовалось также выхлопотать разрешение на совместное с Яшей проживание в ссылке.

Я нашла работу в той же самой конторе по укладке асфальта, но на сей раз в качестве простой работницы с жалованьем не более пятидесяти копеек в день. Часто наведывалась в Александровск повидать Яшу. Как-то раз довелось выполнять работу в иркутской тюрьме, и вскоре заключенные узнали, что мой муж сидит в Александровске: между двумя тюрьмами существовала самая совершенная система тайной связи.

В целом заключенные относились ко мне хорошо. Но однажды вечером в вестибюле, где мы выполняли работы, соглядатай из заключенных схватил меня в углу и пытался изнасиловать. Я отбивалась, как могла, но он повалил меня. Мои крики услыхали рабочие из бригады и некоторые заключенные. Вскоре нас окружила толпа, и между теми, кто стоял за меня, и

дружками соглядатая возникла ссора. Помощник смотрителя и несколько надзирателей разогнали толпу и составили протокол по моей жалобе, с тем чтобы судить соглядатая за попытку изнасилования.

Когда до суда оставалось уже немного дней, Яшины друзья по тюрьме убедили его уговорить меня взять обвинение обратно.

– Закон тюремной жизни требует, чтобы ты взяла назад свою жалобу, – объяснил Яша.

Было ясно, что мой отказ подчиниться может означать для Яши смерть. Поэтому, когда меня вызвали в суд дать показания против соглядатая, я заявила, что никакого нападения не было и никакой жалобы я не подавала. Дело закрыли, а мой поступок повысил авторитет Яши среди заключенных в обеих тюрьмах.

Зима закончилась. К Пасхе 1913 года удалось получить разрешение быть причисленной к арестованным и получить направление в Александровск, где мне вместе с Яшей предстояло ожидать назначения места ссылки. Меня поместили в женское отделение, где находилось несколько женщин из уголовного мира. То, что я вытерпела от них, почти не поддается описанию. Они били меня нещадно, но я знала, что любая жалоба только ухудшит мое положение. Когда раздавали ужин, старшая надзирательница спросила меня, не издевались ли надо мной товарки. Я ответила отрицательно, но она вряд ли поверила, потому что этим женщинам наказала не трогать меня.

Случай этот несколько улучшил отношение женщин ко мне, но они все же заставляли меня прислуживать им и выполнять за них любую грязную работу. В дополнение ко всем бедам еда была совершенно отвратительной, а нары, на которых мы спали, – грязными. В каждой небольшой камере сидело по восемь человек. Я виделась с Яшей только раз в неделю, по воскресеньям. В этом добровольном заключении прошло целых два месяца, но они мне показались двумя годами, и я с нетерпением и надеждой ждала того дня, когда перед нами откроется дорога в ссылку.

Глава четвертая. В сетях губернатора-распутника

Наступил май. Река Лена вскрылась ото льда и стала судоходной. Распахнулись тяжелые железные двери тюрьмы, и сотни заключенных, в числе которых были и мы с Яшей, выстроились во дворе для следования по этапу в ссылку.

Каждую зиму в стенах огромной тюрьмы в Александровске собирались тысячи искалеченных жизнью людей – убийц, фальшивомонетчиков, воров, студентов, офицеров, крестьян и разных дельцов, преступивших законы тиранического режима. И каждую весну из распахнутых ворот мрачной тюрьмы выплескивалась лавина полуотупевших мужчин и женщин для отправки в дикую сибирскую тайгу и необитаемые районы Крайнего Севера.

Всю весну и лето эти толпы отчаявшихся людей устремлялись из Александровска на заснеженные просторы Севера, где они медленно угасали в невообразимо тяжелых климатических условиях и гибли тысячами в краю, где ночь продолжается шесть месяцев. Десятки тысяч безымянных могил рассеяны по всей территории от Уральских гор до Аляски…

Итак, нам предстояло вдохнуть свежего воздуха. Было много суеты и неразберихи, прежде чем сформировалась наша группа. В ней собралось около тысячи человек, в том числе двадцать женщин. Охрана состояла из пятисот солдат-конвоиров. Мы должны были идти пешком до Качуга, недалеко от истоков Лены, преодолев около двухсот верст. Наши пожитки погрузили на телеги. В первый день надлежало пройти тридцать пять верст по расписанию и остановиться на ночлег в пересыльном пункте на краю одной деревни. На сибирских дорогах много таких пересыльных пунктов – больших деревянных строений амбарного типа с железными дверями и решетчатыми окнами. Внутри помещения – только ряды двойных нар, и больше ничего, а снаружи они обнесены высокими заборами с дозорными вышками на каждом углу. Убежать из них попросту невозможно.

Мы поужинали тем, что взяли с собой из тюрьмы, и решили заночевать. Нашу партию разделили на группы по десять человек, в каждой из которых был выбран доверенный, задача которого состояла в закупке еды. Начиная со второго дня пути каждому выдавалось жалованье по двадцати копеек.

В нашей партии было около сотни политических, а остальные представляли собой сборище уголовников. Обе группы

относились друг к другу плохо, между ними постоянно шла непримиримая вражда. Мужчин и женщин размещали вместе, и некоторые из последних вели себя возмутительно. Грязь, нары, кишевшие насекомыми, невообразимая вонь, частые серьезные ссоры и драки делали наше путешествие нестерпимо ужасным.

Кроме того, с нами была еще и группа узников, пользовавшихся особыми правами. В нее входили осужденные на долгий срок. Они шли в кандалах, и им всегда и во всем отдавалось предпочтение, согласно неписаному закону уголовного мира. Им полагалось первыми использовать котлы и чайники для приготовления пищи. И пока они ели, никто не отваживался приближаться к костру. Их слово было законом. Они имели право входить куда угодно первыми. Даже солдаты и офицеры признавали их привилегии. Один из них считался как бы главарем, вожаком всей партии, и если он ручался, что никто из партии не сбежит (за это офицеры обещали большую свободу для всех), то его слово принималось без всяких сомнений начальником конвоя, потому что оно никогда не нарушалось.

Погода в первые три дня была прекрасной. Мы прошли во второй день еще тридцать верст и столько же в третий, но потом начались дожди, и дороги стали почти непроходимыми. Грязь была непролазной, но необходимо было пройти предписанные нам тридцать верст. Многие в нашей партии заболели. Все страстно желали поскорее добраться до следующего пересыльного пункта: мы сильно промокли и устали, хотелось крыши над головой и сухого пола, и ничего больше. Едва добравшись до пункта, свалились в глубоком сне, забыв о голоде, не чувствуя укусов насекомых.

По прибытии в Качуг нам дали два дня отдыха и разрешили искупаться в Лене, после того как наш вожак взял на себя ответственность, что никто не сбежит. В Качуге мы встретили еще одну небольшую партию, поджидавшую нас.

Кто-то из ссыльных опознал в одном из членов этой группы человека, который будто бы выдал своего товарища при налете. Над ним устроили самосуд.

Тут я увидела удивительную сцену суда преступников над преступником. В уголовном мире существует столь же строгий кодекс морали, как и в любом нормальном государстве, и точно такое же неукоснительное судопроизводство. Всех оповестили, что состоится суд, и уголовники в кандалах, пользовавшиеся особыми правами, были избраны судьями. Вызвали обвинителей, предъявивших свои доводы в присутствии всей партии. Они рассказали, как обвиняемый предал своего подельника во время ограбления несколько лет тому назад.

– Убейте его! Убейте! – раздались крики. – Это предатель!

Таково было обычное наказание, если ответчика находили виновным. Что же до властей, то по обычаю они только наблюдали за процедурой, но никогда не мешали исполнению приговора. Когда толпа стала надвигаться на обвиняемого, у меня упало сердце, но судьи потребовали соблюдения порядка и предоставили ему возможность рассказать свою историю.

– Нас было двое, – начал он, – и мы затеяли ограбить банкира. Решили, что я проберусь в дом через окно, спрячусь внутри и в подходящий момент подам сигнал подельнику. Было известно, что в тот вечер банкир уехал в свой клуб, и потому я спрятался в уборной, ожидая его возвращения. Мой подельник стоял на шухере часа два и не слышал никаких сигналов.

Когда банкир вернулся домой, – продолжал он, – то послал своего слугу зачем-то в уборную, где я прятался. Он меня там обнаружил и поднял шум, а кто-то из прислуги бросился на улицу звать на помощь, и это случилось как раз тогда, когда мой подельник собирался войти в дом. Его поймали. Я же сумел выбраться через окно в сад. Братки, я же невиновен. Я же в деле уже много лет, и у меня все чисто и достойно!

Затем он стал перечислять наиболее крупные достижения в своей воровской карьере и называть вожаков и главарей банд и шаек, под началом которых работал, а также имена тех грабителей, с которыми сотрудничал в прошлом.

Он, очевидно, упомянул такие известные в уголовном мире имена, что в его пользу тут же раздалось немало голосов. Некоторые встали и начали превозносить связи обвиняемого, тогда как другие стали его экзаменовать, задавая вопросы. Разбирательство продолжалось несколько часов и завершилось оправданием этого человека.

Когда отдых в Качуге закончился, всю партию ссыльных погрузили на огромную крытую баржу. Тюрьма в Александровске и пересыльные пункты показались раем в сравнении с этой невообразимой рукотворной норой. Там не было ни воздуха, ни света. Вместо окон имелись только маленькие отверстия в крыше. Многие заболели и лежали без всякого присмотра. Некоторые умирали. Там было так тесно, что мы спали почти друг на друге, дыша неимоверной вонью. Каждое утро нам разрешали выходить на палубу баржи, которую тянул буксирный пароход.

В нашей группе была и моя знакомая Китова с мужем и двумя детьми. Мы вместе готовили пищу и ели, терпя постоянные издевательства со стороны уголовников. Среди последних были и спокойные, добрые люди, и они также страдали от причуд своих вожаков и их лакеев.

Был случай, когда один такой человек пересек дорогу матерому уголовнику. А тому просто не понравилось, как он посмотрел на него, и бедолагу избили и без всяких церемоний выбросили за борт. Человек утонул, а нас в наказание заперли внутри баржи и запретили выходить на палубу. Это было самое жуткое наказание, хуже, чем даже долгий срок тюремного заключения.

Несколько раз мы пересаживались с одной баржи на другую, пробыв на воде около двух месяцев и проделав более трех тысяч верст пути, прежде чем добрались в конце июля до Якутска. Пристали к берегу ночью, но было светло, как днем, хотя и гораздо холодней.

Радость при выгрузке трудно описать. Нас пришли встречать местные политические ссыльные. Потом всех поместили в якутскую тюрьму, где сделали перекличку. Здесь женщин отделили от мужчин, а тех, кто добровольно сопровождал в ссылку своих мужей, отпустили на свободу.

Я сразу пошла в контору выяснить, какая судьба ожидает Яшу, и мне сказали, что его, по всей вероятности, отправят дальше на север. Обо мне позаботились здешние политические, приютив и выдав новую одежду и деньги, чтобы покупать продукты и варить обед для Яши.

Якутск – столь отдаленное место, где заключенным предоставлена значительная свобода. Начальство благожелательно отнеслось к тому, что я принесла Яше котелок с едой, и позволило мне оставаться с ним сколько пожелаю, и даже наедине.

Вскоре Яше сообщили, что местом его ссылки будет Колымск, поселок в сотне верст от Северного Ледовитого океана, где снег никогда не тает, а зима не выпускает землю из своих цепких объятий. Эта новость была для нас как гром среди ясного неба. Неужели придется похоронить себя в какой-нибудь хижине, доверху занесенной снегом?! Зачем? Ради чего? Жить, подобно скотам, в этом необитаемом краю, откуда лишь немногие возвращаются к нормальной жизни!

Был у нас, правда, маленький лучик надежды. Якутский губернатор Крафт слыл очень добрым человеком и, если бы я попросила его, мог бы изменить место ссылки для Яши. Яше посоветовали обратиться к губернатору, и он послал на это дело меня.

Канцелярия губернатора располагалась прямо у него в доме. Он принял меня очень вежливо, даже пожал мне руку и пригласил сесть. Это был высокий, прямой и статный чернобородый мужчина среднего возраста. Он с серьезным

участием выслушал мою историю. Я пообещала ему открыть в Якутске мясную лавку с санитарной проверкой качества, если он разрешит Яше остаться здесь, потому что местные мясные лавки были невероятно грязными.

Он сначала отверг мое предложение, но, подумав, попросил пройти с ним в его квартиру, где усадил меня за стол и, налив два бокала вина, пригласил выпить с ним. Я в недоумении отказалась. «В чем причина такого исключительного дружелюбия губернатора к моей персоне?» – думала я. Он вдруг придвинулся ко мне, положил мне руки на плечи и снял с меня пальто. Прежде чем я успела опомниться от удивления, он схватил мою руку и стал ее целовать. Ни один мужчина прежде не целовал мне руку, и я решила, что подобный прием должен означать не что иное, как неприличные намерения. Испуганная и возмущенная, я вскочила.

– Я дам тебе тысячу рублей, место для мясной лавки на базаре и оставлю твоего мужа в Якутске, если ты согласишься стать моей, – говорил губернатор, пытаясь успокоить меня.

Я потеряла контроль над собой:

– Негодяи! Звери! Все вы, мужики, одинаковы! Все-все-все! Хоть благородные, хоть низкого звания – вы все бессовестные сволочи!

И, схватив свое пальто, я выбежала из этого дома так быстро, что губернатор не успел произнести ни слова. Я бросилась к своему временному жилью, заперлась в комнате и проревела всю ночь. Выполнить поручение не удалось, и теперь мне самой нужно было решать, должна ли я заживо похоронить себя ради Яши или продаться. В голове вставали картины Колымска, поселка из нескольких разбросанных далеко друг от друга хижин, населенных туземцами, затерянных в необъятных просторах заснеженной тундры и месяцами погребенных под снежными сугробами. Я почти слышала завывание полярного ветра и страшный рев белых медведей.

Мое воображение рисовало Яшу в этих условиях полной изоляции от нормальной жизни, изнемогающего от скуки однообразного существования. Потом моему мысленному взору предстала иная картина. Рисовалась жизнь и работа вместе с Яшей с видимостью счастья и тайными ночными свиданиями с этим выродком губернатором! А что как Яша узнает о тайных прогулках к губернатору? Как я это ему объясню? И какая будет польза от моих объяснений? Нет, это невозможно, невозможно! Ах, как ужасна была эта ночь! Я тщетно ломала голову в поисках выхода. Но оставалось одно: либо навсегда загубить себя в холодных северных просторах, либо оказаться в объятиях

губернатора Крафта.

К утру я была в полном изнеможении. Когда друзья спросили о результатах моего разговора с губернатором, я сказала, что он отказал мне в просьбе. В подавленном настроении направилась я в тюрьму повидать Яшу. Он сразу заметил мой потупленный взгляд и спросил о причине.

– Видела губернатора, – мрачно сказала я, – и он не хочет изменить твое место ссылки.

Яша вспыхнул:

– Ты обращалась к губернатору, а? Ведь он еще никогда не отказывал женщинам в подобных просьбах. Так многие говорят. Он добрейший человек. Надзиратель только что сообщил мне, что губернатор давно хотел открыть первоклассную мясную лавку в городе, и он ни за что не отпустит нас, если мы хорошо его попросим. А я слышал, что ты не очень хорошо просила. Ты хочешь от меня отделаться, да? Хочешь, чтобы меня сослали в Колымск подыхать, а сама останешься здесь одна и заведешь себе другого мужика.

Яшины слова глубоко ранили меня. Он и всегда был очень ревнив, а тяготы тюрьмы и трудного переезда сделали его еще более раздражительным. Кроме того, было ясно, что кто-то из губернской управы намекнул ему, что я, мол, недостаточно старалась защитить его интересы. Сказать Яше правду – значит не миновать нам Колымска, а так вопреки всему еще сохранялась какая-то надежда.

– Яша, – взмолилась я, – ну как ты можешь говорить такое обо мне? Ты же знаешь, как я тебя люблю, и коли ты поедешь в Колымск, то и я поеду с тобой. Я была у губернатора и умоляла его.

– Тогда ступай еще раз. Повались перед ним на колени и проси еще сильнее. Ведь говорят же, что он такой добрый, что, конечно, помилосердствует. В противном случае мы погибли. Подумай, куда нас повезут! Это же страна без солнца, селение из трех-четырех халуп, разбросанных друг от друга на десять – пятнадцать верст. Вот что такое Колымск. Ни лошадей, ни промыслов, ни торговли! Край, в котором нельзя жить человеку. Иди, взмолись перед губернатором, и он, наверно, пожалеет нас.

Я смотрела на Яшу, и сердце мое наполнялось жалостью и мукой. Ему было всего двадцать семь, но у него уже начинали седеть волосы. Он выглядел бледным и истощенным. И я не смогла сдержать душивших меня рыданий. Яшу это растрогало, и, нежно обняв меня, он стал извиняться за свои дурные слова, заверять в своей преданности и благодарить за поддержку в трудные моменты. Я ушла от него, дав согласие, что снова пойду

на прием к губернатору.

«Идти или не идти?» – эта мысль жестоко мучила меня после свидания с Яшей.

Я узнала, что за губернатором установилась репутация развратника. Он женился на дочери высокопоставленного чиновника ради карьеры, а она была горбунья и большую часть времени проводила за границей. Набравшись храбрости, я вновь отправилась к губернатору, надеясь все же добиться отчаянной мольбой снисхождения для Яши. Когда я вошла в канцелярию, то заметила, как служащие многозначительно подмигивают друг другу. Я едва стояла на ногах и вся дрожала в ожидании встречи с губернатором. Когда меня пригласили в кабинет, он поднялся с кресла, благожелательно улыбнулся и сказал:

– Ах, наконец-то вы пришли, моя голубка. Ну, теперь-то не волнуйтесь. Я вам ничего дурного не сделаю. Успокойтесь и садитесь. – И с этими словами он усадил меня в кресло.

– Пожалейте вы нас, ваше превосходительство. Разрешите Яше остаться здесь, – произнесла я, рыдая.

– Ну-ну-ну, не плачьте, – остановил он меня. – Я так и сделаю. Он останется.

Мое сердце исполнилось благодарности, и я упала перед ним на колени, благодаря и благословляя его за доброту. И тут же подумала, как обрадуется Яша, услышав такую новость. Я поднялась было и хотела идти.

– Вовсе не нужно так торопиться и бежать в тюрьму. Я отдам распоряжение надзирателю по телефону, чтобы он немедленно проинформировал об этом вашего мужа, – говорил губернатор. – А вы сами немного отдохните здесь.

Благодарности моей не было границ. Он налил в бокал немного вина и настоял, чтобы я выпила для бодрости. Никогда раньше не доводилось мне пробовать вина, а это было какое-то особое и очень крепкое. По телу разлилось блаженное тепло. Стало так приятно и спокойно. Губернатор снова наполнил мой бокал, потом свой и опять предложил выпить. Я попыталась отказаться, но не смогла устоять перед его уговорами. После второго бокала губернатору не составило большого труда заставить меня опорожнить и третий. Стало клонить ко сну, все было как в тумане, я не могла пошевелиться. С трудом понимая происходящее, собрав остатки сил, старалась не поддаваться соблазну, но почувствовала, что мне что-то подмешали в вино…

Проснувшись около четырех часов утра, я увидела, что нахожусь в незнакомой роскошной обстановке. Несколько мгновений никак не могла понять, где я, и подумала, что сплю. Рядом со мной лежал незнакомый человек. Он повернулся ко мне

лицом, и я узнала в нем губернатора. И тут я вдруг вспомнила все. Он сделал движение, намереваясь обнять меня, но я закричала, вскочила с постели, поспешно оделась и выбежала из дома, словно за мной кто-то гнался.

День только занимался. Город еще спал, и низко стелившийся туман окутал улицу и реку пеленой. Стояла ранняя осень, повсюду царили мир и спокойствие, но не в моем сердце. Там бушевали стихии и жизнь боролась со смертью – кто кого.

«Что я скажу Яше? Что подумают обо мне наши друзья? Проститутка! – эти мысли одна за другой проносились, как стрелы. – Нет, этого никогда не будет. Моя единственная спасительница – смерть».

Какое-то время я бродила по улицам, пока не наткнулась на уже открывшуюся бакалейную лавку. И там купила на тридцать копеек бутылочку уксусной эссенции. Когда вернулась, все стали расспрашивать:

– Где же вы были, Мария Леонтьевна, где провели ночь?

Мой внешний вид сам по себе уже вызывал подозрения. Никому не отвечая, я бросилась в свою комнату и заперла за собой дверь. Прочитав последнюю молитву, я залпом выпила всю отраву и упала, корчась от ужасной боли.

В это же время, около десяти часов утра, Яшу выпустили из тюрьмы и дали ему пятьсот рублей для устройства мясной лавки. Счастливый, шагал он туда, где я остановилась, совершенно не подозревая, что случилось со мной. И, только подойдя к самому дому, он заметил там какую-то необычную суету. Когда люди услышали мои стоны, дверь комнаты взломали. Эссенция, как огнем, обожгла мне рот и глотку. Меня нашли лежащей на полу без чувств. В сознание я пришла только в больнице. Вокруг стояли Яша, несколько сестер милосердия и врач, который что-то вливал мне в рот. Я не могла говорить, хотя и понимала все, что происходило в комнате. Доктор объяснял Яше, в ответ на его беспокойные расспросы, что я потеряла много крови и что мое выздоровление весьма сомнительно.

– Только невероятно здоровый организм позволит ей устоять и выйти живой из этой передряги, – добавил он.

Целых две недели я пребывала между жизнью и смертью, страдая от ужасных болей, корчась в диких судорогах. Меня кормили только молоком, которое вводили прямо в глотку через трубку. Около месяца я не могла говорить, но к его исходу угроза смерти миновала, однако пришлось пролежать в больнице еще месяц, прежде чем ко мне вернулось прежнее здоровье.

Яша поначалу не мог понять причину моего поступка. Ведь губернатор был так добр, так щедр. Он не только смягчил

наказание, но и дал нам пятьсот рублей для открытия лавки. Это ли не пример благородства? В конце концов Яша пришел к выводу, что тяготы минувшего года вызвали у меня временное помешательство, в результате чего я и предприняла попытку самоубийства. Разочаровывать его я не стала, хотя мне и очень хотелось сделать это всякий раз, когда он принимался расхваливать губернатора.

Когда я вышла из больницы, мы открыли мясную лавку, и сразу же дела пошли хорошо. Несколько месяцев мы жили спокойно. Как-то под вечер губернатор внезапно заглянул в лавку, вроде как бы для того, чтобы проверить, как идут у нас дела. Он хотел пожать мне руку, но я отвернулась.

Губернатор ушел, а Яша стал яростно упрекать меня за нелепое поведение. С ума я, что ли, сошла? Ну конечно, если уж отказалась поприветствовать нашего благодетеля, добрейшего из людей! Я надулась и молчала, но Яшу это не смутило. Он потребовал объяснений. Мне ничего не оставалось, как чистосердечно сознаться во всем, что я и сделала.

Правда повергла его в такой сильный шок, что у него даже начались судороги. Он чем-то ударил меня и повалил на пол. Лицо побелело как мел, вены на висках вздулись, его всего трясло. Казалось, он просто не в состоянии пережить этот кошмар. Великодушие и щедрость губернатора легко нашли объяснение: пятьсот рублей, смягчение наказания – все это куплено дорогой ценой, которую заплатила его любимая.

Теперь моя попытка самоубийства стала ему понятной. И он должен был отомстить. Он поклялся, что убьет губернатора. Да, он убьет этого самого презренного из отпетых негодяев. Я обхватила его ноги и умоляла остановиться. Он не обращал внимания на мои мольбы и говорил, что ему лучше не жить, если не отомстит за меня.

Несмотря на все мои усилия успокоить мужа, он отправился на это роковое дело. Явившись в канцелярию, Яша потребовал, чтобы губернатор его принял, и назвал свою фамилию. Дежуривший чиновник немедленно заподозрил его в каких-то темных намерениях. Губернатору доложили, что некий Бук, мясник, желает видеть его и ведет себя подозрительно. Губернатор приказал задержать его и обыскать. При нем был найден длинный острый нож, и его арестовали с последующим распоряжением отправить уже на следующий день на поселение в Амгу, поселок в двух сотнях верст от Якутска. Мне дали всего сутки, чтобы продать лавку, и приказали передать ее в руки местного политического ссыльного при условии, что он заплатит нам за нее через несколько месяцев.

Мы отправились в Амгу в канун Пасхи 1914 года на подводе, которой управлял какой-то якут. Дорогу развезло. Лошади вязли так глубоко, а колеса застревали так часто, что нам то и дело приходилось слезать и помогать вытаскивать подводу. Мы встретили Пасху в чуме одного местного старожила, в котором и дети, и женщины, и животные находились вместе. В таких жилищах в центре всегда горит костер и дым выходит через отверстие наверху. Там же доили коров, и грязь была ужасная. Поужинав хлебом и каким-то совершенно непригодным чаем, мы легли спать. А на следующий день продолжили наше путешествие в Амгу.

Глава пятая. Побег из ссылки и от Яши

Наш путь до Амги занял около шести дней. Это был небольшой городок со смешанным населением. Половину его домов составляли маленькие лачуги, построенные русскими ссыльными. Многие из них женились на якутках, которые охотно выходили замуж за «белых». Мужчины-якуты обходились с ними дурно и были ленивы, поэтому женщинам, как правило, приходилось много работать, чтобы содержать семью. Некоторые якуты были очень богаты, владея иногда тысячами оленей. Мужчины, женщины и дети носили одинаковые меховые одежды. Хлеб они пекли из грубой муки, молотой ручным способом.

В Амге проживало тогда пятнадцать политических ссыльных. Пятеро из них были выпускниками университетов, а один – человек весьма известный, князь Александр Гайтемуров. Его арестовали восемь лет назад, и в ссылке он успел поседеть.

Я оказалась первой русской женщиной в Амге, и политические обрадовались моему приезду несказанно. Так как якутские женщины никогда не стирали одежду, ссыльные жили в невообразимой грязи и имели запущенный вид. Они сдались на милость насекомым-паразитам и почти не боролись с болезнями. Ни за какие деньги нельзя было достать ни здоровой чистой пищи, ни безопасного для питья молока. Деньги в Амге не имели большой цены. Так, например, князь получал в месяц сто рублей жалованья, но даже за тысячу не сумел бы как следует помыться.

Я немедленно взяла дело в свои руки, сняла за два рубля в месяц небольшую халупу, которая вскоре превратилась в культурный центр колонии. Распорядилась сделать стол, лавки и кровать. В магазине, которым владел некто Карякин, сосланный сюда за убийство в 1904 году и процветавший здесь благодаря своей коммерции, я приобрела муку, стала выпекать настоящий русский хлеб, готовить нормальную домашнюю еду и устраивать чаепития, приглашая всех политических на обед и чай.

Такая трапеза казалась им сказочным пиром, и те из них, кто был одинок, просили разрешения столоваться у меня. И я не только брала их на довольствие, но и обстирывала, чинила им одежду. Маленькую избушку я превратила в баню, и прошло немного времени, как все политические стали снова выглядеть по-человечески. Обязанности по дому поглощали все мое время и силы, но я была счастлива тем, что помогала людям. Они считали меня своей матерью и не переставая хвалили за добрые дела.

Я завела огород и кое-что посеяла. Благо что община выделяла земли сколько угодно – ведь переселенцев было мало,

несмотря на природные богатства этого края. Реки Сибири полны рыбы, а лесному богатству нет конца. В нескольких сотнях верст от нас находились золотые прииски. Владея мясной лавкой в Якутске, мы смогли купить в кредит лошадь и даже призанять немного денег.

Моя популярность среди политических ссыльных раздражала Яшу, вызывала в нем ревность, и он постоянно подозревал, что за мной кто-то ухаживает. Поскольку делать ему было нечего, все его мысли сосредоточились только на одном: верна ли я ему, и вскоре ревность захлестнула его полностью. Он начал играть в карты, что было весьма распространено у якутов, и постепенно стал заядлым картежником. Яша уезжал из дома в какой-нибудь соседний якутский поселок и оставался там зачастую на несколько дней, тратя все свое время на игру. И в конце концов это вошло у него в привычку. Он неожиданно исчезал и так же внезапно появлялся, и всегда в разном настроении.

Когда он выигрывал, то возвращался, весь сияя, с карманами, полными звенящих монет, привозил мне подарки и вообще выказывал великую щедрость. Но так случалось не всегда. Чаще всего он проигрывал и тогда возвращался домой в мрачном настроении, подавленный и удрученный, нервный и раздражительный, отыскивал повод и вызывал меня на скандалы.

Особенно сильно неистовствовал он, когда обнаруживал в доме кого-то из политических. Сжигаемый ревностью, Яша зло насмехался надо мной, а нередко прибегал и к кулакам.

– Да ты, Яшка, рассудок потерял, что ли? – говорила я ему. – Деньги понадобились? Ты знаешь, я всегда рада тебя выручить.

И я отдавала ему свои скромные сбережения, зная, что он спустил последнюю копейку. Но это не смягчало моих страданий. И я всякий раз уже с облегчением ждала его отъезда и с тревогой ожидала возвращения.

Спустя три месяца мы получили разрешение приехать в Якутск за деньгами, причитавшимися нам за мясную лавку, однако человек, которому мы передали свое дело, отказывался вернуть долг, утверждая, что уплатил все сполна еще при нашем отъезде в Амгу. Произошла бурная ссора, но денег мы не получили. Ведь я передала ему лавку на веру, без документов, и подтвердить свои требования мы ничем не могли, как не могли и лишить его права на владение. Ничего нельзя было поделать, кроме как вернуться назад с пустыми руками и с грузом долгов на шее, которые мы наделали в Амге. Меня ждали годы тяжелого и непрерывного труда, необходимого, чтобы расплатиться со всеми долгами.

Однажды летним днем в Амгу прибыла новая партия

ссыльных. Среди них был один молодой парень лет двадцати. Яше он понравился, и он предложил оставить его в нашем доме в помощь мне. Зная Яшину ревность, я возражала.

– Ну что ты делаешь, Яша? – говорила я. – Ты же знаешь, как сильно ревнуешь, когда к нам кто-то заходит из колонии. А теперь хочешь, чтобы я терпела этого мальца здесь, в то время как ты почти всегда отсутствуешь. Сам хочешь накликать на меня беду. Я не хочу держать его здесь, мне не нужно никакой помощи. Пожалуйста, не вешай мне его на шею.

– Маруся, – ласково отвечал мне Яша, – клянусь, что никогда больше не стану тебя ревновать! Не буду, дорогая моя. И прости ты мне всю ту боль, которую я тебе причиняю.

Яшины слова не могли полностью меня успокоить, но он отверг все мои возражения, обещая быть в будущем благоразумным. В тот же день к вечеру его навестил знакомый якут, и они вместе отправились в какое-то игорное заведение. Юноша остался со мной. В первые два дня ничего дурного не произошло. Потом, проснувшись как-то ночью, увидела, как молодец склонился надо мной. Я оттолкнула его, попыталась пристыдить, но он упорствовал, добиваясь своего. Тогда я изо всей силы ударила его, соскочила с кровати и, схватив табурет и крича не своим голосом, выгнала его из дому. Был примерно час ночи, и в это время князь Гайтемуров возвращался домой после вечера, проведенного у приятеля. Он видел, как я выставила парня из дома на улицу. А парень затаил злобу и решил оклеветать меня. Встретив Яшу у околицы деревни, рассказал, какая я неверная.

– Хороша у тебя подруга! – обратился он к Яше, как только увидел его.

– А что случилось? – спросил Яша взволнованно.

И этот парень объяснил, что прошедшей ночью я пришла к нему, но он, будучи преданным другом Яши, прогнал меня и ушел из дому, чтобы сообщить о случившемся. У Яши едва хватило сил, чтобы сдержать себя, чтобы не ударить парня, и он громовым голосом заорал:

– Поклянись, что сказал правду!

Подлец ответил:

– Конечно, это правда.

Когда Яша переступил порог, я сразу же увидела, что он очень сердит и с трудом подавляет свой гнев. В таком состоянии он всегда был еще более страшен. Яша говорил медленно, отчетливо произнося слова, и они вселяли ужас в мою душу.

– Ты бесстыжая баба, шлюха! Ты всегда была мне неверна, постоянно меня обманывала. Но теперь ты попалась и не

убежишь. Это счастье, что Дмитрий такой порядочный парень и не поддался соблазну. Подлая тварь, читай последнюю молитву!

С этими словами Яша хладнокровно и решительно начал вязать петлю, чтобы меня повесить. Наблюдая за спокойными и расчетливыми движениями Яши, говорившими о серьезности его намерений, я сильно испугалась.

– Яша, Яшенька, я ни в чем не виновата! – рыдала я, упав к его ногам и целуя их. – Клянусь, что не виновата! Пощади! Подумай, что ты делаешь! Я же говорю тебе, что не виновата!

Яша продолжал готовиться к выполнению своего замысла как ни в чем не бывало. Он прикрепил веревку к крюку в потолке и проверил петлю.

– Яша, – причитала я, обхватив его ноги, – опомнись!

Он оттолкнул меня, поставил табурет под веревкой и страшным голосом приказал подняться на него.

– Теперь читай последнюю молитву! – снова произнес он.

Потом накинул мне на шею петлю и выбил табурет из-под ног. В ту же секунду петля затянулась вокруг моего горла. Я хотела крикнуть, но не смогла: всю голову так ужасно сдавило, что почудилось, будто она треснула. А потом я потеряла сознание…

Увидев, как петля затягивается вокруг моей шеи, Яша пришел в себя и поспешил ослабить узел. Я упала на пол бездыханная. Услыхав его крики о помощи, несколько политических, среди которых были и студенты-медики, прибежали в наш дом. Они сделали все, чтобы привести меня в чувство, и это им удалось после продолжительных и упорных попыток. Когда я открыла глаза, у моей постели собралась вся колония ссыльных. От Яши потребовали объяснить его бесчеловечный поступок, и он рассказал то, что слышал от Дмитрия.

И тут князь Гайтемуров поведал всем о том, что он видел прошлой ночью, возвращаясь домой. Яша был вне себя. Он упал на колени и стал просить у меня прощения, проклиная Дмитрия и обещая немедленно расправиться с ним. Но найти его Яша нигде не мог. Дмитрий узнал, что разоблачен, и навсегда скрылся из Амги.

Вскоре после этого произошел еще один случай, который сделал мою жизнь с Яшей еще горше. В его отсутствие ко мне однажды зашел Василий, политический ссыльный, и сказал, что власти получили приказ арестовать его и отправить в Иркутск, чтобы судить по новому делу, а это влекло за собой смертную казнь. Такова была обычная практика царского правительства: уже осужденных вызывали для повторного суда, когда выявлялись дополнительные улики.

Василий попросил одолжить ему нашу лошадь по кличке Мальчик и помочь совершить побег. Зная, как Яша любит лошадь, я отказала Василию в его просьбе. Но он упорно просил меня, ссылаясь на то, что князь Гайтемуров будто бы видел этот приказ об аресте и что пристав уже выехал за ним.

– Но как же ты вернешь лошадь? – спросила я Василия, тронутая его непрерывными мольбами.

Он ответил, что оставит лошадь у одного нашего приятеля, якута, жившего в нескольких сотнях верст от нас, и я в конце концов уступила ему, хотя и чувствовала, что добром это не кончится. Как только он уехал, мое беспокойство переросло в большую тревогу. Я поспешила к князю Гайтемурову, чтобы убедиться в истинности рассказа Василия. Каково же было мое удивление, когда я узнала от князя, что он не видел никакого приказа об аресте Василия и даже не встречался с ним. Стало ясно, что меня обманули и что я никогда больше не увижу нашу лошадь.

«Боже ж ты мой! – думала я. – Что же будет, когда Яша вернется домой и обнаружит, что Мальчик пропал?»

Перед глазами вновь замаячил призрак смерти, да и воспоминание о недавнем избавлении от петли оживало в памяти. Я вся дрожала, готовясь к встрече с Яшей, и у меня было такое ощущение, будто попала в клетку и мечусь в ней в поисках выхода. Но выхода, как мне казалось, не было.

Шел август 1914 года. Отголоски великой схватки только начинали доходить до далеких сибирских провинций. Пришел приказ о мобилизации, и началась великая суета, причем даже в занесенных снегом полярных районах, словно в этот край унылого однообразия вдохнули новую жизнь. Вслед за призывом к оружию был издан царский манифест, налагавший запрет на то, что всегда было истинным бичом для нашего народа, – на водку; и вместе с этим поднялась гигантская волна народного воодушевления, захватывая степи и долины, горы и леса необъятной России – от Петрограда и Москвы, через Уральские горы и сибирскую тундру и тайгу, к далеким границам Китая и берегам Тихого океана.

Было что-то священное в этом отклике всего народа. Старики, воевавшие в Крымской войне, в Турецкой кампании 1877-1878 годов и в Русско-японской войне, говорили, что никогда прежде не видели такого подъема духа. Это были возвышенные, великолепные и незабываемые минуты жизни. Они завладели моей душой, и возникло неясное предчувствие того, что к жизни пробуждается новый мир, очистившийся от скверны, более счастливый и близкий к Богу.

И когда Василий украл нашу лошадь и меня охватил ужас при мысли о том, как это воспримет Яша, а положение мое казалось безвыходным, в моем мозгу внезапно вспыхнула мысль: ВОЙНА!

«Ступай на войну и помоги спасти свою страну!» – взывал внутренний голос.

Покинуть Яшу ради собственного блага казалось мне почти немыслимым. Но оставить его и пойти на фронт во имя бескорыстного самопожертвования – нечто совершенно иное. Идея отправиться на войну все сильнее и сильнее овладевала всем моим существом, не давая покоя.

Когда Яша возвратился домой, князь Гайтемуров и несколько моих друзей собрались в нашем доме, чтобы защитить меня от побоев мужа. Яша уже узнал от местных жителей, что Василий удрал с нашей лошадью. Он и думать не мог, чтобы я без разрешения, просто так отдала кому-нибудь его любимую лошадь, и поэтому заподозрил, что я завела интригу с Василием и отрядила его для подготовки совместного побега. Яша устроил дикую сцену – набросился на меня и с ожесточением начал бить. Мои друзья еле оттащили его, но это лишь разозлило Яшу еще больше. Не имея возможности дать выход своему бешенству, он совершал просто безумные поступки и становился опасным для окружающих. Требовалось какое-то лекарство для лечения, а врач приезжал в Амгу только раз в месяц. Но, поскольку Яша считал себя здоровым, советовать ему обратиться к доктору было бесполезно. Поэтому друзья договорились, что, когда доктор приедет, князь Гайтемуров проведет его по улице как бы случайно мимо нашего дома, а я выйду навстречу, поприветствую их и приглашу на чай. Все прошло гладко. Доктор познакомился с Яшей и сразу же обратил внимание на его бледность и воспаленные глаза.

– Вас что-то беспокоит? – спросил он Яшу. – У вас, кажется, лихорадка. Дайте-ка я вас осмотрю.

В результате доктор дал заключение, что Яше необходимо лечь в больницу. Яша, конечно, над этим посмеялся. По секрету доктор сообщил князю Гайтемурову, что нервы у Яши совершенно расстроены и что жить с ним небезопасно, так как он может убить из-за пустяка. Доктор настаивал на моем немедленном отъезде. Но я колебалась. Вскоре последовал новый скандал. Яша и впрямь предпринял еще одну попытку убить меня, но его остановили. Чаша была переполнена. Я решилась бежать.

Воображение денно и нощно уносило меня на поля сражений, мне слышались стоны раненых собратьев. Отголоски столкновения могучих армий доносились до самых глухих мест

Северной Сибири. Все полнилось слухами о победах и поражениях на фронте, и люди шепотом рассказывали друг другу о реках крови и нескончаемых потоках раненых, устремившихся на сибирские просторы. Мое сердце рвалось туда – в кипящий котел войны, чтобы принять крещение в огне и закалиться в лаве. Мною овладел дух самопожертвования. Моя страна звала меня. И какая-то непреодолимая внутренняя сила толкала вперед…

Я только выжидала момент, когда Яша в очередной раз уедет на несколько дней. Это случилось в один из сентябрьских дней. Несколько якутов пришли к Яше, и он уехал с ними. Оставшись одна, я остригла волосы, переоделась в мужскую одежду и запаслась на дорогу двумя буханками хлеба. У меня было совсем немного денег, но просить взаймы не стала, потому что не хотела никого в колонии посвящать в свои планы.

Был вечер. Крадучись я вышла из Амги и направилась в Якутск. Предстояло пройти двести верст. Ночью я шла так быстро, как только могла. Идти днем не решалась из боязни быть узнанной. К рассвету я прошла пятьдесят верст.

Несколько раз на пути встречались якуты, и я отвечала на приветствия на их языке, который к тому времени уже освоила. В темноте они, должно быть, принимали меня за якутку. В остальном ничего особенного во время этого путешествия не приключилось. Дорога была сухая, погода теплая, и только звезды освещали путь да сердце часто стучало в груди в такт шагам.

Когда занялся день, я остановилась у прозрачного ручья и позавтракала хлебом с холодной водой. Потом сделала себе постель из веток в небольшой ямке близ дороги, легла, укрылась ветками же и проспала весь день. Проснулась я уже вечером, помолилась Богу, поела немного хлеба с водой и продолжила путь. Шесть ночей ушло на то, чтобы добраться до Якутска. Питалась только хлебом и водой, а днем спала в укромных местах у дороги.

В Якутске был уже новый губернатор. Барон Крафт уехал в Западную Европу к жене на какой-то курорт, который с началом войны перешел в руки противника. Барон оказался в плену и вскоре умер. Новый губернатор принял меня очень хорошо и удовлетворил мою просьбу о возвращении домой в Томск за казенный счет. Он даже предложил провожатого для охраны моей персоны.

Побег вполне удался, но на сердце было тяжело. Перед глазами вставал Яша, снедаемый горем, отчаянно ищущий, зовущий меня. Совесть взывала к ответу. Хорошо ли, справедливо ли было оставлять Яшу одного в богом забытой Амге? Разве не клялась я ему в вечной преданности? Не мой ли прямой долг

оставаться с ним до конца? Так, может быть, вернуться к нему и оставить эту дикую выдумку – отправиться на войну?

Я колебалась. Но с другой стороны, разве не верно, что Яша стал заядлым картежником? Разве жизнь с ним не становилась для меня опасной? Быть верной Яше не значит погибнуть вместе с ним, а попытаться спасти его. Так говорил мне мой внутренний голос. И действительно, мысль спасти Яшу, вырвать его из той среды, в которой он погряз, полностью овладела моим воображением. Но можно ли сделать это иначе, чем, отличившись на войне, написать прошение царю в его защиту?

Так вновь и вновь мысли мои возвращались к войне. Я попросила знакомого написать от моего имени письмо Яше. Извинившись, что так неожиданно покидаю его, я сообщила о своем намерении отправиться в Томск, чтобы записаться в армию солдатом, уйти на фронт, проявить себя там, а потом обратиться к царю с прошением о помиловании, дабы государь позволил нам вернуться к мирной жизни в Сретенске.

Таков был мой план, но Провидение не даровало мне мира и разрушило мои мечты. Я думала, что война продлится несколько месяцев, а она затянулась на несколько лет, погрузив Россию во мрак, заронив семена революции. Она несла людям смерть, голод и разрушение и в то же время давала жизнь росткам нового мирового порядка. В те штормовые годы Яша перестал интересовать меня, а потом я навсегда вычеркнула его из своей жизни. Но в ту памятную осень 1914 года, когда я в последний раз прощалась с холодным северным краем, садясь на баржу, чтобы ехать в Иркутск, а оттуда в Томск и далее на фронт, он все еще оставался в моем сердце.

Часть вторая
Война

Глава шестая. Солдат высочайшей милостью

Почти два месяца добиралась я домой из Якутска – водой, поездом и пешком. Война чувствовалась повсюду. Баржа на Лене была полна рекрутов. В Иркутске бросалось в глаза обилие людей в военной форме; по улицам то и дело маршировали направлявшиеся к вокзалу полки солдат, пробуждая в сердцах обывателей воинственный дух. Мой провожатый покинул меня сразу по прибытии, и пришлось самой обращаться к властям за содействием, чтобы продолжить путешествие.

Сердце громко стучало, когда я сошла с поезда в Томске. Целых шесть лет меня не было в этом городе. Слезы застилали взор, когда я шла по знакомым улицам. Вот здесь, в двухэтажном доме, впервые познала я непостоянство мужской любви. Это было десять лет назад, во время русско-японской войны, и мне тогда исполнилось пятнадцать. А вон в той маленькой, уже обветшавшей лавочке, где и сейчас вижу склонившуюся за конторкой фигуру Настасьи Леонтьевны, я провела пять лет отрочества, обслуживая покупателей, моя полы, стирая и латая одежду. Но следует признать, что это долгое ученичество под суровым надзором Настасьи Леонтьевны пошло мне на пользу, помогая в последующие годы. А вот и труба, над которой вьется дымок. Это тот самый дом, в котором около восьми лет назад началась моя замужняя жизнь и где я в полной мере испытала жестокость мужского нрава. И вот, наконец, подвальный этаж, где мои отец и мать прожили семнадцать лет.

Я распахнула настежь дверь. Мама пекла хлеб и не сразу обернулась. Как же она постарела! Как опустились ее плечи, как побелели волосы! Она резко повернула голову и какую-то долю секунды удивленно смотрела на меня. Комок подкатил у меня к горлу, слова замерли на устах.

– Маня! – воскликнула она, бросаясь ко мне и заключая меня в объятия.

Мы плакали, целовали друг друга и снова плакали. Мама вознесла горячую молитву Пресвятой Богородице и поклялась, что никогда больше не отпустит меня от себя. Хлебы сгорели почти до углей, позабытые в печи в суматохе, вызванной моим возвращением. Пришел отец, и я увидела, что он тоже сильно постарел. Он ласково поздоровался со мной: видно, годы смягчили его грубую натуру.

Я побывала у старых друзей. Очень обрадовалась встрече со

мной Настасья Леонтьевна. Сестра Афанасия Бочкарева, моего первого мужа, тоже встретила меня приветливо, несмотря на то что я убежала от ее брата. Она хорошо знала, насколько он был жесток и груб. Мне сообщили, что Афанасия забрали в армию в первые дни войны и что, по рассказам, он был в числе первых взятых немцами военнопленных. Я о нем больше никогда не слышала.

Первые три дня по приезде я отдыхала. С фронта шли волнующие новости. Там разворачивались сражения. Наши солдаты в одних местах отступали, а в других наступали. И я желала обрести крылья, чтобы полететь им на помощь. Сердце мое томилось и болело.

«А ты знаешь, что такое война? – спрашивала я себя. – Это вовсе не женское занятие. И ты, Маруся, должна быть твердо уверена, что не осрамишь себя. Достаточно ли ты сильна духом, чтобы встретить достойно все испытания и ужасы этой чудовищной войны? Хватит ли сил у тебя, чтобы пролить кровь и выдержать все тяготы войны? Так ли твердо твое сердце, чтобы устоять против тех соблазнов, которые тебе придется испытать, живя среди мужчин? Отыщи в своей душе правдивый и мужественный ответ».

И я нашла достаточно силы в себе, чтобы ответить «да!» на все эти вопросы. Я подавила таившееся в глубине души страстное желание вернуться к Яше и приняла роковое решение: пойду на войну и буду сражаться до последнего вздоха или, если Господь сохранит меня, до наступления мира. Я буду защищать Родину и помогать на поле боя тем несчастным, кто уже пожертвовал собой ради нее.

Шел ноябрь 1914 года. Укрепившись в своем решении, я твердым шагом направилась к штабу 25-го резервного батальона, расквартированного в Томске. Когда я вошла туда, дежурный спросил, что мне надо.

– Видеть командира, – ответила я.

– По какому делу? – спросил он.

– Хочу поступить на военную службу, – сказала я.

Дежурный рассматривал меня несколько секунд, а потом громко рассмеялся и позвал других военных.

– Поглядите-ка, вот баба хочет поступить на военную службу! – со смехом объявил он, показывая на меня пальцем. Раздался всеобщий хохот.

– Ха-ха-ха! – галдели они хором, забыв о своей работе.

Когда веселье немного улеглось, я повторила просьбу пропустить меня к командиру, и тогда в комнату вошел его

адъютант. Должно быть, ему сообщили, что какая-то женщина пришла вербоваться в солдаты, поэтому он шутливо обратился ко мне:

– Что желаете?

– Хочу поступить на военную службу, ваше благородие, – ответила я.

– Хотите в солдаты? Но вы женщина… баба, – засмеялся он. – Устав не разрешает призывать в армию женщин. Это противозаконно!

Но я настаивала, что хочу воевать, и просила пропустить меня к командиру. Адъютант доложил обо мне, и тот приказал привести меня к нему.

Слыша позади себя веселый смех адъютанта, я краснела и чувствовала себя весьма неловко, когда предстала перед командиром. Он резко осадил адъютанта и спросил, чем может быть полезен. Я ответила, что хочу вступить в армию и сражаться за свою страну.

– Иметь такое желание очень благородно с вашей стороны. Но женщинам не разрешается служить в армии, – сказал он. – Они слишком слабы физически. Ну что, к примеру, вы сможете делать на передовой линии? Женщины не созданы для войны.

– Ваше благородие, – не унималась я, – Бог дал мне силы, и я могу защищать свою страну так же хорошо, как и любой мужчина. Прежде чем прийти сюда, я спрашивала себя, смогу ли вынести все тяготы солдатской жизни, и пришла к выводу, что смогу. Вы можете зачислить меня в свой полк?

– Голубушка, – ласково объявил мне командир, – ну как я могу помочь вам? Это нарушение закона. У меня нет таких полномочий зачислить в строй женщину. Не смогу, даже если бы и захотел. Вам нужно обратиться в службу тыла, завербоваться в Красный Крест в качестве сестры милосердия или в какую-нибудь другую вспомогательную службу.

Я отвергла это предложение. Я так много слышала разных рассказов о поведении женщин в тыловых службах, что стала презирать их. Поэтому я снова заявила о своем решении идти на фронт рядовым солдатом. Мое упорство сильно подействовало на командира, и он взялся помочь мне. Он предложил, чтобы я послала телеграмму царю, сообщив в ней о своем желании защищать страну, о своих патриотических чувствах. И тогда, возможно, царь даст мне особое разрешение о зачислении на военную службу солдатом.

Командир пообещал лично составить такую телеграмму, снабдить ее своей рекомендацией и отправить через свою службу. Однако он посоветовал еще раз крепко подумать о тех

трудностях, с которыми мне придется столкнуться в армии, о возможном отношении ко мне солдат и о том, что я всегда и везде буду объектом для насмешек. Но я своего решения не переменила. Телеграмму послали за мой счет, и обошлась она мне в восемь рублей, которые я заняла у матери.

Когда я открыла перед родными цель своего визита к командиру 25-го батальона, они залились слезами. Мама кричала, что ее Маня, должно быть, сошла с ума, что это неслыханное, невообразимое дело. Где это видано, чтобы баба шла на войну? Да уж лучше она заживо себя схоронит, чем отпустит меня в солдаты. Отец ее поддержал. Они говорили, что я сейчас их единственная опора и надежда. Теперь им придется умирать с голоду или идти побираться. И весь дом наполнился рыданиями и стенаниями, в которые включились также обе младших сестры и кое-кто из соседей.

Сердце мое буквально разрывалось на части. Предстоявший выбор был, конечно, жестоким и болезненным для родных и для меня, но это был выбор между моей матерью и моей Родиной. Ведь у меня ушло столько душевных сил, чтобы закалить сердце для этой новой жизни, а теперь, когда я была уже сравнительно близко к цели, моя долго страдавшая мать призывала отказаться ради нее от этой поглотившей меня идеи. Я понимала, что должна принять решение очень быстро, и, собрав всю волю и призвав на помощь Господа, решила, что зов страны для меня сильнее зова матери.

Некоторое время спустя к нам в дом пришел солдат.

– Мария Бочкарева здесь проживает? – спросил он.

Он пришел из штаба с известием, что от царя получена телеграмма, в которой командиру батальона разрешалось зачислить меня в строй как солдата. И теперь командир хотел меня видеть.

Мама не ожидала такого ответа. Она вскипела от гнева, ругала царя изо всей силы, хотя всегда раньше почитала его, называя батюшкой.

– Ну что же это за царь, – кричала она, – если он посылает женщин на войну! Он, должно быть, совсем спятил! Ну кто и когда слыхал, чтобы какой-то царь призывал в армию баб? Разве у него мало мужиков? Помилуй Господи, да им несть числа в России-матушке!

Она сорвала со стены портрет царя, перед которым каждое утро крестилась, и изорвала его в клочки, растоптала их ногами, кляня и предавая все анафеме. Никогда больше она не станет молиться за него, объявила она. Ни за что, никогда!

Весть, принесенная солдатом, возымела на меня совсем

другое действие: душа моя ликовала. Надев праздничный наряд, я пошла на встречу с командиром. В штабе, казалось, уже все знали о царской телеграмме, и меня везде встречали с улыбкой. Командир поздравил меня и торжественно зачитал текст телеграммы, объяснив, что августейший император оказал мне высочайшую милость и что я обязана быть достойной ее. Я была так рада, так счастлива, так полна восторга. Это был самый счастливый момент в моей жизни.

Командир вызвал своего ординарца и распорядился выдать мне солдатскую форму. Я получила два комплекта нижнего белья из грубого полотна, две пары обмоток, шайку для стирки, пару сапог, пару штанов, ремень, гимнастерку, пару погон, папаху с эмблемой, два подсумка для патронов и винтовку. Волосы мои остригли машинкой.

Когда я появилась в военной форме как рядовой солдат 4-й роты 5-го полка, раздался взрыв хохота. Я была смущена и чувствовала неловкость оттого, что просто не могла узнать себя. Новость о женщине-новобранце распространилась в казармах еще до моего прибытия. А когда я появилась там, веселью и смеху не было конца. Молодые новобранцы, окружив со всех сторон, с недоверием рассматривали меня, а иные не могли удовлетвориться только разглядыванием: уж таким редким дивом была я для них. Они хотели убедиться, что глаза не обманывают их, и начали щипать меня, толкать и задевать плечом.

– Да идите вы, вовсе никакая это не баба, – заметил один из них.

– Да нет же, баба, – сказал другой, ущипнув меня.

– Она шарахнется от первой же германской пули, как черт от ладана, – пошутил третий, вызвав этим взрыв смеха.

– Мы ей тут поддадим такого жару, что она убежит, еще не доехав до фронта, – пригрозил мне четвертый.

В этот момент подошел командир роты, и хлопцы разбежались. Мне разрешили сходить домой и отнести вещи, прежде чем окончательно обосноваться в казарме. Командир приказал также научить меня отдавать честь. По дороге домой я таким манером салютовала каждому человеку в военной форме. Открыв дверь квартиры, я остановилась на пороге. Мама меня не узнала.

– Мария Леонтьевна Бочкарева дома? – спросила я резким тоном, по-военному.

Мама приняла меня за посыльного из штаба и ответила:

– Нет.

Тут я бросилась ей на шею.

– Пресвятая Дева, спаси меня! – воскликнула она.

Начались причитания, полились слезы. Вскоре пришел отец с маленькой сестренкой. У матери случилась истерика. В первый раз в жизни я увидела, как плачет отец, и все они снова заставляли меня отказаться от безумной идеи служить в армии. Чтобы помочь отговорить меня от моих намерений, пригласили хозяйку дома и старую добрую Настасью Леонтьевну.

– Подумай, что могут сделать мужики с одинокой женщиной, оказавшейся среди них, – доказывали они. – Ну конечно, они сделают из тебя проститутку. Потом тайно убьют, и никто даже не найдет твоих следов. Вон совсем недавно у полотна чугунки нашли тело женщины, которую вышвырнули из военного эшелона. Ты же всегда была такая благоразумная девушка. Что же это на тебя нашло? А что станет с твоими родителями? Они уже старые и слабые, а ты их единственная надежда. Они часто говорили, что вот, мол, когда Маруся вернется, они смогут провести остаток своей жизни в мире и спокойствии. А теперь ты и вовсе сокращаешь их дни, огорчаешь и толкаешь к могиле.

На какое-то мгновение я заколебалась. В моей душе опять возобновилась ожесточенная борьба между двумя стихиями, двумя путями. Но я осталась при своем решении, глухая ко всем уговорам. Тогда мама сильно разгневалась и закричала во весь голос:

– Ты больше мне не дочь! Ты не посчиталась с любовью матери!

С тяжелым сердцем ушла я из дома, направляясь в казармы. Командир роты не ожидал, что я вернусь так скоро. Пришлось объяснить, почему я не смогла переночевать дома. Тогда он показал мне мое место на общих нарах, приказав солдатам мне не досаждать. Справа и слева от меня были солдаты, и мне навсегда запомнилась эта первая ночь в обществе мужчин. Я ни на минуту не сомкнула глаз в продолжение всей ночи.

Разумеется, солдатам было в диковинку такое явление, и они решили, что перед ними женщина свободного поведения, которая пробралась в солдатский строй, чтобы заниматься своим запретным ремеслом. Поэтому мне приходилось постоянно отбиваться от приставаний со всех сторон. Не успела я сомкнуть глаза, как обнаружила руку соседа слева, обвившуюся вокруг моей шеи, и резко отшвырнула ее. Но, следя за его движениями, не заметила, как сосед справа продвинулся ко мне слишком близко, и тогда я со злостью сильно пихнула его в бок. Всю ночь напролет нервы мои были напряжены, а кулаки не знали отдыха. К рассвету я так устала, что чуть не заснула, но тут же обнаружила чью-то руку на своей груди, и, прежде чем тот сумел осознать мои намерения, я треснула его по роже. Я продолжала

раздавать тумаки до тех пор, пока в пять часов утра не зазвонил колокол, возвестивший подъем.

На то, чтобы одеться и умыться, отводилось десять минут, и любое опоздание строго наказывалось. С исходом десяти минут солдаты становились в строй для проверки чистоты рук, ушей и правильной накрутки обмоток. Я так торопилась уложиться в срок, что надела шаровары шиворот-навыворот, вызвав тем самым настоящую бурю веселья и дикие приступы смеха.

День начался с молитвы за царя и Отечество, вслед за тем каждый из нас получил свой дневной рацион – два с половиной фунта хлеба и несколько кусочков сахару, которые раздавали взводные командиры. В каждой роте было по четыре взвода. Завтрак состоял из хлеба и чая и продолжался полчаса.

В столовой я получила возможность познакомиться с несколькими более или менее симпатичными солдатами. В моей роте было десять добровольцев, и все из студентов. После еды состоялась перекличка. Дойдя до меня в списке, офицер выкрикнул:

– Бочкарева!

– Есть, – ответила я.

Затем нас повели на занятия, поскольку весь полк был сформирован лишь три дня назад. Первое правило, которое офицер-инструктор старался донести до нас, состояло в том, чтобы быть внимательными и следить за его движениями и действиями. Не все новобранцы проделывали это легко. Я молилась Богу, прося Его помочь мне в усвоении солдатских обязанностей.

Нормальные отношения с солдатами устанавливались у меня довольно медленно. Первые несколько дней я была для нашего ротного командира такой помехой, что он уже хотел было просить меня подать рапорт об отчислении. Несколько раз он прямо дал мне это понять, но я продолжала упорно делать свое дело и ни разу не пожаловалась на те приставания, которые терпела от мужиков. Постепенно я добилась их уважения и доверительного отношения. Небольшая группа студентов-добровольцев постоянно заступалась за меня. Так как русские солдаты называют друг друга сокращенными именами или прозвищами, то один из первых вопросов, поставленных передо мной друзьями, был о том, каким именем я хотела бы назваться.

– Зовите меня Яшкой, – сказала я, и это имя навсегда прилипло ко мне и не раз спасало мою жизнь.

Имя очень много значит для человека, а Яшка оказалось таким именем, которое нравилось солдатам и всегда служило мне на пользу. Со временем оно стало любимым именем в полку, но

прежде я выдержала много новых испытаний и для солдат превратилась из женщины в товарища.

Я хорошо все усваивала и научилась чуть ли не предвосхищать команды офицера-инструктора. Когда заканчивались дневные занятия и солдаты собирались группками провести часок-другой за игрой или разговорами, меня всегда звали принять в этом участие. Я полюбила солдат, этих добродушных парней, и с удовольствием делила с ними их радости. Группа, к которой примыкала Яшка, как правило, оказывалась самой знаменитой в казарме, и достаточно было добиться моего участия в какой-нибудь затее, чтобы она стала удачной.

Однако времени для отдыха и развлечений было немного, поскольку мы настойчиво занимались военной подготовкой, которая продолжалась всего три месяца, прежде чем нас отправили на фронт. Один раз в неделю, по воскресеньям, я уходила из казармы и проводила целый день дома, ибо мама в конце концов примирилась с моей солдатской долей. По праздникам меня навещали друзья или родственники. Однажды по такому случаю ко мне пожаловали сестра с мужем. А я в тот день была назначена дневальным в казарме. На таком посту солдату не разрешается сидеть или вступать в разговоры. А я разговаривала с моими посетителями как раз в тот момент, когда мимо проходил ротный.

– Устав знаешь, Бочкарева? – спросил он.

– Так точно, ваше благородие! – ответила я.

– Ну и что там сказано?

– Солдату на посту запрещается сидеть или вступать в разговоры, – был мой ответ.

За это он приказал мне отстоять два часа по стойке «смирно» после того, как я отбыла свои часы дневальным, а это был суточный наряд. Стоять по стойке «смирно» с полной солдатской выкладкой в течение двух часов – трудная задача, потому что нужно оставаться совершенно неподвижным под неусыпным надзором дежурного. И тем не менее это было обычное наказание.

За время обучения меня наказывали таким образом три раза. Во второй раз пострадала незаслуженно. Однажды ночью я узнала в солдате, который ко мне лез, своего командира отделения и отвесила ему такую увесистую оплеуху, какие я раздавала всем другим нахалам.

Утром он поставил меня по стойке «смирно» на два часа, заявив, что дотронулся до меня случайно.

Поначалу возникла некоторая сложность с устройством бани

для меня. Баней при казарме пользовались мужчины, поэтому мне разрешили пользоваться в банный день городской баней. Это давало прекрасную возможность пошутить и посмеяться. Я входила в женское отделение полностью одетая, и всякий раз при моем появлении возникал страшный переполох – женщины принимали меня за мужчину. Однако веселилась я недолго. Через мгновение из каждого угла в мою сторону запускали чем-нибудь тяжелым, и я нередко чудом избегала серьезных ранений, крича им, что я женщина.

В последний месяц боевой подготовки мы занимались почти непрерывно отработкой приемов и стрельбой. Я весьма преуспела в искусстве владения винтовкой и была удостоена благодарности за хорошую стрельбу. Это сильно повысило мой авторитет среди солдат и укрепило наши отношения товарищества.

В начале 1915 года нашему полку было приказано подготовиться к отправке на фронт. Мы получили увольнение на целую неделю. Солдаты проводили эти последние дни в пьянстве и веселых вечеринках. Однажды вечером группа ребят пригласила меня пойти с ними в один дом, имевший дурную славу.

– Будь солдатом, Яшка, – весело подзадоривали они меня, вряд ли рассчитывая, что я приму их предложение.

В мозгу мелькнула озорная мысль: «А вот пойду и хлебну солдатской жизни, чтобы лучше понимать душу солдата».

И я согласилась пойти с ними. Мое решение, подстегнутое любопытством, было встречено взрывом веселья. Мы шумно шагали по улицам, смеясь и распевая песни, пока не пришли в район красных фонарей.

У меня подгибались колени, когда наша группа входила в один из притонов. Я попыталась убежать. Но солдаты не пустили меня. Им очень хотелось побывать в таком заведении вместе с Яшкой. Солдаты, отправлявшиеся на фронт, всегда были желанными гостями в домах греха, потому что щедро тратили деньги. И нашу группу, конечно, быстро окружили тамошние женщины, а одна из них – совсем юная и очень красивая девчонка – выбрала меня кавалером, повергнув ребят в безудержное веселье. Были выпивка, танцы и много шума. Никто не догадывался, что я женщина, в том числе и моя молоденькая любовница, которая села мне на колени и вовсю очаровывала меня, стараясь соблазнить. Я хихикала, и ребята подкрепляли это таким хохотом, что, казалось, рухнет потолок. Потом меня оставили наедине с моей партнершей.

Внезапно дверь распахнулась, и вошел офицер. Солдатам запрещалось покидать казармы после восьми вечера, а наша группа вышла тайком в темноте, когда считалось, что мы уже

спим.

– Какого полка? – резко спросил офицер, когда я вскочила, чтобы отдать честь.

– Пятый резервный полк, ваше благородие, – ответила я понуро.

Пока это продолжалось, ребята в других комнатах узнали о присутствии офицера в доме и улизнули, предоставив мне возможность выкручиваться самой.

– Как смеешь оставлять казарму и шляться по таким местам так поздно ночью?! – кричал офицер. – Я отправлю тебя на гауптвахту на всю ночь.

И он приказал мне явиться туда немедленно.

Это было мое первое знакомство с гауптвахтой. Совсем неудобное место для ночевки. Утром меня вызвали к начальнику гауптвахты, который допрашивал меня очень суровым тоном. Наконец, я больше не могла сдерживаться и расхохоталась.

– Да ведь это все ошибка, ваше благородие, – сказала я.

– Ошибка, а? Кой черт ты болтаешь, какая ошибка? Вот у меня донесение! – закричал он, распаляясь.

– Да я же женщина, ваше благородие, – засмеялась я.

– Женщина?! – заорал он, выпучив глаза, и внимательно осмотрел меня.

Он в ту же секунду убедился в истинности моих слов.

– Какого х…! – пробормотал он. – А ведь и впрямь баба! Баба в солдатской форме!

– Я Мария Бочкарева, рядовой пятого полка, – пояснила я.

Он обо мне был наслышан.

– Но что же вы, женщина, делали в этом притоне? – полюбопытствовал он.

– Я солдат, ваше благородие, и пошла с нашими ребятами, чтобы самой увидеть те места, где солдаты проводят время.

Он позвонил командиру моего полка, чтобы выяснить, как я служу, и сообщил ему, где и почему была задержана. Во всех начальственных кабинетах долго хихикали, узнав о приключениях Яшки. А солдаты уже давно узнали от своих товарищей о нашей ночной проделке и с трудом сдерживали смех, не желая привлекать внимание офицеров. Но теперь хохот был всеобщий. Когда я пришла в казарму, солдаты просто катались по полу, держась за бока. Меня наказали, поставив на два часа по стойке «смирно», и это был третий, и последний, раз, когда я отбывала наказание за весь период подготовки. В течение недели после этого в полку больше ни о чем не говорили, кроме как о «Яшкином приключении», и едва ли не каждый солдат считал своим долгом подойти ко мне и спросить:

– Ну как, Яшка, понравилось тебе там?

Меж тем был назначен день нашей отправки. Нам выдали полностью новое обмундирование и снаряжение. Мне позволили побывать дома и провести там последнюю ночь, и то была ночь, полная слез, рыданий и тоски. Три месяца, проведенные мною в Томске в качестве солдата, были, что ни говори, еще далеко не войной. Но теперь, в предчувствии скорого приближения этого величайшего события, меня охватывал благоговейный трепет. Я молила Бога дать мне мужество для новых испытаний, которые ожидали меня, мужество жить и умереть, как подобает воину.

На следующее утро в казармах царило большое оживление. Здесь должны были пройти последние минуты перед отправкой. В полном снаряжении мы направились оттуда к собору, где вновь приняли присягу. Потом последовала торжественная служба. Храм был полон народа, и огромная толпа собралась перед собором. К нам с напутствием обратился архиепископ. Он говорил о том, что на страну напал враг, который стремится погубить Россию, и призвал нас доблестно защищать царя и Родину-мать. Он молился за победу нашего оружия и благословил нас.

Солдат охватил духовный подъем. Все мы были жизнерадостны, счастливы и совсем не думали о собственной жизни и личных интересах. Весь город вышел на улицы, чтобы проводить нас на вокзал, и на всем пути мы слышали напутствия и слова ободрения. Никогда раньше я не видела сразу так много ликующих людей, как в то февральское утро. И горе тем немцам, которые встретились бы нам в тот день! Именно такой была Россия в первые месяцы войны. Сотни полков, подобно нашему, устремлялись с востока, севера и юга к полям сражений. Поистине вдохновляющее, возвышающее и незабываемое зрелище!

Мама вряд ли чувствовала тот подъем душевных сил, которым жила я. Она шла по улице рядом с моей шеренгой, плача, взывая к Пресвятой Деве и всем святым и святителям Церкви с просьбой спасти ее дочь.

– Опомнись, Маруся! – всхлипывала она. – Что ты делаешь?

Но было слишком поздно. Пыл войны цепко держал меня в своих объятиях. Причитания любимой матушки находили отклик где-то в глубине моего сердца, но глаза застилали слезы восторга. И лишь когда я, обнимая и целуя мать, как ей казалось, в последний раз в жизни, сказала «прощай!» и вошла в вагон, оставив ее на платформе в полном отчаянии и горе, в сердце что-то оборвалось и по всему телу, от головы до ног, пробежала дрожь. Моя решимость готова была растаять и испариться, но

поезд уже отходил от вокзала.

Я ехала на войну.

Глава седьмая. На ничейной земле

Наш эшелон состоял из нескольких товарных вагонов и одного пассажирского. Товарный вагон с двумя нарами на каждой стороне, где спят солдаты, называют теплушкой. В теплушке нет окон, потому что это всего лишь товарный вагон, приспособленный для перевозки людей. В пассажирском вагоне разместились четверо офицеров нашего полка, включая и нового командира, полковника Гришанинова. Это был небольшого роста веселый мужчина, который вскоре завоевал любовь и преданность своих подчиненных.

В пассажирском вагоне было много свободных мест, и офицеры задумали пригласить меня к себе. Солдаты с неодобрением узнали об этом приглашении. Заподозрив что-то недоброе в намерениях офицеров, они думали, что Яшке лучше бы ехать с ними в теплушке, чем в вагоне с начальниками.

– Бочкарева, – сказал полковник Гришанинов, когда я вошла в его вагон, – не соблаговолите ли расположиться в этом вагоне? Здесь достаточно места.

– Никак нет, ваше благородие, – сказала я, отдавая честь. – Я рядовой солдат и обязана ехать как солдат.

– Ну ладно, – с досадой отозвался командир.

И я возвратилась в свою теплушку.

– Яшка вернулась! Молодец, Яшка! – приветствовали меня восторженно наши ребята, прибавляя к этому крепкие выражения в адрес офицеров. Они были безмерно рады тому, что Яшка предпочла быть с ними в теплушке, а не в просторном пассажирском вагоне с офицерами, и устроили мне удобное место в углу.

Мы были приданы 2-й армии, которой тогда командовал генерал Гурко, державший свой штаб в Полоцке. Чтобы добраться туда из Томска, нам понадобилось две недели. Генерал Гурко дал смотр полку в своем армейском штабе и похвалил офицеров за хороший внешний вид части. Потом нас передали в 5-й корпус, но уже до того, как мы туда прибыли, в корпусе уже знали, что в нашем полку есть женщина. Любопытствующих было предостаточно. Около моей теплушки собрались группки солдат. Они подсматривали через приоткрытую дверь и щели в стенах, чтобы собственными глазами убедиться в невероятном. Потом начинали ругаться и плеваться, выражая таким способом свое отношение к необъяснимому для них явлению – бабе, идущей в окопы. Эта толпа привлекла внимание офицеров, и они подошли выяснить причину всеобщего возбуждения. Они доложили обо

мне коменданту железнодорожной станции, который немедленно послал за полковником Гришаниновым, требуя от него объяснений. Однако полковник не смог рассеять сомнений коменданта и получил приказ не отправлять меня вместе со всеми на передовую.

– Тебе нельзя в окопы, Бочкарева, – сказал мне командир, вернувшись от коменданта. – Генерал не разрешает. Уж очень он взвинтился по поводу тебя и никак не мог взять в толк, как это: женщина – и вдруг солдат.

На мгновение я растерялась. Но потом ко мне пришла счастливая мысль, что никакому генералу не позволено отменять приказ самого царя.

– Ваше высокоблагородие! – воскликнула я. – Я же зачислена в солдаты милостью царя. В моем деле есть телеграмма Его Величества. Можете сами посмотреть.

Это решило дело, и начальство сняло свои возражения. До штаба корпуса нам предстояло пройти пешком около двадцати верст. Дорога была ужасно грязная и в ухабах. Мы так выдохлись, пройдя первые десять верст, что был отдан приказ сделать привал. Солдаты, хотя и устали до смерти, все же сложили для меня из своих шинелей сухую подстилку. Потом мы продолжили движение и к ужину прибыли к штабу корпуса, где нас разместили в конюшне. Мы постелили на пол солому и заснули как убитые.

Пятым корпусом командовал тогда генерал Валуев. Он дал утром смотр полку и был чрезвычайно доволен нами. Полк передали 7-й дивизии, занимавшей позиции в нескольких верстах. Командовал дивизией некто Вальтер, немец по национальности и первостатейный мерзавец. Мы расположились ночью в лесу, позади передовой линии.

Частями резерва командовал полковник Штубендорф, тоже немецких кровей, но вполне приличный человек и уважаемый офицер. Он был крайне удивлен, когда ему доложили, что в строю вновь прибывшего полка есть женщина.

– Как это – женщина?! – воскликнул он. – Нет, ей нельзя оставаться здесь. Полк скоро пойдет в дело, а женщины не годятся для войны.

Между ним и командиром полка Гришаниновым разгорелся жаркий спор. В результате меня вызвали в штаб и устроили серьезную проверку, которую я выдержала с честью. На вопрос, хочу ли принять участие в бою, я ответила утвердительно. Бормоча слова удивления, полковник Штубендорф разрешил мне остаться в строю до тех пор, пока не разберется как следует в деле.

Между тем на этом участке фронта разворачивалось большое сражение. Нам велели быть готовыми к выдвижению по приказу на переднюю линию фронта. А до этого мы укрывались в блиндажах. Моя рота занимала десять далеко не лучших блиндажей, не пробиваемых снарядами, но холодных и без окон. С рассветом мы занялись обустройством: прорубили окна, сложили печурки, поправили просевшие потолки из бревен и песка, а затем и почистили блиндажи. Они были построены рядами, и роты с четными порядковыми номерами заняли ряд по правую руку, а с нечетными – по левую. На этих «улицах» были выставлены указательные знаки, и каждая рота назначала дежурного.

Наша позиция находилась в восьми верстах позади первой линии окопов. Вдали слышалась пушечная канонада. Мимо нас двигались потоки раненых: некоторые – на подводах, другие – ковыляя пешком вдоль дороги. Большую часть времени мы упражнялись, а на второй день за нами наблюдал сам полковник Штубендорф. Он, должно быть, пристально следил за мной, потому что по окончании учений подозвал меня, похвалил мою сноровку и разрешил остаться в строю.

На третий день пришел приказ продвигаться к линиям окопов. Мы шли по сплошной грязи под разрывами снарядов. На линию огня добрались засветло. У нас уже было двое убитых и пятеро раненых. Поскольку позиции германцев располагались на высоте, они могли наблюдать за всеми нашими передвижениями. Поэтому нам по полевому телефону передали распоряжение не занимать окопы до темноты.

«Так вот она, война-то», – подумала я.

Сердце учащенно забилось: дух возбуждения, охвативший весь полк, увлек и меня. Мы с нетерпением ждали чего-то, словно должна была открыться какая-то великая истина. Мы готовы были броситься в бой и показать германцам, на что способны мы, ребята из 5-го полка. Нервничали ли мы? Безусловно. Но это была не нервозность, вызванная трусостью, а скорее нетерпение молодой, горячей крови. Руки наши были тверды, штыки примкнуты. Мы радовались рискованному предприятию.

Наступила ночь. Немцы начали газовую атаку. Вероятно, они заметили необычные передвижения за нашими позициями и захотели уничтожить нас еще до того, как мы вступим в бой. Но у них ничего не вышло. По телефону пришел приказ надеть противогазы. Таким образом, мы получили первое боевое крещение, столкнувшись с самым бесчеловечным из всех германских военных изобретений. Наши противогазы были несовершенны. Убийственный газ проникал внутрь, вызывая в

глазах острую резь и слезы. Но мы же были солдатами матушки-России, чьим сыновьям не привыкать к удушающей атмосфере, и потому мы сумели выдержать воздействие этих раздражающих газов.

Миновала полночь. По нашим рядам прошел командир и сообщил, что наступает час, когда мы должны занять окопы, а перед рассветом начать наступление. Он обратился к нам со словами ободрения и был встречен сердечными приветствиями. Артиллерия грохотала всю ночь, и с каждым часом огонь все усиливался. Друг за другом, гуськом, мы двинулись по соединительной траншее к передовой линии. Некоторые из нас были ранены, но это никого не смущало. Словно бы и не было никакой усталости.

Передняя траншея представляла собой обычную канаву, и мы выстроились в линию, плечом к плечу. Позиции неприятеля располагались меньше чем в версте от нас; повсюду слышались стоны раненых, свистели пули. То была ужасающая картина. Иногда вражеский снаряд попадал в нашу цепочку, убивая одних и калеча других. Нас обдавало брызгами крови наших товарищей, смешанными с грязью.

В два часа ночи в нашем расположении появился командир. Было заметно, что он нервничает. С ним вместе пришли другие офицеры и возглавили свои подразделения. Обнажив сабли, они готовились повести солдат в атаку. У командира была в руках винтовка.

– Вылезай! – раздался его протяжный голос.

Я перекрестилась. Сердце мое страдало при виде истекающих кровью людей, но дикая жажда отмщения германцам гнала меня вперед. В голове молнией мелькала одна мысль за другой – о матери, о возможной смерти или ранении, вспоминались различные, казавшиеся теперь незначительными, события прежней жизни. Но времени для размышлений не было.

Я выбралась из окопа вместе с остальными ребятами навстречу шквалу пулеметного огня. На какой-то момент возникло замешательство: так много людей падало вокруг нас, словно спелая пшеница, скошенная гигантским серпом, которым двигала невидимая рука самого Сатаны. Свежая кровь лилась на уже остывшие трупы, лежавшие тут несколько часов, а может, и дней. И кругом стоны. Как же они рвут сердце! Как они пронзительны!

Всеобщее замешательство прервал зычный голос нашего командира:

– Вперед!

И мы пошли вперед. Противник догадался, что мы хотим

взять высоту, и разверз ад над нашими головами. Мы бежали вперед и стреляли. Потом последовал приказ залечь. А огонь артиллерии становился все более сосредоточенным. Передвигаясь короткими перебежками, мы добрались до проволочных заграждений противника. Мы ожидали увидеть их разбитыми нашей артиллерией, но – увы! – они остались нетронутыми. Из двухсот пятидесяти человек нашей роты в живых осталось около семидесяти.

Кто же был в том виноват? Это наступление готовилось на участке протяженностью в двадцать верст и осуществлялось силами трех армейских корпусов. Но колючую проволоку так и не прорвали! Может быть, у нас плохая артиллерия?! Может, это вина кого-то там наверху?! Как бы то ни было, но мы – семьдесят из двухсот пятидесяти солдат – оказались перед проволочным заграждением неприятеля. Была дорога каждая доля секунды. Не суждено ли погибнуть тут нам всем разом, прежде чем сойдемся в смертельной схватке с неприятелем? И не повиснут ли наши тела к утру на этой проволоке и не останутся ли висеть на следующий день, доставляя пищу воронью и вселяя ужас в сердца новых солдат, которые заменят нас через несколько часов?

Пока все эти мысли крутились у нас в головах, пришел приказ отступать. Неприятель остановил нас заградительным огнем. Отступление было еще ужаснее, чем атака. К тому времени, когда мы вернулись в свою траншею, от роты осталось лишь сорок восемь человек. Около трети из двухсот пятидесяти были убиты. Большая часть раненых осталась на ничейной полосе, и их стоны и мольбы о помощи или неизбежной смерти не давали нам покоя.

Оставшиеся в живых солдаты нашей роты скучились в траншее измученные, ошеломленные, все еще не верящие в то, что им удалось избежать ран и смерти. Мы были голодны, страдали от жажды и были рады сухому и безопасному месту, чтобы отдохнуть и восстановить силы. Но испытывали жгучую боль оттого, что потерпели поражение, не преодолев вражеский заслон из колючей проволоки, и оттого, что слышали рвущие сердце призывы наших товарищей о помощи. Они все глубже и глубже проникали в душу и были настолько жалостны, что напоминали голоса обиженных детей.

Мне казалось, что в темноте я вижу знакомые лица Ивана и Петра, Сергея и Мити – добрых ребят, которые так нежно заботились обо мне, устраивали мне удобное место в переполненной людьми теплушке или снимали, несмотря на холод, свои шинели и расстилали их на грязной дороге, чтобы соорудить сухое место для Яшки. Они звали меня. Я словно

видела протянутые ко мне руки, широко раскрытые глаза, напряженно всматривающиеся в ночную тьму в ожидании спасительной помощи, мертвенную бледность их лиц. Могла ли я остаться безразличной к этим призывам? Разве не было моей первейшей обязанностью и долгом, не менее важным, чем идти в бой с неприятелем, оказывать помощь раненым товарищам?

Я выбралась из траншеи и проползла под нашими проволочными заграждениями. Было относительно спокойно, раздавались лишь отдельные винтовочные выстрелы, и тогда я вжималась в землю и замирала, словно убитая. Наткнувшись на раненых в нескольких шагах от нашей линии, я перетаскала их одного за другим к ближнему углу траншеи, откуда их забрали и отвезли в тыл. Спасение одного человека сразу же заставило меня продолжить поиски, и я добралась в дальний конец ничейной полосы. Здесь меня несколько раз чуть не подстрелили. Любой шорох, вызванный неосторожным движением, – и сразу слышишь рядом свист пуль. Я осталась цела только благодаря тому, что всякий раз плотно прижималась к земле. Когда на востоке забрезжил рассвет, положивший конец моим путешествиям по ничейной полосе, счет спасенных мною составил пятьдесят душ.

В тот момент я и не думала о том, что совершила. Но когда подобранных мною солдат доставили на пункт сбора раненых и спросили, кто их спас, около пятидесяти человек ответили:

– Яшка.

Об этом доложили командиру, который представил меня к ордену Св. Георгия 4-й степени «за исключительную доблесть, проявленную при спасении многих жизней под огнем».

Накануне ночью наша полевая кухня была разбита вражеским огнем, и мы голодали. Наши ряды пополнились новобранцами, и артиллерия грохотала весь день, разметывая немецкие проволочные заграждения. Мы знали, что это значило, – новый приказ о наступлении на следующую ночь. Так оно и случилось. Примерно в то же время, как и предыдущей ночью, мы выкарабкались из траншей и побежали к позициям противника. И снова град снарядов и пуль, снова десятки раненых и убитых, снова дым и газ, кровь и грязь. Но мы достигли бруствера с проволокой – и на сей раз ее прорвали и разбросали. С нечеловеческим «ура-а-а!», вселившим ужас в тех германцев, которые еще оставались живыми в своих полуразрушенных траншеях, мы с примкнутыми штыками ринулись вперед и ворвались в расположение неприятеля.

Я только-только собиралась спрыгнуть в окоп, как вдруг увидела здоровенного немца, который целился в меня. Не успев выстрелить, я почувствовала, как что-то ударило в правую ногу и

теплая жидкость потекла по коже. Я упала. Ребята обратили немцев в бегство и преследовали их. Было много раненых, и со всех сторон доносились крики:

– Господи Иисусе Христе, спаси меня!

Мне было не очень больно, и я сделала несколько попыток подняться и добраться до наших траншей. Но всякий раз безуспешно. Я слишком ослабла. И вот я оказалась одна в ночной тьме, шагах в пятидесяти от того, что сутками раньше было неприятельской позицией, в ожидании рассвета и спасения. Конечно же, я ведь тут не одна. На многие версты по полю сражения разбросаны сотни, тысячи храбрых товарищей.

Прошло часа четыре после моего ранения, когда начался день, а вместе с ним появились наши санитары с носилками. Меня подобрали и отнесли на пункт первой помощи в ближнем тылу. Рану мою перевязали и отправили в дивизионный госпиталь. Там меня погрузили в санитарный поезд и повезли в Киев.

Приближалась Пасха 1915 года, когда я приехала в Киев. Вокзал был настолько переполнен ранеными с фронта, что далеко не всех удалось там разместить, и сотни их на носилках рядами лежали на платформе. Меня внесли в карету «Скорой помощи» и отвезли в Евгеньевскую больницу, где поместили в одну палату с мужчинами. В больнице располагался военный госпиталь, в котором женского отделения, разумеется, не было предусмотрено.

Там я пролежала всю весну 1915 года. Сестры милосердия и доктора заботливо ухаживали за всеми пациентами госпиталя. Мою опухшую ногу подлечили, и два месяца в Киеве оказались для меня временем хорошего отдыха. К концу этого периода меня вызвали на медицинскую комиссию, тщательно осмотрели, признали здоровой, снабдили билетом, деньгами и удостоверением и снова отправили на фронт.

Мой путь лежал через Молодечно, важный конечный пункт железной дороги. Когда я в самом начале июля прибыла туда, меня отправили с подводой в штаб корпуса, а уже оттуда пришлось идти пешком в расположение своего полка.

Сердце мое прыгало от радости по мере приближения к фронту. Я хотела побыстрее попасть обратно к ребятам. Они стали мне так дороги, что свою роту я полюбила, как родную мать. Я думала о тех товарищах, кому спасла жизнь, и хотелось узнать, кто из них вернулся на линию фронта. Думала и о тех солдатах, кого видела живыми, и спрашивала себя, числятся ли они еще среди них. Многое вспомнилось, когда я шагала под яркими лучами солнца.

У штаба полка меня еще издали увидел какой-то солдат и, напрягая память, спросил, обратившись к товарищу:

– Кто бы это мог быть?

Его приятель почесал в затылке и ответил:

– Что-то уж больно знакомый…

– Так это ж Яшка! – воскликнул первый, как только я подошла поближе.

– Яшка! Яшка! – заорали они во весь голос, со всех ног бросаясь ко мне.

– Яшка вернулась! Яшка вернулась! – передавали друг другу и солдаты, и офицеры.

Радость людей была такой искренней, что я просто растерялась. Наш полк находился в резерве, и уже вскоре меня окружили сотни старых друзей. Поцелуи сменялись объятиями, рукопожатиями. Ребята прыгали от радости, словно малые дети, то и дело выкрикивая:

– Посмотри-ка, кто здесь! Это же Яшка!

Они уже давно уверились в том, что я стала непригодной к службе и никогда не вернусь. Все поздравляли меня с выздоровлением. Даже офицеры подходили, чтобы пожать руку, а некоторые целовали меня, и все выражали удовлетворение тем, что я поправилась.

Никогда не забуду тех бурных восторгов, которыми меня удостоили товарищи.

Они понесли меня на руках с криками:

– Ура Яшке! Да здравствует Яшка!

Многие хотели, чтобы я побывала у них в блиндажах и разделила с ними те гостинцы, которые они получили из дома. А блиндажи действительно были в превосходном состоянии – вычищенные, обставленные разной мебелью и хорошо защищенные. Меня направили в прежнюю роту, 13-ю, и я теперь уже считалась ветераном.

Нашей роте вскоре была поставлена задача действовать в качестве прикрытия артиллерийской батареи. Такое задание солдаты считали отдыхом, потому что это позволяло как следует передохнуть в нормальных условиях. Мы пробыли возле этой батареи две или три недели, а потом нас перебросили в район Слободы, небольшого городка вблизи озера Нарочь, в сорока верстах от Молодечно. Наши позиции располагались в болотистом районе. Отрыть здесь полноразмерные траншеи и поддерживать их в надлежащем состоянии было невозможно. Поэтому мы построили барьер из мешков с песком, за которыми и сидели согнувшись и по колено в воде. В подобных условиях человек долго пробыть не мог. Приходилось даже спать

урывками, стоя. И нередко самые крепкие солдаты надламывались. Через шесть дней нас сменили и отвели в тыл на поправку. А потом мы должны были сменить тех, кто пришел на наше место.

Вот таким манером мы и удерживали эту позицию. Когда лето начало подходить к концу и дожди усилились, вода стала прибывать и порой доходила нам до пояса. Представлялось, по-видимому, важным сохранить линию фронта без изменений, хотя болотистые топи на многие версты вокруг были практически непроходимы. Тем не менее в августе германцы попытались обойти болота с фланга, но потерпели неудачу.

Позднее нас перебросили на другую позицию, на некотором удалении от предыдущей. На нашем участке фронта наступило относительное затишье. Главная задача заключалась в проведении рейдов и в неусыпном наблюдении с наших аванпостов за передвижениями неприятеля. Мы всю ночь глядели во все глаза, а по утрам отсыпались.

Я много раз бывала на подобных аванпостах. Обычно назначались четверо солдат, и сидели они где-нибудь в кустах, в яме, за стволом дерева или пнем. Мы подползали к нашему посту настолько бесшумно, что не только неприятель, но и свои не знали местоположения наших тайников, которые находились примерно на расстоянии пятидесяти шагов друг от друга. Заняв пост, мы должны были, по возможности, не двигаться и соблюдать осторожность, ибо от этого зависела наша жизнь. Обо всех подозрительных звуках требовалось сообщать от поста к посту. Помимо всего прочего, всегда могло случиться так, что неприятельский патруль или аванпост оказывался совсем рядом с нашим, а мы об этом не знали. Через каждые два часа наблюдателей на постах меняли.

Однажды туманной ночью, находясь на посту подслушивания, я услыхала какой-то неясный звук. Казалось, что действует рейдовая группа, и я поначалу подумала, что это наши, но, когда спросила пароль, ответа не последовало. В густом тумане ничего не было видно. Мы открыли огонь. Германцы залегли, прижавшись к земле, и долго выжидали.

Они лежали там почти два часа, и мы уже забыли о случившемся. Потом они подползли к нашему посту и вдруг встали перед нами во весь рост. Их было восемь человек. Один из них швырнул в нас гранату, но не попал, и граната разорвалась где-то позади. Мы открыли огонь, убили двоих и ранили четверых. Остальные скрылись.

Когда наш командир получал приказ выслать разведдозор, он вызывал добровольцев. Вооруженные ручными гранатами, около

тридцати самых лучших солдат уходили на ничейную полосу, чтобы выявить силы противника, вызывая огонь на себя, или растревожить его, усиленно забрасывая гранатами и открывая стрельбу. Нередко такие разведывательные группы с обеих сторон встречались. Тогда там разгорался настоящий бой. А бывало и так, что одна разведгруппа пропускала разведчиков неприятеля мимо себя, а потом атаковала их с тыла или брала в плен.

Пятнадцатое августа 1915 года стало памятным днем в нашей жизни. В тот день в три часа утра неприятель открыл бешеный огонь по нашим позициям, разбивая и разрывая в клочья наши проволочные заграждения, перепахивая некоторые участки траншей и хороня заживо солдат. Много людей погибло под разрывами снарядов. Мы потеряли в роте пятнадцать человек убитыми и сорок ранеными, а было нас двести пятьдесят. Стало ясно, что германцы замышляли наступление. Наша артиллерия ожесточенно вела ответный огонь, и земля дрожала от грохота канонады. Мы старались найти любое подходящее укрытие, нервы были напряжены от постоянного ожидания атаки. Обращая молитвы к Богу, готовили винтовки и ждали приказов.

В шесть утра германцы вылезли из своих траншей и цепью побежали в направлении наших позиций. Они подходили все ближе и ближе, но нам еще не давали приказа действовать, только артиллерия поливала снарядами. Когда же они приблизились примерно на сто шагов к нашей траншее, был дан приказ открыть огонь. Мы обрушили на врага такой плотный шквал огня, что линии его сразу поредели и в них возникло замешательство. Воспользовавшись этим, мы бросились на германцев, обратили их в бегство и преследовали на всем участке фронта шириной восемнадцать верст, где они начали наступление. Противник потерял в то утро около десяти тысяч человек.

В тот же день мы получили подкрепление и новое снаряжение, в том числе противогазы. Потом стало известно, что ночью перейдем в наступление. В шесть часов вечера наши пушки начали ураганный обстрел немецких позиций. Мы все были сильно возбуждены, хотя старались это не показывать. Собираясь вместе, солдаты и офицеры обменивались мрачными шутками. Многие не надеялись вернуться живыми и писали последние письма своим любимым. Другие молились. Перед наступлением чувство товарищества всегда усиливается до предела. Одни нежно прощаются с друзьями, другие откровенно говорят о предчувствии смерти, доверяя товарищам письма и записки домой. И теперь, как всегда, мы все радовались, когда наш снаряд пробивал брешь в частоколе проволочных заграждений

противника или падал прямо в его траншеи.

В три часа поутру прозвучала команда:

– Выдвигайсь! Вперед!

В сильном волнении мы пошли на неприятельские позиции. Наши потери были огромны: первую цепь немцы смели огнем почти полностью, но ее пополнили бойцы из второй цепи. Несколько раз поступала команда залечь. Продвигаясь дальше и достигнув расположения германцев, мы ошеломили их. Один только Полоцкий полк захватил две тысячи пленных, и восторгам нашим не было предела. Мы заняли неприятельские позиции, и ничейная полоса, усеянная телами убитых и раненых, стала теперь наша. Санитаров-носильщиков было мало, и потому командиры призвали добровольцев подбирать раненых. Я была среди тех, кто откликнулся на этот призыв.

Испытываешь большое удовлетворение, когда появляется возможность помочь страдающему. И благодарность скорчившегося от боли парня, которого ты спасаешь, оказывается великой наградой. Мне доставляло огромную радость помочь оцепеневшим от боли людям сохранить жизнь. Когда я вот так склонилась над одним раненым, потерявшим очень много крови, и собиралась поднять его, снайперская пуля прошила мне ладонь между указательным и большим пальцами и, выйдя оттуда, пропорола мягкую ткань левого предплечья. К счастью, я сразу поняла, что раны неопасны, быстро перевязала их и, невзирая на возражения парня, потащила истекающего кровью солдата из опасной зоны.

Я продолжала свою работу всю ночь и была представлена к ордену Св. Георгия 4-й степени «за храбрость в обороне и наступлении и за оказание первой помощи на поле боя, несмотря на полученное ранение». Но я его так и не получила. Меня наградили медалью 4-й степени и при этом сказали, что женщина не может носить крест Св. Георгия.

Я была разочарована и огорчена. Ведь известно, что такую награду давали некоторым сестрам милосердия из Красного Креста. Я высказала свое недовольство командиру. Он полностью разделял мою обиду и уверенно заявил, что я, конечно, заслужила этот крест.

– Но, – добавил он, с пренебрежением передернув плечами, – тут же начальство…

Рука у меня болела, и оставаться на передовой я не могла. В нашем полковом полевом госпитале был тяжело ранен санитар, и меня послали туда ему на смену. Я должна была работать под руководством врача и пробыла там две недели, пока не зажила рука. Следуя указаниям доктора, я приобрела такое умение, что

он выдал справку, в которой говорилось, что я могу временно исполнять обязанности санитара.

Осень 1915 года прошла без особых приключений. Жизнь наша стала скучной и однообразной. По ночам мы вели наблюдение, согреваясь горячим чаем, который кипятили на маленьких печурках в окопах. С рассветом ложились спать, а день для некоторых из нас начинался в девять часов утра, потому что это был час раздачи хлеба и сахара. Каждый солдат получал рацион – два с половиной фунта хлеба ежедневно. Он частенько был пригорелый снаружи и непропеченный внутри. В одиннадцать часов, когда приносили обед, уже никто не спал: чистили винтовки, чинили одежду. Кухня располагалась постоянно в версте от нас в тылу, и мы посылали туда связных, чтобы притащить обеденные баки к траншеям. Обед, как правило, состоял из горячих щей с небольшим кусочком мяса. А оно нередко бывало порченое. На второе всегда давали кашу – обычную русскую еду. Дневной рацион сахара считался равным трем шестнадцатым фунта. Пока обед несли, он остывал, поэтому нас выручал чай. После полудня получали задания, в шесть вечера ужинали; и это была последняя еда, состоявшая из одного блюда: либо щи, либо каша с селедкой, и к этому мы добавляли свой хлеб. Многие съедали хлеб до ужина или, если были очень голодны, еще в обед, с первым блюдом, и тогда им приходилось просить кусочек у товарищей или ходить голодными.

Каждые двенадцать дней нас сменяли и отводили в тыл на шестидневный отдых. Там нас ожидали бани, устраиваемые Земским союзом, который в 1915 году распространил свою деятельность на весь фронт. Каждой дивизионной баней заведовал врач, имевший в распоряжении сотню рабочих-добровольцев. При каждой бане была также и прачечная, и люди, входя в баню, сдавали свое грязное исподнее, а взамен получали чистое. Когда рота собиралась покинуть окопы и отойти в тыл, в баню посылали сообщение о сроке ее прибытия. Не было ничего другого на свете, чему солдаты так сильно радовались, как баня. Ведь окопы кишели вшами, и люди из-за этого сильно страдали.

Что до меня, то, страдая от вшей гораздо больше, чем кто-либо, я сначала даже и думать не смела о том, чтобы идти в баню вместе с мужиками. Но насекомые проедали мою кожу буквально насквозь, и на теле начали появляться струпья и короста. Я пошла к командиру спросить, как мне устроить помывку, и рассказала ему о своем состоянии. Командир посочувствовал.

– Но что я могу сделать, Яшка? – заметил он. – Не гонять же из бани всю роту, чтобы ты там мылась одна. Иди вместе со всеми. Они тебя так уважают, что, я уверен, не тронут.

Сначала я все же не могла решиться. Но паразиты не давали покоя, и я была уже близка к отчаянию. Когда нас сменили в очередной раз и ребята готовились идти в баню, я набралась храбрости и подошла к своему унтер-офицеру.

– Я тоже пойду в баню, – заявила я. – Не могу больше выносить эту муку.

Он одобрил мое решение, и я пошла со своей ротой, ко всеобщему веселью.

– Эх ты! Яшка идет вместе с нами в баню! – добродушно шутили ребята.

Войдя в баню, я поспешила занять местечко в углу и потребовала, чтобы мужики держались от меня подальше. Они выполнили просьбу, хотя и продолжали смеяться и поддразнивать. Я поначалу ужасно смущалась и, как только закончила мыться, поспешила натянуть нижнее белье, быстро оделась и выбежала из помещения. Однако баня оказалась столь полезной, что я взяла привычку посещать ее вместе с ротой каждые две недели. С течением времени солдаты так привыкли к этому, что не обращали на меня внимания и заставляли быстро умолкнуть какого-нибудь остряка из вновь прибывших в роту.

Глава восьмая. Ранена и парализована

К зиме мы передислоцировались на другой участок, в местечко под названием Зеленое Поле. Там меня поставили во главе двенадцати санитаров-носильщиков, и я шесть недель пробыла помощником лекаря. Я имела право посылать раненых солдат в полевой госпиталь и освобождать от строевой службы заболевших.

Наши позиции проходили по заброшенному сельскому поместью, которое оказалось между линиями фронта – германской и нашей. Мы располагались на вершине высоты, а германцы – в низинке. Поэтому можно было наблюдать все их передвижения, а они в свою очередь следили за нами. Если кто-то на той или другой стороне высовывал голову, он становился мишенью для снайпера.

Именно здесь наши люди стали жертвами предательства высокого начальства. В окопах ходило очень много слухов о прогерманских настроениях высоких чинов в армии и при дворе. У нас тоже были свои подозрения, и они вдруг подтвердились, причем самым ужасным образом.

К нам на передовую с инспекционной поездкой пожаловал однажды генерал Вальтер. Все знали, что он германских кровей, и ненавидели его за зверское обращение с солдатами. Генерал, окруженный внушительной свитой офицеров и нижних чинов, появлялся в наших траншеях открыто, на виду у противника, не привлекая к себе ни единой вражеской пули. Это казалось непостижимым, так как нам приходилось ползать на брюхе, чтобы достать немного воды. А генеральская свита открыто разгуливала перед противником, который почему-то не открывал огня.

Генерал вел себя довольно странно. Он останавливался только у тех мест, где наша проволока была прорвана или где наши укрепления были слабыми, и всякий раз вытирал лицо носовым платком. Среди солдат поползли слухи. У многих на устах было слово «предательство», произносимое полушепотом. Офицеры возмущались и пытались уговорить генерала не подвергаться ненужному риску. Но тот игнорировал их предупреждения.

– Ничего! – отвечал он.

Дисциплина же была настолько суровой, что никто не смел спорить с генералом. Офицеры ругались, после того как он уехал. А солдаты говорили приглушенными голосами:

– Он выдает нас неприятелю!

Через полчаса после его отъезда германцы открыли

сокрушительный огонь по тем местам, где останавливался генерал, разнося в пыль и щепки наши недостроенные оборонительные сооружения. Мы думали сначала, что неприятель намеревается начать наступление, но он просто продолжал свой неистовый артобстрел, калеча и хороня заживо сотни людей. Раненых оказалось так много и они так кричали, что спасательные работы никак нельзя было отложить. Пока продолжался обстрел, я начала действовать и сделала сотни полторы перевязок. И если бы генерал Вальтер появился тогда среди солдат, они не дали бы ему уйти живым: так велико было их возмущение.

Целых две недели мы трудились, восстанавливая наши разбитые траншеи и вытаскивая из-под земли сотни трупов. Я была представлена к награде и получила золотую медаль 2-й степени за «спасение раненых в траншеях под ожесточенным огнем». Обычно помощник лекаря награждался медалью 4-й степени, но мне вручили медаль 2-й степени по причине особых условий, в которых я работала.

После этого нас сменили на целый месяц и отвели на пятнадцать верст в тыл, к деревне Сенки, лежавшей у реки Узлянка. Там же находилась база снабжения артиллерии, и, когда мы туда прибыли, жить стало полегче. Но добраться туда по грязной и разбитой дороге оказалось непросто. Мы измучились и совсем выбились из сил, так что большинство из нас повалились спать даже без ужина.

В тылу никакой работы для помощника лекаря не было, да и рука моя полностью зажила, поэтому я обратилась к командиру с просьбой разрешить мне вернуться в строй. Он дал согласие и одновременно произвел меня в младшие унтер-офицеры, поставив под мою команду одиннадцать человек.

Здесь же я получила два письма. Одно – от Яши в ответ на мое письмо, написанное из Якутска, в котором обещала вернуться после окончания войны. Я послала ему еще одно письмо, повторив обещание, но поставила условие, чтобы он изменил свое отношение ко мне и чтобы уважал и любил. Другое письмо было из дома. Мама хотела, чтобы я возвратилась, сообщала о своих трудностях и страданиях.

Шел октябрь месяц. Время, проведенное на базе артснабжения, было сплошным празднеством. Нас расположили на постой в деревенских избах, и мы чуть не каждый день устраивали разные состязания и игры. Именно здесь меня впервые научили писать буквы алфавита и расписываться. Читать я научилась до этого, и первым моим наставником был Яша. Литература, которую разрешали на фронте к чтению, состояла в

основном из увлекательных книжек про сыщиков, и имя Ник Картер было знакомо даже мне.

Случались и другие развлечения. Помню, однажды, прячась от ливня, я заскочила в амбар, где увидела около сорока офицеров и солдат, тоже нашедших там убежище. Тут же оказалась и хозяйка амбара – баба среднего возраста. Она держала корову. На меня нашло озорство, и я начала заигрывать с ней, ко всеобщей потехе мужиков. Сказав ей несколько приятных комплиментов, я дала понять, что она меня очаровала. Женщина не распознала, кто перед ней, и приняла оскорбленный вид. Подбадриваемая хохотом солдат, я продолжала свои ухаживания и в конце концов попыталась ее поцеловать. Тогда эта баба, ошалевшая от смеха солдат, схватила здоровенное полено и, сыпля проклятиями, стала угрожать мне и солдатам.

– А ну, вон отсюда, мучители! Далась вам бедная баба! – закричала она.

Я не хотела учинять драку и воскликнула, обращаясь к ней:

– Эх ты, глупая женщина. Да я сама крестьянская девка.

Это еще больше раззадорило нашу хозяйку. Решив, что над ней продолжают издеваться, она совсем разъярилась. Вмешались солдаты и офицеры, пытаясь убедить ее в правдивости моих слов, потому что никому не хотелось выходить из амбара под дождь. Однако, чтобы урезонить ее, требовалось нечто большее, чем слова, и мне пришлось расстегнуть шинель.

– Господи Иисусе! – сказала женщина и перекрестилась. – И верно, баба.

И сердце у нее тотчас оттаяло, а голос стал ласковым. Она расплакалась. И рассказала мне, что ее муж и сын в армии и от них уже давно нет никаких вестей. Она обняла меня, накормила и напоила молоком, расспрашивая о моей матери и сокрушаясь о ее доле. Мы расстались очень душевно, и ее благословение надолго сохранилось в моей памяти.

Уже шел снег, когда мы возвратились на передовую. Наша позиция теперь находилась у Фердинандова Носа, между озером Нарочь и Барановичами. В первую же ночь командир роты предложил нам выделить тридцать добровольцев для разведки боем, чтобы выявить силы и позиции неприятеля. Я была в числе тридцати.

Мы начали движение колонной по одному, шли крадучись и так тихо, как только было возможно. Миновали какой-то лесок, где вражеский патруль, услышав скрип снега, вдруг затаился. Мы подобрались к траншеям неприятеля и залегли перед колючей проволокой, всем телом вдавливаясь в снег. Томила тревога, оттого что нашего присутствия как-то странно никто не замечал.

Возглавлявший группу поручик Бобров, в прошлом школьный учитель, а теперь боевой командир, внезапно уловил какой-то звук у нас в тылу.

– Там что-то творится, – прошептал он.

Мы насторожились, но не успели оглянуться, как были окружены группой противника, по составу больше нашей. Стрелять было поздно. Мы воспользовались штыками в этой короткой, но ожесточенной схватке.

Я увидела германца, который вдруг возник передо мной, как башня. Нельзя было терять ни секунды: речь шла о жизни или смерти. Прежде чем он успел пошевелиться, я воткнула штык ему в живот. Штык застрял. Немец упал. Из него струей хлынула кровь. Я попыталась вытащить штык, но безуспешно. Это был первый человек, которого я взяла на штык. И все совершилось мгновенно.

Преследуемая другим немцем, я стремглав бросилась к нашим окопам, несколько раз падала, но поднималась, чтобы бежать дальше. Наши проволочные заграждения были протянуты зигзагами, и я не могла быстро найти позиции своих. Складывалась весьма критическая ситуация, но тут я вспомнила, что у меня есть несколько ручных гранат. Швырнув одну из них в своего преследователя, я упала на землю, чтобы избежать ударной волны, и уже после этого добралась до нашей траншеи.

Из группы численностью в тридцать человек вернулось только десять. Командир лично поблагодарил меня за храбрость, выразив удивление тем, как я ловко разделалась с германцем. По правде сказать, в глубине души я и сама этому поражалась.

1915 год приближался к концу. Зима была суровой, и жить в окопах стало нестерпимо трудно. Смерть встречали как спасение от мук. Но лучшим избавлением была какая-либо рана, позволявшая человеку отправиться в полевой госпиталь. Часто случалось так, что людей засыпало снегом и они замерзали. Многие обмораживали ноги, и тогда требовалась ампутация. Наше снаряжение нуждалось в замене, а система снабжения совсем разладилась. Становилось трудно заменить пару изношенных сапог. Нередко задерживалась полевая кухня, и приходилось голодать, страдая от голода так же сильно, как от холода. Но мы были терпеливы, как и подобает сынам матушки-России. Нерешительность командования и затянувшаяся оборона заледенелых траншей действовали угнетающе. Мы рвались в бой, в такой страшный бой, который позволил бы добиться победы и положить конец войне.

В одну горькую для меня ночь я попала на аванпост вместе с тремя другими солдатами. Мои сапоги были вконец изношены. А

на таком задании даже пошевелиться нельзя. Любое движение грозило смертью. Вот и лежали мы так на белом снегу, открытые со всех сторон для атак Деда Мороза. И он без промедления начал свою работу, и делал это основательно. В правой ноге у меня возникли странные ощущения. Она начала замерзать. Захотелось сесть и потереть ее. Но нечего и мечтать об этом. Какой-то звук? Только не думать о ноге; надо напрячь все силы и услышать вновь этот странный звук. Должно быть, причуда ветра? Нога онемела. Я перестала ее ощущать.

«Пресвятая Мать Богородица, что же теперь делать? – подумала я. – Правую ногу потеряла. У остальных троих солдат тоже отмерзают ноги. Они только что шептали мне об этом. Если бы командир сменил нас сейчас! Но два часа еще не истекли…»

Внезапно мы заметили подползавшие к нам две фигуры в белом. Это были немцы, которым для таких заданий выдавали специальные костюмы. Мы открыли стрельбу, они ответили. Пуля прошила мою шинель и немного оцарапала кожу. Потом все опять успокоилось, и нас вскоре сменили. У меня едва хватило сил добраться до своего окопа. Там я упала без сил и только повторяла:

– Моя нога! Ой, моя нога!

Меня отправили в госпиталь, и там выяснилось, что нога в ужасном состоянии – белая как снег и даже покрылась инеем. Боль была мучительной, но ничто не испугало меня так, как слова доктора о вероятной необходимости ампутации. Я решила всеми силами бороться против этого. Врачи вскоре сумели остановить болезнь и упорным лечением привести ногу в нормальное состояние.

Пока я лежала в госпитале, наступил 1916 год от Рождества Христова. Почти сразу после моего выхода из госпиталя нашу роту отвели в тыл на месячный отдых в деревню Белое, расположенную на некотором удалении от линии фронта. После размещения на постой в домах крестьян нас порадовали банькой, и спали мы на русских печках совсем по-домашнему. Появилась даже возможность смотреть кино: представители Земского союза возили киноаппарат на автомобиле от одной базы к другой. Мы также организовали собственный театр и поставили пьесу, написанную одним нашим офицером-артиллеристом. В этой драме было две женские роли, и меня выбрали на главную. Другую женскую роль играл молодой офицерик. Я с большой неохотой согласилась играть эту роль, да и то лишь после долгих уговоров командира. Я не верила в свои способности, и даже бурные аплодисменты, которые мне достались после исполнения, не могли меня переубедить.

В Белом многих солдат и офицеров навещали жены. Я познакомилась с некоторыми из них, даже завязала недолгую дружбу, например с женой санитара-носильщика, с которым я когда-то работала. Это была молодая, симпатичная и очень располагавшая к себе женщина, и муж просто обожал ее. Когда уже заканчивался месяц нашего пребывания на отдыхе и пришел приказ отправить жен в тыл, этот санитар одолжил у командира лошадей, чтобы отвезти жену на станцию. По возвращении с ним случился апоплексический удар, и он тут же умер. Ему устроили похороны с воинскими почестями, и я положила венок ему на гроб.

Когда гроб опускали в могилу, я невольно подумала, не похоронят ли меня вот так же или, быть может, тело мое будет разорвано на клочки и развеяно ветром на ничейной полосе. И такая мысль, по-видимому, пронеслась в голове у многих.

В то время я еще подружилась с женой поручика Боброва, бывшего школьного учителя. Оба они помогли мне научиться писать и читать. Крестьянки в той местности были такими бедными и невежественными, что приходилось уделять немало времени, чтобы помочь им. Многие из них страдали разными запущенными заболеваниями. Однажды вечером меня даже позвали принимать роды, и это был мой первый опыт в акушерстве. В другой раз попросили помочь в лечении очень тяжелой лихорадки.

Потом опять окопы. И снова леденящий холод, постоянная настороженность и раздражающая бездеятельность. Но в воздухе уже пахло большими переменами и надеждой на лучшее. К концу зимы слухи о готовящемся весной гигантском наступлении становились все более настойчивыми. Солдаты доказывали, что положить конец войне нельзя без серьезного сражения. И поэтому, когда в конце февраля нас опять отвели на двухнедельный отдых, было очевидно, что предстоит подготовка к наступлению. Мы получили новое обмундирование и снаряжение. Пятого марта командир полка обратился к нам с речью. Он говорил о близком сражении и призывал нас проявить мужество и добиться крупной победы. Он сказал, что у неприятеля очень прочная оборона и что для ее преодоления потребуются серьезные усилия.

Затем мы двинулись на передовую, шагая по колено в воде, смешанной со льдом. По дороге встречали много раненых, которых везли в госпиталь. Прошли и мимо братского кладбища, где солдат, павших на нашем участке фронта, хоронили в большой братской могиле. Всю ночь нас держали в резерве, но сказали, что утром на следующий день придет приказ занять

траншеи.

Шестого марта мы начали невиданную до того артиллерийскую подготовку. Германцы отвечали тоже мощным огнем, и земля просто сотрясалась от взрывов. Канонада продолжалась несколько часов. Потом пришел приказ построиться и двигаться к окопам. Мы поняли, что предстоит наступление.

Неожиданно ко мне подошел поручик Бобров и обратился с такими словами:

– Яшка, возьми вот это и передай моей жене после атаки. Три дня назад мне было знамение, что я не переживу этого сражения.

И он вручил мне письмо и кольцо.

– Но, господин поручик, – пыталась я его урезонить, зная прекрасно, что в такой момент спорить с человеком бесполезно, – это не так. Не будет так. Знамения ведь не всегда сбываются.

Он мрачно покачал головой и сжал мою руку.

– Но не это, Яшка, – сказал он.

Мы были в задних траншеях под градом снарядов. Появились убитые и раненые. Они лежали по пояс в воде и корчились в муках, обращая молитвы к Богу. Внезапно противник начал газовую атаку, застигнув нас врасплох, без противогазов, достать которые не было возможности. Я сама чуть не стала жертвой такой ужасной смерти. После этого губы мои стянуло, глаза сильно жгло и в течение трех недель текли слезы.

Затем был дан сигнал к наступлению, и мы пошли на неприятеля, шагая по колено в воде. В отдельных местах скопившаяся в низинах вода доходила нам до пояса. Снаряды и пули косили наши ряды. Многие из раненых падали в жидкую грязь и тонули в ней. Огонь со стороны германцев ослабевал. Наши цепи все больше и больше редели, и продвижение вперед настолько замедлилось, что стало ясно: при дальнейшем наступлении нас ждет неминуемая гибель.

Послышался приказ отходить назад. Как описать то отступление в аду ничейной полосы в ночь на 7 марта 1916 года? Повсюду из воды и грязи торчали головы истекающих кровью людей, жалобно моливших о помощи.

– Спасите ради Христа! – слышалось со всех сторон.

Ранеными были переполнены и наши окопы, где, казалось, даже воздух дрожал от их пронзительных призывов о помощи. Никто не мог остаться равнодушным к просьбам товарищей.

Спасать раненых вызвались пятьдесят наших ребят. Никогда раньше не приходилось работать в столь тяжких условиях. Волосы вставали дыбом от ужасных картин мучений людей. Я подхватила одного из солдат, раненного в шею или в лицо, и потащила по

грязи. У другого снарядом разорвало бок, и мне пришлось предпринять несколько трудных маневров, чтобы вызволить его. Некоторые увязли в грязи так глубоко, что у меня не хватало сил их вытащить.

В конце концов я надорвалась как раз в тот момент, когда подтаскивала очередную ношу к своей траншее. Силы покинули меня, все кости ныли. Солдаты принесли немного воды, которую доставать было весьма трудно, и вскипятили мне чаю. Где-то разыскали сухую шинель и уложили спать в надежно защищенном углу. Я проспала около четырех часов и снова отправилась вызволять своих товарищей.

Весь день, как и накануне, пушки грохотали во всю мочь. Получив ночью подкрепление, мы выскочили из окопов и пошли на неприятеля. Несмотря на большие потери, наша операция была на этот раз все же более успешной, чем раньше. Увидев решительно наступающих русских, германцы поднялись для контратаки. С примкнутыми штыками и громовым «ура!» мы рванулись на врага.

Германцы никогда не любили русских штыков. И уж если на то пошло, то боялись их больше, чем любого другого вида оружия; поэтому они отказались от рукопашной и побежали. Мы преследовали их до самых окопов, и там произошла ожесточенная схватка. Многие немцы поднимали руки, сдаваясь в плен. Наша ярость устрашала их. Однако другие дрались до конца, а тем временем германские пулеметы поливали огнем свои траншеи, где тевтонец и славянин сошлись в смертельной схватке. Потом мы бросились на их пулеметные гнезда.

В этом бою наш полк захватил около двух с половиной тысяч германцев и тридцать пулеметов. Я отделалась небольшой царапиной на правой ноге и не покинула строй. Воодушевленные победой над неприятелем на первой, наиболее укрепленной, позиции, мы двинулись ко второй линии окопов. Огонь противника существенно ослабел. Нас ждал большой успех, так как за довольно слабо укрепленными второй и третьей линиями обороны открывалась на многие версты зона необороняемой территории.

Наша атакующая цепь была всего в семидесяти шагах от следующих неприятельских траншей, когда вдруг поступил приказ генерала Вальтера остановиться и вернуться на исходные позиции. Как солдаты, так и офицеры были просто ошарашены случившимся. Наш полковник установил связь с генералом по полевому телефону и объяснил ему обстановку. Но генерал был неумолим и стоял на своем. Всех так возмутил предательский приказ, что, если бы кто-то из нас мог взять на себя

ответственность в тот момент, мы, без сомнения, одержали бы крупную победу, потому что полностью прорвали оборону противника.

Разговор между полковником и генералом закончился ссорой. Генерал, по-видимому, не ожидал, что мы прорвем первую линию вражеской обороны. Ведь который раз волны атак русских солдат разбивались на этой полосе, и с такими тяжелыми потерями. Но, как считали тогда у нас, предательский план генерала как раз и состоял в том, чтобы уничтожить как можно больше наших солдат.

Однако дисциплина была тогда суровой, и приказы оставались приказами. Пришлось отойти. Но мы настолько устали, что требовался отдых. В те дни – 7 и 8 августа – наши ряды пополнились новобранцами. Потери же были неисчислимы. Повсюду трупы, как грибы после дождя, и без счета раненые. Нельзя было сделать и шагу, чтобы не наткнуться на убитого – русского или немца. Окровавленные ноги, руки, а иногда и головы лежали разбросанные в грязи.

Это было самое ужасное наступление, в котором я когда-либо участвовала. В историю оно вошло как сражение у Поставы. Мы провели одну ночь в захваченных германских траншеях. То была ночь незабываемых ужасов. Тьма – непроглядная. Вонь – удушающая. Вся местность покрыта болотами грязи. Многие из нас сидели на трупах, а кто-то клал свои уставшие ноги на тела мертвых. Нельзя было вытянуть руку, чтобы не наткнуться на безжизненное тело. Нас мучил голод. Хотелось согреться. При виде этого страшного зрелища у меня по телу ползали мурашки. Я хотела встать и в поисках опоры рукой коснулась лица мертвого человека, прижатого к стенке окопа. Вскрикнув от страха, я поскользнулась и упала. И тут мои пальцы утонули в чьем-то разорванном животе.

Меня охватил ужас, какого я еще никогда не испытывала, и я завопила как сумасшедшая. Крики донеслись до офицерского блиндажа, и оттуда послали человека с ручным электрическим фонарем на поиски Яшки, которую считали раненой.

В блиндаже было тепло и уютно, так как здесь раньше помещался полковой штаб неприятеля. Мне дали чаю, и я мало-помалу пришла в себя.

Вход в блиндаж был теперь направлен в сторону неприятеля. Он знал его точное расположение и сосредоточил на нем свой огонь. Хотя блиндаж и был непробиваем для снарядов, однако под непрерывным обстрелом вскоре начал проседать. Один из разрывов почти полностью заблокировал вход обломками бревен. Наконец снаряд пробил покрытие. Свет погас. Пятеро были

убиты, нескольких ранило. Я лежала в углу, заваленная обломками бревен и телами солдат и офицеров, среди которых имелись раненые и убитые. Кругом слышались неописуемые стоны. Когда сверху доносился зловещий вой очередного снаряда, я всякий раз прощалась с жизнью. Нечего было и думать о том, чтобы сразу же выбраться из-под завала и убежать, пока снаряды с грохотом падали в эту дыру. Когда обстрел закончился и меня спасли, я с трудом могла поверить в то, что осталась невредимой.

На следующий день я разыскала тело поручика Боброва. Предзнаменование, о котором он говорил, оказалось верным. В прошлом школьный учитель, он стал бесстрашным воином, оставаясь человеком благородных побуждений. Я выполнила просьбу Боброва и через нашего доктора отправила кольцо и письмо погибшего его жене. У нас в полку было около двух тысяч раненых. А когда подобрали убитых с поля боя и из траншей, они вытянулись длинными рядами под ярким солнцем в ожидании вечного покоя в огромной братской могиле, вырытой для них в тылу.

Склонив головы в глубокой скорби, отдали мы последние почести нашим товарищам. Они положили свои жизни, как истинные герои, не подозревая, что попросту принесены в жертву негодяем предателем.

Десятого марта, все еще не оправившись от ужасного ощущения, вызванного соприкосновением с изуродованными телами убитых солдат, я была отправлена в дивизионный полевой госпиталь на трехдневный отдых. А 14 марта, в день, когда назначили новое наступление, снова вернулась в окопы. Германские позиции еще не были достаточно укреплены, и мы заняли их первую линию без серьезных потерь. Затем последовал двенадцатидневный отдых, во время которого нас переформировали. Ранним утром 18 марта, после не очень успешной артиллерийской обработки позиций неприятеля, был отдан приказ идти в атаку. Мы продвигались вперед под неослабевающим огнем противника, оставили позади ничейную полосу и вновь наткнулись на проволочные заграждения немцев, не тронутые огнем нашей артиллерии. Ничего не оставалось, как отступить. И вот когда я бежала назад, в правую ногу ударила пуля, раздробив кость. Я упала. В сотне шагов от меня находилась первая линия вражеских окопов. Над головой свистели пули, поражая отступавших.

Но я была не одна. Неподалеку от меня стонали другие. Некоторые молили о смерти… Хотелось пить. Я потеряла много крови, но понимала, что двигаться бесполезно. Солнце взошло, но тут же небо затянулось серыми облаками.

«Спасут ли меня? – спрашивала я себя. – Может быть, быстрее подберут санитары противника? Да нет же, вон парень только поднял голову, пытаясь двинуться с места, и по нему сразу же открыли огонь…»

Я плотнее прижалась к земле. Где-то поблизости послышались голоса, и я затаила дыхание.

«Похоже, попаду в плен к немцам!» – подумала я.

Потом голоса затихли, и меня снова стала мучить жажда.

«Пресвятая Дева, когда же придет помощь? Или я обречена лежать тут до тех пор, пока потеряю сознание и отдам богу душу?..» Вот уже и солнце в зените. Ребята, наверное, едят свой суп и греются чаем. Чего бы я не отдала за кружку горячего чая! Германцы тоже едят. Я слышу, как брякают они котелками. Ну конечно, я даже чувствую, как доносится слабый запах их супа.

Сейчас тихо. Лишь изредка над полем боя проносится снайперская пуля… Ночь, ночь, ночь… Как я желаю наступления ночи! Конечно, наши не дадут всем нам здесь пропасть. Кроме того, они уже наверняка хватились меня. И бесспорно, они не позволят Яшке, живой или мертвой, лежать на поле. Значит, есть надежда.

Мысль о том, что ребята обнаружат мое исчезновение, придала мне новые силы. Секунды казались часами, а минуты днями. Но солнце садилось, и тени стали удлиняться. Наступила темнота, и спасение было не за горами. Наши бравые санитары с помощью солдат пошли на свое святое дело. С большой осторожностью они продвигались все ближе и ближе к неприятельским позициям и наконец обнаружили меня. Да, это была Яшка, которую они и притащили в свою траншею.

– Яшка жива! – радостно восклицали солдаты. – Пошли тебе Господь быстрого выздоровления, Яшка!

Я могла ответить им только шепотом. Они донесли меня до пункта первой помощи, промыли рану и перевязали ее. Было очень больно. Потом меня отправили в Москву, где я лежала в Екатерининской больнице, в двадцатой палате.

Я чувствовала себя одинокой в этой больнице, где провела почти три месяца. К другим больным и раненым приходили гости, они получали посылки из дома, а меня никто не навещал, и никаких передач я не получала. В однообразии больничной жизни промелькнули март, апрель, май. Наконец однажды в начале июня меня объявили опять здоровой и разрешили вернуться на фронт. Наш полк как раз переводился в ту пору в район Луцка. Двадцатого июня я догнала его. Мне устроили встречу еще более радушную, чем при моем возвращении в предыдущем году. Меня буквально засыпали фруктами и

конфетами. Солдаты радовались. Войска генерала Брусилова отбросили немцев на этом участке фронта на несколько десятков верст. Почти вся местность была изрыта окопами, оставленными неприятелем. Здесь и там все еще лежали незахороненные трупы. А наши воины, хотя и были в приподнятом настроении, сильно измотались в форсированных маршах и долгом преследовании противника.

Была середина лета, и жара стояла изнуряющая. Двадцать первого июня мы прошагали пятнадцать верст и сделали привал. У многих случился солнечный удар, и мы чувствовали себя чересчур утомленными, но командир умолял нас идти дальше, обещая отдых в окопах. До фронта оставалось двадцать верст, но мы преодолели это расстояние в тот же день.

Двигаясь по дороге, мы увидели, как по обеим ее сторонам зреют хлеба, не тронутые проходившими армиями. Передовая позиция располагалась неподалеку от деревни под названием Дубова Корчма. По соседству с ней находился хутор, поспешно оставленный германцами. В усадьбе обнаружилось много скота, домашней птицы, картошки и другой пищи. В тот вечер у нас был царский пир.

Мы заняли покинутые немцами окопы. Времени для отдыха не осталось. Еще на закате солнца артиллерия открыла огонь и грохотала всю ночь напролет. Это означало не что иное, как незамедлительную атаку. И мы не ошиблись. В четыре часа утра пришло донесение, что германцы оставили свои позиции и начали движение в нашу сторону. В этот момент наш любимый командир Гришанинов вдруг упал на землю. Его ранило. Мы бросились к нему на помощь и тут же отправили в тыл. Нельзя было терять ни минуты. По наступающим германцам дали несколько залпов, а когда они совсем приблизились, мы выбрались из окопов и пошли в штыки.

Внезапно меня оглушил ужасный взрыв, и я упала на землю. Рядом со мной разорвался германский снаряд. Этот снаряд мне никогда не забыть, потому что часть его осталась в моем теле.

Спину пронзила жуткая боль. Я была ранена осколком, засевшим в нижней части позвоночника. Находившиеся поблизости солдаты видели, как меня ранило. Потом я потеряла сознание. Меня доставили в пункт первой помощи, но рана оказалась настолько серьезной, что доктор не поверил в то, что я смогу выжить. В санитарной повозке меня повезли в Луцк. Необходимо было электролечение, но в больницах Луцка не нашлось соответствующего оборудования, поэтому меня решили отправить в Киев. Однако, учитывая мое состояние, врачи в течение трех дней решали вопрос о перевозке, считая ее опасной

для жизни.

В Киеве приток раненых был так велик, что пришлось целых два часа лежать на носилках на улице, прежде чем я попала в госпиталь. После рентгеновского обследования мне сказали, что в спине застрял осколок, и предложили операцию. Я не могла представить себе, как жить с осколком в теле, и поэтому согласилась. То ли из-за моего общего состояния, то ли по какой другой причине, но хирурги в конце концов отказались от операции, заявив, что отправят меня либо в Петроград, либо в Москву для дальнейшего лечения. Поскольку мне предоставили право выбора, я предпочла Москву, потому что уже провела несколько месяцев в Екатерининской больнице.

Рана в спине парализовала меня до такой степени, что нельзя было пошевелить даже пальцем. Вот так я и лежала в одной из московских больниц, находясь между жизнью и смертью в течение нескольких недель, и походила скорее на бревно, чем на живого человека. Действовал только мозг, да сердце ныло от боли.

Каждый день меня таскали на носилках в процедурный кабинет, где я получала массаж и принимала ванну. Потом меня осматривали врачи, смазывали рану йодом, делали электромассаж, после чего опять купали в ванне и перевязывали рану. Эта ежедневная процедура была ни с чем не сравнимой мукой, хотя мне постоянно давали морфий. В палате, где я лежала, было неспокойно. Все койки занимали тяжелые больные, стоны и вопли которых, наверное, доходили до небес.

Четыре месяца пролежала я парализованная, совсем не надеясь поправиться. Кормили меня сиделки. Пища состояла из молока и каши. Много было таких дней, когда я призывала смерть как желанную гостью. Продолжать жить в подобном состоянии казалось бесполезной и бессмысленной тратой времени, однако доктор, еврей по национальности, человек с удивительно добрым сердцем, пытался вселить в меня надежду на выздоровление. Он каждодневно с упорством продолжал делать свое нелегкое дело, хваля мою стойкость и подбадривая ласковыми словами. И его старания в конце концов увенчались успехом.

К концу четвертого месяца я почувствовала, как мое неподвижное тело снова возвращается к жизни. Мои пальцы могли двигаться! Какая это была радость! А еще через несколько дней я уже могла слегка поворачивать голову и вытягивать руку. Так чудесно было ощущать постепенное воскрешение безжизненных рук, ног, сжимать пальцы после четырех месяцев полной неподвижности! Это приводило меня в трепетный восторг. Подумать только: я могла теперь согнуть колено, столько

времени находившееся без движения! Просто чудо! И я со всем рвением, на какое была способна, возносила благодарственные молитвы Господу.

Однажды в больницу навестить меня пришла женщина по имени Дарья Максимовна Васильева. Я никак не могла вспомнить кого-либо из знакомых с таким именем, но попросила пропустить ее. Поскольку я была едва ли не единственной больной в палате, к кому не приходили посетители и кто не получал никаких подарков, можно себе представить, как я обрадовалась этому. Незнакомка представилась матерью Степана из моей роты. Конечно, я хорошо его знала. До войны он был студентом и пошел в армию вольноопределяющимся как унтер-офицер.

– Степан только что написал мне в письме о вас, – сказала мадам Васильева, – и попросил навестить вас. Вот он пишет: «Сходи в Екатерининскую больницу и навести нашу Яшку… Она там совсем одинока, и я бы хотел, чтобы ты сделала для нее столько же, сколько сделала бы для меня, потому что она однажды спасла мне жизнь и вообще была у нас для всех как крестная мать. Это вполне порядочная молодая женщина-патриотка, и я заинтересован в ее судьбе как в судьбе доброго товарища, потому что она солдат, и притом храбрый и великодушный». Он так расхваливал вас, дорогая, что я просто полюбила вас всем сердцем. Благослови вас Господь!

Она принесла мне разных угощений, и мы сразу подружились. Я рассказала ей о ее сыне и о нашей жизни в окопах. Она плакала и удивлялась тому, как я все это могла вынести. Эта женщина настолько привязалась ко мне, что стала приходить в больницу по нескольку раз в неделю, хотя жила на окраине города. Ее муж служил помощником управляющего какой-то фабрикой, и они занимали небольшую, но уютную квартиру, соответствующую их достатку. Дарья Максимовна была уже в возрасте, одевалась скромно и внешне производила впечатление кроткого человека. Она имела замужнюю дочь Тонечку и сына, юношу восемнадцати лет, заканчивавшего реальное училище.

Новая приятельница постоянно поддерживала мой дух, и выздоровление шло быстро. Понемногу восстанавливая силы и нервы, я иногда принималась донимать своего доктора.

– Ну что, доктор, – говорила я, – опять собираюсь на войну…

– Нет-нет-нет, – возражал он. – Для вас, голубушка, никакой войны больше не будет.

Я и сама сомневалась, смогу ли действительно возвратиться на фронт. Ведь осколок снаряда все еще сидел в моем теле. Доктор не захотел его вынимать. Он советовал подождать до

полного выздоровления и удалить его когда-нибудь позже путем операции через живот, так как осколок засел в сальнике. Я до сих пор не имею возможности сделать подобную операцию и ношу в себе этот кусок железа. Малейшее нарушение пищеварения вызывает у меня и теперь сильные муки.

Мне пришлось заново учиться ходить, и было такое ощущение, будто я никогда раньше не умела это делать. Первая попытка не удалась. Попросив у доктора пару костылей, я хотела встать на ноги, но упала на постель, вся ослабевшая и беспомощная. Однако сиделки посадили меня в инвалидное кресло и выкатили в сад. Прогулка доставила мне огромное удовольствие. Однажды, когда сиделка отлучилась, я попыталась самостоятельно встать и сделать хотя бы шаг. Эго вызвало сильную боль, но я сохранила равновесие, и по моим щекам потекли слезы восторга. Я ликовала. Однако лишь неделю спустя доктор разрешил мне немного ходить с помощью сиделок. Удалось сделать лишь с десяток шагов; я победоносно улыбалась, преодолевая изо всех сил дикую боль, но вдруг почувствовала страшную слабость и потеряла сознание. Сестры милосердия испугались и позвали доктора, который велел впредь быть осторожнее. Тем не менее здоровье постоянно улучшалось, и через пару недель я уже могла ходить. Конечно, первое время я не чувствовала уверенности: ноги дрожали и казались такими слабыми. Постепенно прежняя сила возвращалась ко мне, и к концу шести месяцев, проведенных в больнице, я выздоровела.

Глава девятая. Восемь часов в руках германцев

В то утро, когда предстояло идти на военно-медицинскую комиссию, я была в веселом и чертовски озорном настроении. Заканчивался декабрь, а душа моя, будто весной, светилась от радости. В просторной комнате, куда я вошла, уже ждали своей очереди около двухсот других больных, чтобы пройти комиссию и услышать приговор об отправке домой или возврате на фронт.

Комиссию возглавлял какой-то генерал. Когда подошла моя очередь и он нашел в списке мое имя, то решил, что «Мария Бочкарева» – это ошибка, и исправил на «Марин Бочкарев». Под таким именем меня и вызвали.

– Раздевайся! – рявкнул генерал, отдавая приказ, которым встречал каждого солдата, ожидавшего демобилизации.

Я решительным шагом подошла к нему и сбросила одежду.

– Женщина! – вырвалось из пары сотен глоток, и разразился такой хохот, что затряслись стены здания.

Члены комиссии буквально онемели от удивления.

– Что за чертовщина?! – вскричал генерал. – Зачем вы разделись?

– Я солдат, ваше превосходительство, и исполняю приказы не задумываясь, – ответила я.

– Ну хорошо, хорошо… Поторопитесь одеться, – последовал приказ.

– А как же осмотр, ваше превосходительство? – поинтересовалась я, надевая свои вещи.

– Все в порядке. Вы прошли…

Принимая во внимание серьезность полученной мною раны, комиссия предложила мне отпуск на несколько месяцев, но я попросила направить меня на фронт уже через несколько дней. Получив пятнадцать рублей и железнодорожный билет, я из больницы отправилась к Дарье Максимовне, давно приглашавшей меня погостить у нее. Это была короткая побывка, продолжавшаяся всего три дня, но она доставила мне истинное наслаждение. Как приятно вновь очутиться в домашней обстановке, наслаждаться домашней едой и чувствовать заботу женщины, которая стала для меня второй матерью. Нагрузившись посылками для себя и Степана, получив благословение от всей семьи, пришедшей проводить меня, я отправилась из Москвы поездом с Николаевского вокзала. Поезд был переполнен, и места – только стоячие.

На платформе мое внимание привлекла бедная женщина с младенцем на руках, другой малыш сидел на полу, а девочка лет пяти держалась за материнский подол. Все имущество женщины было упаковано в один чемодан. Дети жалобно просили хлеба, женщина, опасливо озираясь, пыталась успокоить ребятишек. При виде их у меня защемило сердце, и я предложила детям немного хлеба.

Тогда женщина рассказала мне причину своего страха. У нее не было ни денег, ни билета, и она боялась, что ее высадят на первой же станции. Она была женой солдата, их деревню захватили германцы, и теперь она направлялась в город, расположенный за три тысячи верст, к своим родственникам. Просто необходимо было что-то сделать для этой женщины. Я обратилась к солдатам, заполнившим вагон, но они не очень поддавались уговорам.

– Это жена солдата, – говорила я, – такого же, как вы. Представьте себе, что она жена одного из вас! И у вас жены могут оказаться в таком же положении. Ну давайте сойдем на следующей станции, пойдем к начальнику и попросим разрешить ей ехать по назначению…

Сердца солдат смягчились, и они помогли мне. На следующей остановке мы направились к начальнику станции, который оказался добрым человеком, но объяснил нам, что ничего не может сделать в данном случае.

– Я не имею права разрешить проезд в поезде без билета, – говорил он, отсылая нас к военному коменданту. – А выдать билет задаром не могу.

Я пошла вместе с женщиной одна: солдаты боялись отстать от поезда и, заслышав свисток паровоза, бросили нас. Мне пришлось остаться и ждать другого поезда.

Комендант повторил слова начальника станции. Он заявил, что не имеет права выдать женщине военные проездные документы.

– Как же так – не имеете права! – воскликнула я, выходя из себя. – Ведь это жена солдата, и ее муж, возможно, сейчас, в эту самую минуту, идет в бой, чтобы защитить страну, а вы здесь, в тылу, сытые и невредимые, не хотите позаботиться о его жене и детях. Какое безобразие! Посмотрите на эту женщину. Ее подлечить бы надо, и дети у нее с голоду чуть не умирают.

– А ты-то кто такой? – грубо спросил меня комендант.

– Сейчас узнаете, – ответила я, показав свои медали и крест и сунув ему под нос удостоверение. – Пролитая мною кровь дает мне право требовать, чтобы с беззащитной женой солдата поступили по справедливости.

Комендант повернулся и вышел. Ничего не оставалось, как собрать деньги у людей. Я прошла в зал ожидания первого класса, который был полон офицеров и богатых пассажиров, сняла папаху и обошла присутствовавших, умоляя подать, кто сколько может, бедной солдатке. В результате набрала восемьдесят рублей. С этими деньгами я снова пошла к коменданту, высыпала их перед ним и попросила выписать проездные для женщины и ее детей. Та женщина просто не знала, как выразить мне свою благодарность.

Подошел следующий поезд. Никогда раньше не видела я поездов, настолько переполненных людьми. Нечего было и мечтать, чтобы влезть в вагон. Единственным доступным местом оставалась крыша. Но и там хватало пассажиров. Несколько солдат помогли мне вскарабкаться наверх, и я ехала так два дня и две ночи. Слезть оттуда на станции и размяться не было никакой возможности. Даже за чаем мы посылали кого-то по выбору, а вся еда состояла из хлеба и кипятка.

Нередки были и несчастные случаи. На крыше вагона, где я оказалась, человек заснул и скатился вниз, убившись насмерть. Меня чуть не постигла такая же участь, и я была на волосок от смерти: слегка задремав, покатилась к краю крыши, и если бы какой-то солдат не поймал меня в самый последний момент, то упала бы вниз. В конце концов мы все же добрались до Киева.

Хаос на железных дорогах был отражением общего положения в стране зимой 1916/17 года. Правительственный механизм разладился. Солдаты потеряли доверие к своим начальникам и командирам, и в умах многих людей возобладало мнение, что солдат тысячами просто ведут на убой. Повсюду быстро распространялись самые различные слухи. Солдаты старого призыва погибли, а новобранцы с нетерпением ждали окончания войны. Тех настроений, которые господствовали в 1914 году, не осталось.

В Киеве нужно было получить сведения о местонахождении моего полка. Выяснилось, что он стоял теперь близ города Берестечко. Пока я отсутствовала, ребята продвинулись вперед на пятнадцать верст. В вагонах переполненного поезда, шедшего от Киева, можно было только стоять вплотную друг к другу. На станциях мы посылали нескольких солдат за кипятком. Поскольку войти в вагон или выйти из него через двери было трудно, пользовались окнами. Поезд проследовал через Житомир и Жмеринку в Луцк. Там я сделала пересадку на поезд, шедший до станции Верба, находившейся в тридцати верстах от наших позиций.

Дорога в прифронтовой полосе была грязная. Над нами стаями летали аэропланы, сбрасывая бомбы. Но я к ним уже

привыкла. Пополудни полил сильный дождь, и я основательно промокла. Смертельно уставшая, в насквозь промокшей одежде, добралась к вечеру до места, от которого до передовой оставалось верст пять. Тут находился полковой пункт снабжения, обоз которого расположился лагерем по обе стороны дороги. Я подошла к часовому и спросила:

– Какой полк здесь квартирует?

– Двадцать восьмой Полоцкий, – последовал ответ.

Сердце мое запрыгало от радости. Солдат меня не узнал. Это был новичок. Однако наши ребята, очевидно, рассказывали ему обо мне.

– А ведь перед тобой Яшка, – сказала я.

Это был своеобразный пароль. Все солдаты знали мое имя, ветераны полка рассказывали обо мне. Полковник, командовавший обозом, смешной старичок, увидев меня, расцеловал в обе щеки и прыгал вокруг, хлопая в ладоши и выкрикивая:

– Яшка! Яшка!

Он был очень добросердечный человек и сразу же проявил заботу: приказал своему ординарцу принести для меня новое обмундирование и приготовить баню, которой обычно пользовались офицеры. После бани полковник пригласил поужинать. Вместе с нами за столом сидели другие офицеры, и все они были рады меня видеть. Быстро распространилась весть о возвращении Яшки, и некоторые солдаты очень хотели пожать мне руку. То и дело в дверь стучали, и на вопрос полковника «кто там?» робко спрашивали:

– Ваше высокоблагородие, можно глянуть на Яшку?

За какое-то время в доме побывали многие из товарищей. Часть дома занимала хозяйка, вдова, с молодой дочерью. Здесь я и провела ночь, а поутру отправилась на фронт. Некоторые наши роты находились в резерве, и мой путь через их расположение стал поистине триумфальным шествием. Везде, где появлялась, меня встречали радостными приветствиями и аплодисментами.

Я представилась командиру полка, и он пригласил меня отобедать вместе с офицерами штаба. И это, наверное, был первый случай в истории полка, когда унтер-офицер удостаивался такого приглашения. За обедом командир, произнося тост в мою честь, рассказал о моей службе в полку и пожелал мне успеха.

В довершение всего он прикрепил мне на грудь Георгиевский крест 3-й степени и провел чернильным карандашом три полоски на погонах, производя меня тем самым в старшие унтер-офицеры. Штабники окружили меня, пожимали руку, хвалили и

поздравляли. Меня глубоко тронуло подобное выражение искренней благожелательности и любви со стороны офицеров. И это была лучшая награда за все те страдания, которые пришлось испытать.

И действительно, эта награда была мне очень дорога. Что значили мои страдания от ран и полной неподвижности в течение четырех месяцев в сравнении с теми чувствами, которые я испытала при встрече с боевыми соратниками, столь восторженно выражавшими признательность и благодарность за мои жертвы? И теперь воспоминания об окопах, заполненных окровавленными телами, уже не вызывали во мне ужаса. Да и ничейная полоса казалась вполне привлекательным местом, где можно остаться на целый день с кровоточащей раной на ноге. Даже вой снарядов и свист пуль звучали как музыка. Эх, в конце концов жизнь не столь уж мрачна и бесполезна! Бывают благословенные минуты, когда забываешь годы мучений и невзгод.

Командир полка в приказе отметил факт моего возвращения и повышения в чине. Он дал мне в провожатые своего ординарца, чтобы показать дорогу к траншеям. Когда я вышла из блиндажа ротного командира, солдаты снова восторженно приветствовали меня. Возглавив взвод из семидесяти человек, я должна была отвечать за снабжение и оснащение своих людей, поэтому мне потребовался писарь.

Наши позиции располагались по берегу реки Стырь, которая в тех местах довольно узкая и мелкая. На противоположном берегу окопались немцы. В нескольких сотнях шагов от нас был мост через реку. Обе стороны оставили его нетронутым. Мы установили на своей стороне моста пост, а неприятель держал такой же пост на противоположной стороне. Из-за того, что речка была очень извилистая, наша передовая вытянулась зигзагами. Немцы яростно забрасывали нас минами. Однако мины летели с такой скоростью, что мы успевали укрыться прежде, чем они падали на нашу сторону. Наша рота занимала позицию в непосредственной близости от первой линии неприятеля.

Я не пробыла и месяца в окопах, как во время боя попала в плен к германцам. В течение примерно двенадцати дней они регулярно вели минометный обстрел наших позиций. Мы привыкли к нему и уже не ждали атаки. Кроме того, сезон боев уже миновал, и наступили сильные холода.

Однажды утром, примерно в шесть часов, когда мы только-только укладывались спать после ночного дежурства, нас вдруг разбудило громкое «ур-а!». Мы быстро похватали свои винтовки и заглянули в бойницы в бруствере. Батюшки святы! Там, всего лишь в сотне шагов от нас, и с фронта и с тыла германцы

форсировали Стырь! Прежде чем мы успели организовать оборону, они напали на нас и взяли в плен пятьсот наших солдат. Я оказалась в той же группе.

Нас привели в германский штаб на допрос. Каждому задавали вопросы, с помощью которых неприятель пытался выведать ценные военные сведения. Тем, кто отказывался раскрывать что-либо, угрожали. Нашлось среди нас и несколько трусов, главным образом из нерусских, которые сообщили важные факты. Допрос еще продолжался, когда наша артиллерия с другой стороны открыла ураганный огонь по германским позициям. Очевидно, германский военачальник на этом участке не располагал большими резервами и стал запрашивать по проводу поддержки и подкрепления. А между тем для охраны пленных и сопровождения их в тыл требовались дополнительные силы. Поскольку неприятель ожидал немедленной контратаки русских, он решил не отсылать нас в свой тыл, пока не придет подмога.

«Так, значит, теперь я военнопленная у германцев, – размышляла я. – Как неожиданно! Однако все еще есть надежда, что наши ребята придут на помощь. Только вот каждая минута дорога. Они должны поспешить, иначе нам конец. Вот и мой черед идти на допрос. Что я им скажу? Я должна отрицать, что я солдат, и придумать какую-нибудь байку».

– Я женщина, а не солдат, – заявила я, когда до меня дошла очередь.

– Вы благородного происхождения? – спросили меня.

– Да, – ответила я, решив одновременно, что назовусь сестрой милосердия из Красного Креста и скажу, что надела мужскую форму для того, чтобы навестить своего мужа-офицера на передовой.

– А много у вас женщин, сражающихся на фронте? – последовал новый вопрос.

– Не знаю. Я же говорю вам, что я не солдат.

– Что же вы тогда делали в окопах?

– Приехала навестить мужа, который служит офицером в этом полку.

– Почему же тогда вы стреляли? Солдаты сказали, что вы стреляли в них.

– Я делала это, защищаясь. Боялась, что заберут в плен. Я служу сестрой милосердия в Красном Кресте в тыловом госпитале и приехала сюда, на передовую, чтобы повидать мужа.

Огонь русской артиллерии с каждой минутой становился все сильнее. Несколько наших разорвавшихся снарядов ранили не только солдат неприятеля – пострадали и пленники. Наступил полдень, но немцы слишком нервничали, им было не до обеда.

Ожидавшееся подкрепление не появлялось, и все указывало на то, что наши войска готовятся к ожесточенной контратаке.

В два часа пополудни наши солдаты выбрались из траншей и бросились вперед на германские позиции. Командир неприятельской части решил отступить вместе с группой военнопленных на вторую линию, отказавшись от обороны. Это был критический момент. Когда пленных построили, послышалось «ура!» – наши шли в атаку. Решение было принято мгновенно.

Мы все, пятьсот человек, набросились на своих конвоиров и, разоружив многих из них, завязали жестокую рукопашную схватку. Как раз в это время наши солдаты прорвались через проволочные заграждения в немецкие окопы. Противник пришел в неописуемое замешательство, расправа была безжалостной. Я схватила пяток лежавших рядом со мной ручных гранат и швырнула в группу германцев. Человек десять, похоже, убила. В это время вся наша первая цепь пересекла реку. Передовая позиция германцев была взята, и теперь оба берега Стыри контролировали русские войска.

Вот так и закончилось мое пленение. Я пробыла в руках у германцев всего восемь часов, но полностью расквиталась с ними за это. В течение нескольких последующих дней в наших рядах наблюдалась повышенная активность. Мы укрепляли вновь занятые позиции и готовились к новой атаке на противника. Два дня спустя был получен приказ о наступлении. Но наша артиллерия опять-таки не сумела разрушить германские проволочные заграждения. Несколько продвинувшись вперед под уничтожающим огнем неприятеля, мы вынуждены были отступить, неся тяжелые потери, оставив многих товарищей ранеными и умирающими на поле боя.

Наш командир собрал группу из двадцати добровольцев по сбору раненых. Я откликнулась одной из первых. Прикрепив большие знаки Красного Креста так, чтобы их хорошо было видно, и оставив в окопах свои винтовки, мы вышли на открытую местность средь бела дня, чтобы спасти раненых. Немцы подпустили меня почти к самому заграждению из колючей проволоки. Но когда я наклонилась над раненым, у которого была перебита нога, то услыхала щелчок отводимого затвора и тут же распласталась на земле. Пять пуль просвистели над моей головой одна за другой, и большинство их угодило в раненого солдата. Я продолжала лежать без движения, и германский снайпер перестал стрелять, по-видимому решив, что меня он тоже убил. Я оставалась там дотемна и только тогда приползла назад в свою траншею.

Из двадцати добровольцев, действовавших под флагом Красного Креста, в живых осталось пятеро.

На следующий день командир в приказе объявил благодарность всем солдатам, которые, оказавшись в плену, проявили инициативу при своем освобождении, вступив в схватку с неприятелем. Моя фамилия значилась там первой. Отмечены были в приказе и те, кто отказался дать германцам какие-либо сведения. А одного солдата, выдавшего противнику много важных сведений, расстреляли. Меня представили к кресту 2-й степени, но поскольку я женщина, то получила только медаль 3-й степени.

Новый, 1917 год мы встретили, находясь на отдыхе в трех верстах от линии фронта. На постое в те дни было много шуток и веселья. Хотя дисциплина оставалась по-прежнему строгой, отношения между офицерами и солдатами за три с половиной года войны целиком и полностью изменились.

Пожилые офицеры, прошедшие подготовку еще в довоенное время, выбыли из строя – они либо погибли в боях, либо получили увечья и стали инвалидами. Пришедшие им на смену молодые офицеры, как правило, прежде были студентами или школьными учителями. Они отличались либеральными взглядами и гуманным обращением с солдатами, свободно общались с рядовыми и позволяли многое такое, что раньше не допускалось. На празднике Нового года танцевали все вместе. Но эти взаимоотношения нельзя было полностью объяснить новыми веяниями, идущими сверху. В известной мере они порождались нарастающими настроениями тревоги и беспокойства в солдатских массах, пока еще не осознанными и скрытыми.

По возвращении на передовую командир 5-го корпуса генерал Валуев устроил нам смотр. Я была представлена ему нашим командиром. Генерал тепло пожал мне руку, заметив, что слышал обо мне много похвального.

Наши позиции теперь располагались на холме, неподалеку от селения Зеленая Колония, а неприятель находился под нами, в долине. Траншеи, которые мы занимали, еще совсем недавно принадлежали германцам.

Был конец января, когда я во главе патруля из пятнадцати человек совершила вылазку на ничейную полосу. Мы проползли по канаве, которая когда-то служила у немцев ходом сообщения. Она пролегала по открытой местности, поэтому мы соблюдали величайшую осторожность. Когда мы приблизились к линии неприятельских траншей, мне показалось, что я слышу немецкую речь. Оставив на месте десять человек с приказом быть начеку и в случае возникновения стычки прийти на помощь, мы впятером поползли, как змеи, совершенно бесшумно. Голоса германцев

слышались все отчетливее.

Наконец показался германский передовой пост подслушивания. Четверо немцев сидели к нам спиной и грели руки над костерком. Их винтовки лежали разбросанные на земле. Двое из моих солдат, дотянувшись до немецких винтовок, утащили их. Эта была напряженнейшая операция, и казалось, она проводилась так долго, что прошла целая вечность. Германцы болтали себе как ни в чем не бывало. Когда я осторожно потянулась за третьей винтовкой, двое немцев, видимо услышав какой-то звук, начали оборачиваться.

В мгновение ока мои солдаты набросились на них и закололи штыками, прежде чем я успела что-то понять, у меня было намерение привести всех четверых немцев к нам на позицию. Но двух из них мы все же взяли живыми.

За все время несения патрульной службы – а я участвовала по крайней мере в сотне таких вылазок на ничейную полосу – это был первый случай устранения германского аванпоста подобным образом. Мы с триумфом вернулись со своей добычей к себе.

Один из пленников был высокий, рыжеволосый; другой – в пенсне, по всей вероятности, образованный человек. Мы доставили их в штаб полка. По пути нас поздравляли и даже аплодировали. Командир осведомился о подробностях захвата немецких солдат, и мы рассказали обо всем. Он поздравил меня, крепко пожав руку. То же самое сделали и другие офицеры, заверив, что мое имя будет занесено навечно в историю Полоцкого полка. Я была представлена к золотому кресту 1-й степени и получила двухдневный отпуск для отдыха в деревне.

К концу второго дня из резерва прибыла наша рота. Между тем в нашей среде начали происходить странные вещи: солдаты шепотом передавали друг другу недобрые слухи о смерти Распутина и его связях с царским двором и Германией. В солдатских массах пробуждался дух неповиновения. Правда, он все еще не был явным, но люди уже устали, смертельно устали от войны.

– Сколько же нам еще сражаться? За что воюем?

Эти вопросы задавал себе каждый. Шла уже четвертая зима, а войне все еще не было конца. Наши ребята по-настоящему мучились в поисках ответа на трудную загадку, какой стала для них война. Разве не подтверждался вновь и вновь факт предательства штабных офицеров? Разве не доходили бесчисленные слухи о том, что царский двор настроен прогермански? Разве не слыхали они, что военный министр арестован по обвинению в измене? И не ясно ли теперь, что и правительство, и высшее начальство заодно с неприятелем? Тогда

зачем же продолжать бесконечно эту кровавую бойню? Если правительство в сговоре с Германией, что мешает ему заключить с ней мир? А может быть, просто хотят истребить еще несколько миллионов человек?

Эта загадка бередила крестьянские умы солдат. Положение осложнялось тем, что сотни других предположений разными путями проникали на фронт. И русский солдат в феврале 1917 года был духовно подавлен, разочарован и угрюм.

Мы возвратились на позиции и вновь приняли на себя всю тяжесть войны. Это случилось незадолго до того, как была подготовлена новая атака на германские позиции. Наша артиллерия вновь показала свою малую пригодность в деле, и опять мы вылезали из окопов и бежали по ничейной полосе, чтобы увидеть нетронутыми проволочные заграждения неприятеля. Ведь уже далеко не первая волна русских бойцов, разбиваясь об этот бруствер смерти, откатывалась с тяжелыми потерями, причем дело даже не доходило до прямой схватки с врагом. Но каждая из этих волн оставляла горький осадок в сердцах тех, кто выжил. И вот последняя безрезультатная атака на нашем участке фронта вызвала в душах солдат особенно сильную горечь возмущения.

Тем не менее в феврале 1917 года армия не была готова к тому взрыву, который вскоре потряс мир. Фронт сохранял ожесточенную ненависть к германцам и не помышлял ни о каком другом способе достижения справедливого мира, кроме организации грандиозного наступления на врага. И этому наступлению не давало хода предательское правительство. Негодование и скрытое недовольство солдат и офицеров этим правительством были повсеместными. Но, несмотря на скрытое презрение к царскому двору и тайную ненависть к правительственным чиновникам, войска на фронте еще не созрели для сознательного и обдуманного восстания против старой, прочной и глубоко укоренившейся системы царизма.

Часть третья
Революция

Глава десятая. Революция на фронте

Первой ласточкой, принесшей весть о надвигающейся буре, был солдат нашей роты, вернувшийся после отпуска из Петрограда.

– Ох ты! Знали бы вы, ребята, что творится в тылу! Революция! Все говорят, что царя скоро скинут. Столица охвачена пламенем революции…

Эта новость распространилась среди солдат, как огонь в степи. Они собирались небольшими группами и обсуждали, что сулят им такие события. Значит ли это, что будет мир? Дадут ли землю и свободу? Или все идет к тому, что будет назначено генеральное наступление, чтобы положить конец войне? Споры шли, конечно, шепотком, за спинами офицеров. Большинство сходилось на том, что революция означает подготовку ко всеобщему наступлению на германцев, чтобы одержать победу и заключить мир.

В течение нескольких дней атмосфера была наэлектризована. Каждый чувствовал, что происходят события, подобные землетрясению, и наши сердца отзывались на отдаленный грохот приближавшейся бури. По виду и поведению офицеров можно было догадаться, что они скрывают от нас что-то очень важное.

Наконец пришла радостная весть. Командир выстроил полк и огласил знаменитый Манифест и Приказ № 1. Свершилось чудо! Царизм, порабощавший нас и процветавший на крови и поте тружеников, пал. Свобода, Равенство и Братство! Как сладко звучали для нас эти слова! Мы были вне себя от радости. В глазах стояли слезы восторга. Люди обнимались, плясали. Все казалось сном, чудесным сном. Кто бы мог подумать, что ненавистный режим будет уничтожен так легко, еще при нашей жизни?

Манифест заканчивался пламенным призывом к нам, солдатам, держать линию фронта еще крепче, чем прежде, поскольку теперь мы стали свободными гражданами и должны защитить нашу только что обретенную свободу от посягательств кайзера и его подручных. Готовы ли мы защищать нашу свободу? И множество голосов в едином порыве прокричали слова, которые, пролетев над ничейной полосой, эхом отозвались в германских окопах:

– Да, готовы!

Готовы ли мы поклясться в верности Временному правительству, которое хочет, чтобы мы изгнали германцев из пределов Свободной России, прежде чем вернемся домой и поделим землю?

– Клянемся! – грянул многотысячный хор людей, чем не на шутку встревожил неприятеля.

Затем командир перешел к Приказу № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В нем говорилось, что отныне солдаты и офицеры имеют равные права. И все граждане Свободной России тоже отныне равны. Никакой дисциплины больше не будет. Ненавистные офицеры – это враги народа, больше не нужно им подчиняться и вообще держать их в армии. Армией теперь будут управлять солдаты. Пусть рядовые сами выбирают из своего состава лучших и создают комитеты в ротах, полках, корпусах и армиях.

Нас ошеломил этот поток красивых фраз. Люди от них становились как пьяные. Торжества продолжались, не ослабевая, целых четыре дня: столь неудержимым оказался восторг наших ребят. Германцы поначалу никак не могли взять в толк причину происходившего. Когда же узнали, сразу прекратили стрельбу.

А у нас шли бесконечные митинги, митинги, митинги. Весь полк, казалось, непрерывно, днем и ночью, заседал, слушая нескончаемые речи, в которых почти все время повторялись слова «свобода» и «мир». Люди изголодались по красивым словам и с упоением слушали их.

В первые несколько дней солдаты забросили службу. И хотя эта великая перемена глубоко потрясла меня и я день или два полностью разделяла восхищение и ликование людей, во мне рано проснулось чувство ответственности. Из Манифеста и речей я поняла только одно: от нас требовали еще крепче и упорнее, чем прежде, удерживать линию фронта. Не в этом ли заключался для нас смысл революции? Солдаты тоже будто бы так думали, но не могли вырваться из порочного круга митингов, речей и иллюзий. Все еще ошарашенные событиями, они казались мне лунатиками, выпущенными на волю. Фронт превратился в настоящий сумасшедший дом.

Однажды – это было в первую неделю революции – я приказала солдату заступить в секрет. Он отказался.

– Я не стану выполнять приказов бабы, – проворчал он. – Что хочу, то и делаю. У нас теперь свобода.

Меня это больно задело. Как же так? Ведь неделей раньше этот самый солдат бросился бы за меня в любой огонь. А теперь он насмехается надо мной. Это невероятно! Просто ужасно!

– Ха-ха-ха! – издевался он. – Можешь сама идти.

Раздосадованная, я схватила винтовку и сказала:

– Не смогу, что ли? Да я пойду и покажу, как свободный гражданин должен защищать свою свободу!

Выбравшись из траншеи, я отправилась на пост, где

оставалась целых три часа.

В беседах с солдатами я взывала к их чести и доказывала, что революция накладывает на них еще большую ответственность. Они соглашались, что защита Отечества – это самая важная из стоящих перед нами задач. Но разве революция не сделала их свободными и не разрешила им учредить собственный контроль в армии и упразднить дисциплину? Солдаты были полны энтузиазма, но послушание противоречило их представлениям о свободе. Понимая, что мне просто не под силу заставить солдат исполнять свои обязанности, я пошла к ротному командиру и попросила демобилизовать меня из армии и отправить домой.

– Не вижу никакого проку околачиваться здесь и ничего не делать, – сказала я. – Если вы это называете войной, то мне лучше уйти из армии. Я не могу заставить своих солдат выполнять приказ.

– Ты что, с ума сошла, Яшка? – спросил меня командир. – Ведь ты такая же, как они, крестьянка, тебя все любят, и если ты не можешь оставаться в армии, тогда что же делать нам, офицерам? Наш долг – стоять до последнего, пока солдаты не одумаются. Мне тоже трудно, Яшка, – признался он, понизив голос. – Я тоже не могу справиться. Так что, видишь, мы все в одной упряжке и обязаны держаться до конца.

Мне было очень неприятно, но я осталась. Мало-помалу, однако, дела наши выправлялись. Начали действовать солдатские комитеты, но они не вмешивались в чисто военные вопросы. Офицеры с замашками типичных царских чинуш и те, которых солдаты особенно не любили, исчезли с началом революции. Ушел даже полковник Штубендорф, наш командир полка, вероятно, из-за своего немецкого происхождения. Новым командиром стал любимый солдатами офицер Кудрявцев.

Дисциплина постепенно восстанавливалась. Но она уже не была прежней и не держалась на страхе перед наказанием. То была дисциплина, основанная на высоком чувстве ответственности, которое скоро овладело солдатскими массами. Правда, сражений на фронте уже не велось. Более того, начала распространяться губительная волна братаний, которая в дальнейшем разрушила могучую русскую армию. Однако ранней весной 1917 года призывы Временного правительства и Советов еще не находили отклика среди солдат. Они были готовы неукоснительно выполнять любой приказ из Петрограда.

Те дни были еще временем огромных возможностей. Солдаты преклонялись перед теми людьми в далеком тылу, которые даровали им свободу и равенство. Мы почти ничего не знали ни о них, ни об их партиях и фракциях. И все мечтали только о мире.

Солдатам втолковывали, что мир, однако, не наступит без разгрома немцев и свержения кайзера. Поэтому все мы ожидали, что вот-вот будет дан приказ о генеральном наступлении. Если бы тогда отдали такой приказ, ничто на свете не остановило бы нас и не устояло бы под нашим натиском. Ничто! Революция дала выход стихийным силам, таившимся в наших сердцах, которые нельзя было понять тогда и вряд ли кто поймет в будущем.

Потом началось паломничество агитаторов. Приезжали представители из штаба армии, депутаты Государственной думы, эмиссары Петроградского Совета. Дня не проходило без митинга или выборов. Мы выбирали делегатов в штаб корпуса, в штаб армии, на съезд в Петроград и ходоков к правительству. Почти все ораторы отличались красноречием. Они рисовали великолепные картины будущего России – всеобщего братства, счастья и процветания. Глаза солдат загорались огоньками надежды. Даже я не раз попадалась в эти манящие сети краснобайства. А солдаты позволяли ораторам увлекать себя в эти чарующие дали и провожали выступавших громовыми овациями.

Но были и другие ораторы. Они торжественно взывали к нашему патриотизму и призывали нас выполнять те насущные задачи, которые революция возложила на плечи армии: защищать свою страну, быть готовыми в любой момент идти в наступление, чтобы вышвырнуть германцев из России и добиться столь желанной победы и мира. И на эти призывы солдаты откликались с таким же воодушевлением. Они клялись, что готовы выполнить свой долг. Можно ли было в этом сомневаться? Нет. Русский солдат любил свою Родину-мать и прежде, любил ее и теперь, но во сто крат сильнее.

Появились первые приметы весны. Вскрылись реки, оттаяли заснеженные поля. Было грязно, но от земли уже тянуло запахами весны. Ветры, напоенные ими, пьянили людей. Они несли по широким полям и долам матушки-России весть о начале новой эры. И весна расцветала в наших душах. Казалось, исстрадавшийся народ, как и вся страна, возродился к новой жизни, и каждый хотел жить, жить, жить.

Но там впереди, в нескольких сотнях шагов от нас, были германцы. Они были не свободны. Их души еще не обратились к Богу. Их сердца еще не познали той огромной радости, которую принесла эта весна. Они все еще оставались в кабале и не позволили бы нам наслаждаться нашей свободой. Они обосновались на земле нашей прекрасной страны и не желали с нее уходить. И поэтому надо было их прогнать, чтобы получить возможность начать мирную жизнь. И мы были готовы изгнать их.

Мы ждали приказа, чтобы броситься на врага, вцепиться ему в глотку, показать, на что способна Свободная Россия. Но почему же задерживался этот приказ? За чем дело стало? Почему же не ковать железо, пока оно горячо?

Однако железу дали остынуть. В тылу повсюду велись нескончаемые дебаты, а на фронте не предпринимались активные действия. И по мере того как часы превращались в дни, а дни в недели, на почве этой бездеятельности стали пробиваться первые ростки братания.

– Иди сюда, чайку попьем! – летел через ничейную землю голос из наших окопов.

А с позиций германцев доносилось:

– Сюда иди пить водка!

В течение нескольких дней дальше подобных приглашений дело не шло. Потом одним прекрасным утром какой-то солдат из наших открыто вышел на ничейную полосу, заявив, что хочет кое о чем поговорить. Он остановился на середине полосы, где его встретил германец. Между ними завязался спор. С обеих сторон к ним стали подбегать солдаты.

– Почему вы продолжаете воевать? – спрашивали наши. – Мы же сбросили царя и хотим мира, но ваш кайзер упорствует. Сбросьте своего кайзера – и разойдемся по домам.

– Вы не знаете всей правды, – отвечал германец. – Вас обманывают. Наш кайзер еще прошлой зимой предлагал мир, но русский царь отказался. А теперь союзники России заставляют ее продолжать войну. Мы же всегда готовы заключить мир.

Я была вместе с солдатами на ничейной земле и видела, как доводы немцев подействовали на них. Некоторые немцы приносили с собой водку и угощали наших ребят. Однажды, когда солдаты по возвращении на свои позиции вели жаркие споры о кайзеровских мирных предложениях, командир Кудрявцев вышел к ним и начал было их увещевать:

– Ну что ж вы делаете, ребятушки? Разве вы не знаете, что германцы – наши враги? Они же хотят вас заманить…

– К стенке его! – закричал кто-то из толпы. – Хватит нас дурачить! К стенке!

Командир успел скрыться, прежде чем призыв негодяя повлиял на толпу. Революция еще была в колыбели, и этот случай стал одним из первых признаков той болезни, которая поразила русскую армию спустя несколько месяцев. Но тогда эту болезнь еще нетрудно было вылечить. Да где взять того лекаря, который смог бы вовремя распознать и искоренить ее?

Вскоре нас сменили и отправили в резерв на постой. Там состоялся массовый митинг с участием делегата из армейского

комитета, который приехал, чтобы выступить перед нами с речью. Его приветствовал и представил собравшимся Крылов, один из наших очень толковых солдат. Он выступил хорошо и по делу.

– Покуда германцы сохраняют у власти своего кайзера и слушаются его, мира не будет, – заявил он. – Кайзер хочет ограбить Россию, отнять у нее многие губернии и подчинить их себе. Германские солдаты выполняют его волю точно так же, как вы выполняли волю царя. Разве не так?

– Так! Верно, так! Правильно! – раздались сотни голосов.

– Так вот, – продолжал Крылов, – кайзер благоволил к царю и даже был его родственником. Но кайзеру не может нравиться Свободная Россия. Он боится, что германский народ наберется у нас ума-разума и начнет революцию в своей стране. Поэтому он ищет способ лишить нас свободы, чтобы сохранить трон. Это вам ясно?

– Да! Да! Ясно! Верно! – кричали солдаты в порыве одобрения.

– Поэтому, – продолжал оратор, – наш долг состоит в том, чтобы защищать страну и драгоценную нашу свободу от кайзера. Если мы не разгромим его, он уничтожит нас. Если мы разобьем кайзера, в Германии произойдет революция и германский народ сбросит его. Тогда наша свобода будет в безопасности. Тогда мы разойдемся по домам и возьмем в свое владение всю имеющуюся землю. Но мы не можем вернуться домой, оставив неприятеля у себя за спиной. Или можем?

– Нет! Нет! Нет! Конечно нет! – прогрохотала солдатская масса.

– И мы не можем учинить мир с правителем, который всем сердцем ненавидит нас и который тайно связан с царем. Разве это не правда?

– Правда! Правда! Истинно так! Ура Крылову! – перекатывалось по громадной орущей толпе, которая неистово хлопала в ладоши.

Потом выступил делегат от армейского комитета. Солдаты были в приподнятом настроении, они жаждали услышать слова, объясняющие обстановку.

– Товарищи! – начал он. – Три года мы обливаемся кровью, страдаем от голода и холода, мокнем в грязных, завшивленных окопах. Миллионы наших собратьев убиты, искалечены, взяты в плен. Кому нужна эта война? Царю. Царь заставлял нас идти на войну и гибнуть, тогда как он сам и его клика купались в золоте и роскоши. Теперь царя нет. Так почему же мы, товарищи, должны продолжать эту войну, войну, развязанную при царе? Вы что, снова хотите тысячами отдавать свои жизни?

– Нет! Нет! Нет! Хватит с нас этой войны! – взорвалась толпа тысячами голосов.

– Правильно! – продолжал делегат. – Я с вами согласен. Действительно, нам война надоела. Вам внушают, что враг перед вами. А что сказать о врагах в тылу? Об офицерах, которые сейчас убегают с фронта и прячутся по тылам? О помещиках, которые не хотят выпускать из рук крупные земельные наделы, пожалованные им царями? О буржуях, которые веками сосут нашу кровь и богатеют за счет нашего труда? Где все они сейчас? Чего они хотят? Они хотят заставить вас сражаться с врагом здесь, а они, настоящие враги народа, будут продолжать грабить вас там, в тылу! А когда вы вернетесь домой – если вы, конечно, вернетесь, – то увидите, что вся земля и все богатства страны находятся в их руках!

– Это правильно! Верно! Он прав! – прервали его речь крики огромной толпы.

– Так вот, – продолжал выступавший, – у вас теперь два врага: один из них внешний, а другой – внутренний. И сражаться сразу с обоими вы не можете. Если продолжать войну, то внутренний враг отберет у вас свободу, землю и те права, которые вам дала революция. Поэтому надо заключить мир с германцами, для того чтобы справиться с кровососами буржуями. Разве это не так?

– Да! Так! Верно! Правильно! Мы хотим мира! Мы устали от войны! – слышалось со всех сторон.

Речь армейского делегата произвела сильное впечатление на солдат: он прав – так они считали. Если и дальше сидеть в окопах, то лишишься и земли, и всех завоеваний революции. Солдаты горячо обсуждали ситуацию. Мне было больно смотреть, как они реагировали на слова делегата. Все впечатление от выступления Крылова пропало. Те самые ребята, которые с таким воодушевлением воспринимали призывы к исполнению долга, теперь столь же пылко, если не сильнее, поддерживали идею делегата о братоубийственной войне. Я пришла в бешенство и потеряла самообладание.

– Глупые болваны! – взорвалась я. – Как легко вас сбить с толку! То вы склоняетесь в одну сторону, то в другую. Разве вы только что не одобряли верные слова Крылова, когда он говорил, что кайзер – наш враг и что мы должны прогнать его из России, чтобы добиться мира? А теперь вас подстрекают к гражданской войне, чтобы кайзер мог тем временем покорить всю Россию. Это же война! Война, понимаете, война! А на войне не может быть никакого компромисса с врагом. Дай ему вершок, и он отхватит версту! Будет вам, давайте займемся делом. Давайте выполнять свой долг.

В толпе солдат возникло какое-то движение. Кое-кто начал выражать свое недовольство. Раздались громкие возгласы:

– Чего тут стоять и слушать эту глупую бабу?

– Дай-ка ей под зад!

– Лупи ее!

Через секунду меня начали колотить. Удары посыпались со всех сторон.

– Ребята, что вы делаете? Это ж Яшка! Вы что, совсем спятили, что ли? – услышала я чей-то сочувствующий голос.

Несколько товарищей бросились на помощь и спасли меня от расправы. Отделавшись небольшими ушибами, я тут же решила просить об отпуске и ехать домой, прочь от этой войны, в которой не было боевых действий. И командир уже не мог меня отговорить. На сей раз нет.

А на следующий день на наш участок фронта приехал Михаил Родзянко, председатель Государственной думы. Нас построили для смотра, и, хотя дисциплина в армии ослабла, она с лихвой восполнялась энтузиазмом. Родзянко приветствовали бурной овацией, когда он появился перед строем.

– Ответственность за Россию, – сказал он, – которую раньше несли царь и правительство, теперь лежит на самом народе, на вас. Вот что означает свобода. И еще это значит, что мы сами, по собственной воле, должны защищать страну от неприятеля. А для этого нам всем необходимо объединиться, забыть наши раздоры и споры и противопоставить германцам прочный фронт. Враг хитер и коварен. Он говорит сладкие речи, но сердце его полно ненависти. Германцы объявляют себя вашими братьями, но они ваши враги. Им хотелось бы разобщить нас, чтобы легче было отнять у нас свободу и завоевать нашу страну.

– Верно! Верно! Правильно! Конечно! Все так и есть! Так и есть! – послышались одобряющие голоса со всех сторон.

– Свободная Россия не будет в безопасности, покуда солдаты кайзера топчут ее землю, – продолжал оратор. – Поэтому мы должны подготовиться к генеральному наступлению, чтобы одержать великую победу. Мы должны действовать вместе с нашими союзниками, которые помогают нам громить германцев. Надо уважать офицеров и подчиняться им, потому что не может быть армии без командиров, как не может быть стада без пастуха.

– Правильно! Правильно! Хорошо сказано! Это точно! Это верно! – выкрикивали солдаты.

– А теперь скажите мне, ребятушки, что вы думаете о проведении атаки на неприятеля? – спросил председатель Думы. – Готовы ли вы к тому, чтобы пойти в наступление и умереть, если потребуется, чтобы сохранить нашу драгоценную

свободу?

– Да, готовы! Мы пойдем! – отвечали тысячи голосов.

Затем председатель полкового комитета Орлов, парень образованный, выступил с ответным словом:

– Да, мы готовы сражаться. Но мы хотим, чтобы те миллионы солдат в тылу, которые разбрелись по всей стране, переполнили города, битком забили железные дороги и ничего не желают делать, вернулись на фронт. Давайте пойдем на врага все вместе. Время речей прошло. Мы хотим действий, или мы разойдемся по домам.

Товарища Орлова горячо поддержали. Действительно, он сказал именно то, что думали все мы. Было несправедливо по отношению к сидевшим в окопах позволять сотням тысяч их товарищей бездельничать в тылу. Родзянко с нами согласился. Он обещал, что приложит все силы к тому, чтобы устранить эту несправедливость. Однако в ответ на настойчивые вопросы офицеров, почему упускается блестящая возможность для проведения всеобщего наступления, он признался, что в данном случае Временное правительство и Дума бессильны.

– В этих делах первое слово принадлежит Совету, а также Керенскому и другим влиятельным фигурам в правительстве, – сказал он. – Именно они определяют политику страны. Я призывал их не упускать время и немедленно отдать приказ о генеральном наступлении, но тщетно.

Потом Орлов представил меня Родзянко, описав мои боевые заслуги с начала войны. Председатель Государственной думы был очень удивлен и растроган.

– Я хочу поклониться этой женщине, – сказал он, тепло пожимая мне руку.

Он поинтересовался моим мнением о положении на фронте. Я излила всю горечь, скопившуюся на сердце.

– Не могу смириться с новым порядком, – сказала я. – Солдаты не воюют больше с немцами. Я пошла в армию, чтобы защищать страну. А теперь это стало просто невозможно, и мне не остается ничего другого, как уехать.

– Но куда же вы отсюда поедете? – спросил он.

– Не знаю. Наверно, поеду домой. Мой отец стар, мать больна, и они так бедны, что им впору просить милостыню.

Родзянко похлопал меня по плечу.

– А не хотите ли заехать ко мне в Петроград, геройчик? Я подумаю, что можно сделать для вас.

Я с радостью приняла приглашение и сказала ребятам, что скоро уезжаю. Мне выдали новое обмундирование, а командир пожаловал сто рублей. Быстро распространилась весть о том, что

Яшка уезжает, и около тысячи солдат, многим из которых я спасла жизнь в бою, написали в мою честь благодарственное письмо.

Там была тысяча подписей! – и все имена дорогих мне парней, связанных со мной узами огня и крови. На длинном рулоне бумаги значились все бои и сражения, в которых мы участвовали, все эпизоды, связанные со спасением людей и самопожертвованием. Сердце прыгало от восторга, и глаза наполнялись слезами, но в глубине души затаились боль и тоска.

Стоял светлый май, а на сердце у меня – осенняя грусть. Да и на сердце у матери-России тоже была осень. Ослепительно сияло солнце. Поля и леса буйно цвели всеми красками весны. В окопах царил мир, спокойно было на ничейной земле. Моя страна все еще переживала радостное возбуждение от вновь обретенной свободы. Этому младенцу, выстраданному поколениями в муках и борьбе, едва исполнилось два месяца. Он появился на свет с первыми теплыми ветрами, и какими же глубоко затаенными оказались в нас силы, которые он пробудил, сколь заманчивы были его посулы! Мой народ все еще находился во власти чудесных иллюзий, возникших в те первые дни. Казалось, наступившая весна будет длиться вечно.

А мое сердце изнывало от тоски. Вся радость погасла. Мне чудилось завывание осенних ветров. Я шестым чувством ощущала неминуемую трагедию, надвигавшуюся на нас, и сердце мое скорбело о матушке-России.

Полк был построен в шеренгу, чтобы я могла попрощаться со всеми. Я обратилась с такими словами:

– Вы знаете, как я вас люблю, как вы мне дороги. Кто вытаскивал вас ранеными с поля боя? Яшка. Кто перевязывал ваши раны под огнем? Яшка. Кто переживал вместе с вами все опасности и делил все невзгоды? Яшка. Баба Яшка. Я сносила ваши оскорбления и радовалась добрым словам. Знала, как принимать от вас и то и другое, потому что понимала ваши души. Вместе с вами я могла бы выдержать все, что угодно. Но того, что творится сейчас, выносить больше не могу. Я не в силах спокойно смотреть на братание с неприятелем. Мне надоели эти бесконечные митинги и нескончаемый поток ораторов с их пустыми речами. Пора действовать, время болтовни прошло – иначе будет слишком поздно. Наша страна погибает, и свобода вместе с нею… Но я люблю вас и хочу остаться вашим другом…

Тут я остановилась. Дальше продолжать не могла. Ребята от души желали мне счастливого пути. Они говорили, что им очень жаль расставаться со мной, но, конечно, мне самой надо было решать, что делать. Они заверяли, что, как и прежде, уважают

меня и что, когда бывали дома в отпусках, всегда наказывали своим матерям молиться за меня. Они клялись, что всегда будут готовы положить свою жизнь за меня.

Командир предоставил свою легкую коляску, чтобы довезти меня до железнодорожной станции. В тот день один делегат от нашего полка отправлялся в Петроград, и мы решили ехать вместе. Солдаты пожимали мне руки на прощание, желали счастья и доброго пути. А когда лошади тронули с места, увозя меня от боевых друзей, в сердце моем словно что-то оборвалось, и я почувствовала себя очень одинокой в этом мире…

Глава одиннадцатая. Я формирую Батальон смерти

По пути в Петроград ничего особенного не произошло. Поезд был набит до отказа возвращавшимися с фронта солдатами, которые спорили днями и ночами. Я оказалась втянутой в один такой спор. Темой всех обсуждений был мир, немедленный мир.

– Но как вы добьетесь мира с германцами, – ввязалась я в разговор, – коли они захватили часть России? Сначала мы должны одержать победу, а иначе наша страна пропадет.

– Ах, ты за старый режим! Ты хочешь обратно царя! – угрожающе надвинулись на меня несколько солдат.

Сопровождавший меня делегат посоветовал попридержать язык, если я хочу благополучно добраться до Петрограда. Я последовала его совету. Он расстался со мной на вокзале, как только мы прибыли в столицу во второй половине дня. Я не знала, куда деться: никогда раньше не была в Петрограде. С адресом Родзянко я ходила туда-сюда, спрашивая, как его найти. Наконец мне посоветовали сесть на какой-то трамвай.

Примерно к пяти часам вечера я подошла к большому дому. На мгновение у меня пропала вся смелость.

«А что, если он забыл меня? Или, может быть, его нет дома и никто обо мне ничего не знает?»

Я хотела уже уйти, но куда идти? Я никого не знала в этом городе. Набравшись храбрости, позвонила и с трепетом стала ждать, когда откроется дверь. Вышла служанка, и я назвала себя, добавив, что только что приехала с фронта, чтобы встретиться с Родзянко. Меня проводили к лифту – нечто для меня совершенно новое. Наверху уже ждал секретарь председателя Думы. Он тепло приветствовал меня, сказал, что предупрежден о моем приезде, и предложил чувствовать себя как дома.

Немного погодя вышел Родзянко и, увидев меня, радостно воскликнул:

– Мой геройчик! Я рад, что вы приехали, – и поцеловал в щеку. А потом представил своей жене как «геройчика», указывая на мои военные награды. Она была очень сердечна и щедра на похвалы.

– Вы приехали как раз к обеду, – сказала она и провела в свою ванную комнату, предложив помыться после дороги. Такой теплый прием несколько ободрил меня.

За столом разговор зашел о положении дел на фронте. Когда попросили рассказать о последних событиях, я, насколько помню,

заявила следующее:

– В армии усиливается агитация за то, чтобы солдаты оставляли окопы и расходились по домам. Если не будет объявлено о наступлении, все кончено. Солдаты уйдут. Крайне необходимо также немедленно вернуть на передовую войска, разбросанные в тылу.

Родзянко отвечал примерно так:

– Многие подразделения в тылу получили приказ вернуться на фронт. Однако подчинились не все. Под влиянием большевистской пропаганды в некоторых частях начались демонстрации протеста.

Тогда я в первый раз услышала о большевиках. Шел май 1917 года.

– А кто они такие? – спросила я.

– Это группа, которой руководит некто Ленин, только что возвратившийся из-за границы через Германию, а также Троцкий, Коллонтай и другие политические эмигранты. Они участвуют в митингах, организуемых Советом у Таврического дворца, где заседает Дума, подстрекают к классовой борьбе и призывают к немедленному заключению мира.

Меня спросили также о том, как относятся солдаты к Керенскому, и сообщили, что он только что выехал на фронт.

– Керенский очень популярен. По сути, он самый популярный человек на фронте, – ответила я. – Солдаты ради него на все готовы.

Тут Родзянко рассказал одну историю, которая всех нас позабавила. В Зимнем дворце был старый швейцар, служивший при многих царских министрах. А Керенский, оказывается, взял в привычку здороваться с каждым за руку. И вот всякий раз при входе в свою канцелярию он пожимал руку этому старику швейцару и скоро стал посмешищем для слуг.

– Ну что это за министр, – жаловался старый лакей в разговоре со своим коллегой, – если он со мной здоровается за руку?

После обеда Родзянко повез меня в Таврический дворец, где представил группе солдатских депутатов, участников проходившего там заседания. Меня приветствовали аплодисментами и усадили на почетное место. Ораторы рассказывали об обстановке на разных участках фронта, и их наблюдения точно сходились с моими. Дисциплина исчезла, братание усиливалось, агитация за то, чтобы оставить окопы, набирала размах. Выступавшие доказывали, что нужно быстрее что-то предпринимать. Что можно сделать, чтобы сохранить у солдат боеспособность, пока не будет отдан приказ о

наступлении? Это было главной проблемой.

Родзянко встал и предложил выслушать мое мнение. Он рассказал, что я крестьянка, добровольно вступившая в армию в начале войны, наравне с мужчинами воевала и переносила все тяготы фронтовой жизни. Поэтому, подчеркнул Родзянко, ей надлежит лучше знать, что делать. Разумеется, это повергло меня в смущение. Я совершенно не была готова вносить какие-то предложения и потому попросила дать мне возможность поразмыслить.

Заседание продолжалось, а я глубоко задумалась. С полчаса безуспешно напрягала ум. Потом вдруг меня осенило. Так возникла идея создания женского Батальона смерти.

– Вы слышали о том, через что я прошла и что сделала, когда была солдатом, – обратилась я к присутствовавшим, получив слово. – А что, если мы соберем сотни три женщин вроде меня, возьмем их на военную службу и сделаем примером для армии, чтобы пробудить в солдатах боевой дух?

Родзянко тут же одобрил мою идею. Но добавил:

– Разумеется, если мы сумеем найти еще несколько сотен таких женщин, как Мария Бочкарева, в чем глубоко сомневаюсь…

На это я ответила, что количество не играет большой роли и что важнее всего пристыдить мужчин и, даже если на одном участке появится несколько таких женщин, это послужит примером для всего фронта.

– Необходимо только, – продолжала я, – чтобы это женское формирование не имело у себя никаких комитетов, управлялось строго по армейским законам и было образцом военной дисциплины.

Родзянко нашел мое предложение великолепным и представил себе, как это подействует на мужчин, когда они узнают, что женщины находятся в окопах и первыми пойдут в наступление.

Однако у выступавших нашлись свои возражения. Один делегат сказал:

– Никто из нас ничего не скажет против такой женщины-солдата, как Бочкарева. Фронтовики знают ее и наслышаны о ее подвигах. Но кто поручится за то, что и другие женщины будут такими же порядочными, как она, и не опозорят армию?

А другой делегат заметил:

– Кто поручится за то, что присутствие женщин-солдат на фронте не приведет к тому, что там появятся маленькие солдатики?

Это вызвало взрыв хохота. Но я возразила:

– Если я берусь за формирование женского батальона, то буду

нести ответственность за каждую женщину в нем. Я введу жесткую дисциплину и не позволю им ни ораторствовать, ни шляться по улицам. Когда мать-Россия гибнет, нет ни времени, ни нужды управлять армией с помощью комитетов. Я хоть и простая крестьянка, но знаю, что спасти русскую армию может только дисциплина. В предлагаемом мной батальоне я буду иметь полную единоличную власть и добиваться послушания. В противном случае в создании такого батальона нет надобности.

Никто не возражал против тех условий, которые я выдвинула как предварительные для формирования подобной воинской части. И все же я совсем не ожидала, что правительство отнесется к этому делу так серьезно и разрешит мне осуществить свою идею, хотя мне и сказали, что обо всем будет доложено Керенскому после его возвращения с фронта.

Председатель Государственной думы Родзянко проявил к моему проекту большой интерес. Он представил меня капитану Дементьеву, коменданту дома инвалидов, попросил выделить для меня одну-две комнаты и вообще позаботиться обо мне. Я пошла вместе с капитаном к нему домой, и там он познакомил меня с женой, очень милой и патриотически настроенной женщиной, которая вскоре со мной подружилась.

На следующее утро мне позвонил Родзянко и предложил, прежде чем докладывать военному министру Керенскому, поставить вопрос перед главнокомандующим генералом Брусиловым, который мог бы дать свое заключение с точки зрения армейского командования. Если он одобрит идею, легче будет добиться согласия Керенского.

Ставка Верховного главнокомандования находилась тогда в Могилеве, и туда мы – капитан Дементьев и я – направились, чтобы добиться приема у главнокомандующего. 14 мая нас принял адъютант главнокомандующего. Он доложил генералу Брусилову о цели нашего приезда, и тот сразу пригласил нас войти.

Не прошло и недели, как я уехала с фронта, и вот снова оказалась тут, но на сей раз не в окопах, а на аудиенции у самого главнокомандующего. Это было так неожиданно, что я не могла не удивляться в глубине души причудам судьбы. Брусилов приветливо пожал нам руки и сказал, что заинтересовался моей идеей. Предложив сесть, он попросил рассказать о себе и о том, как я собираюсь осуществить свою задумку.

Я поведала ему о своей солдатской службе и о том, что покинула фронт, так как не могла примириться с распространившимися в армии новыми порядками. Я объяснила цель моего плана пристыдить солдат в окопах тем, что женщины

станут ходить в атаку первыми. Главнокомандующий, обсудив некоторые детали плана с Дементьевым, одобрил мою идею. Он попрощался с нами, выразив надежду на успех моего дела, и я в хорошем настроении уехала в Петроград.

Керенский между тем вернулся с фронта. Мы позвонили по телефону Родзянко и рассказали о результатах нашей поездки. Он сообщил, что уже договорился о встрече с Керенским и что тот примет его на следующий день в семь часов утра. После визита к Керенскому Родзянко по телефону известил нас о том, что организовал мне встречу с Керенским в Зимнем дворце в полдень следующего дня.

Капитан Дементьев отвез меня во дворец, и около двенадцати я была уже в приемной военного министра. К моему удивлению, я встретила там генерала Брусилова, который спросил, не иду ли я к Керенскому по тому же вопросу. Я ответила утвердительно. Он обещал поддержать мою идею перед военным министром и тут же представил меня генералу Половцеву, командующему Петроградским военным округом, сопровождавшему его.

Внезапно дверь широко распахнулась, и я увидела моложавого на вид человека с воспаленными от бессонницы глазами. Это был Керенский. Он кивнул мне, приглашая войти. Одна его рука была на перевязи, другую он протянул мне. В то время он был кумиром масс.

Керенский нервно расхаживал по кабинету, говорил отрывисто и сухо. Сообщил, что слышал обо мне и заинтересовался моей идеей. И тогда я обрисовала ему общий характер и цель своего проекта, заявив, что в женском батальоне не должно быть никаких комитетов, а должна сохраняться армейская дисциплина.

Керенский слушал с явным нетерпением. Было очевидно, что он уже принял решение по этому делу. Сомневался лишь в одном: смогу ли я сохранить в этом батальоне высокий моральный дух и нравственность. Керенский сказал, что разрешит мне начать формирование немедленно, если я возьму на себя ответственность за поведение и репутацию девушек. Я дала обещание, и дело было решено. Тут же мне были предоставлены полномочия на формирование воинской части под наименованием «Первый русский женский Батальон смерти».

Все казалось таким невероятным. То, что лишь несколько дней назад представлялось чистой фантазией, теперь принято и одобрено высочайшим начальством как реальная политика. Я была вне себя от радости. Когда Керенский провожал меня до дверей, взгляд его остановился на генерале Половцеве. Он попросил его оказать мне любую необходимую помощь. Я чуть не

задохнулась от счастья.

Между капитаном Дементьевым и генералом Половцевым тут же состоялось краткое совещание, и последний внес такое предложение:

– Почему бы не начать все это завтра вечером в Мариинском театре, на благотворительном вечере в пользу дома инвалидов? Там будут выступать Керенский, Родзянко, Чхеидзе и другие. Давайте дадим слово Бочкаревой после Родзянко, перед Керенским.

Меня охватил страх, и я отчаянно запротестовала, сказав, что никогда не выступала перед публикой и даже не знаю, что говорить.

– Вы скажете то же самое, что говорили Родзянко, Брусилову и Керенскому. Просто расскажите о том, что думаете о положении на фронте и в стране, – убеждали они, отклоняя мои возражения.

Прежде чем я успела понять, что происходит, меня привели в фотоателье и сделали там несколько фотографий. А на следующий день мои портреты уже красовались по всему городу на афишах, оповещавших о моем выступлении в Мариинском театре по поводу формирования женского Батальона смерти.

Ночью, накануне этого вечера, я не сомкнула глаз. Все казалось каким-то кошмарным сном. Как я буду выступать вместе с такими известными людьми, как Родзянко и Керенский? Как предстану перед собранием образованных людей я, неграмотная крестьянская женщина? И что я им скажу? Ведь я не обучена красиво говорить. Отродясь не видала подобного места, как Мариинский театр, куда раньше ходили царь и члены императорской семьи. Я ворочалась в кровати и была как в лихорадке.

– Всевышний Отец мой, – молилась я со слезами, – укажи покорной рабе Твоей дорогу к истине. Боюсь я… Всели храбрость в сердце мое. Колени мои подгибаются: укрепи Ты их силою Своей. Разум мой в потемках: озари его светом Своим. Речь моя – болтовня невежественной бабы, так мудростью Своей сделай ее складной и заставь проникнуть в сердца тех, кто будет меня слушать. Сотвори все это не ради покорной рабы Твоей Марии, а ради спасения России, моей несчастной страны…

Когда я утром встала с постели, глаза у меня были красные и воспаленные. Я нервничала весь день. Капитан Дементьев посоветовал заучить речь наизусть. Я отказалась, заявив следующее:

– Я доверилась Господу в этом деле, и, надеюсь, Он пошлет мне нужные слова.

Наступил вечер 21 мая 1917 года. Капитан Дементьев привез

меня и свою жену на автомобиле к Мариинскому театру и ввел нас в бывшую императорскую ложу. Зал был переполнен, выручка от продажи билетов достигла двадцати тысяч рублей. Мне казалось, что все смотрят на меня, и я едва владела собой.

На сцену вышел Керенский, встреченный громовыми аплодисментами. Он говорил всего минут десять. Следующим оратором по программе была госпожа Керенская, а я вслед за ней. Однако госпожа Керенская, оказавшись в свете рампы, от волнения чуть не упала в обморок. И это, конечно, не прибавило мне храбрости. Меня вывели на сцену в полуобморочном состоянии. Как бы со стороны я услышала свой голос:

– Граждане и гражданки! Наша мать погибает. Наша мать-Россия. Я хочу помочь спасти ее. Я обращаюсь к женщинам, чьи сердца кристально честны, чьи души чисты, чьи помыслы благородны. С такими женщинами мы покажем пример самопожертвования, чтобы мужчины осознали свой долг и исполнили его в этот тяжкий час испытаний!

Тут я остановилась и не могла дальше говорить. Рыдания душили меня, дрожь пошла по всему телу, ноги стали ватными. Меня подхватили под руки и увели со сцены под громоподобные аплодисменты.

В тот же вечер в театре состоялась запись добровольцев в батальон из числа присутствующих. Так велико было всеобщее воодушевление, что ко мне обратились с просьбой о зачислении полторы тысячи женщин. Возникла необходимость немедленно предоставить в мое распоряжение какую-то казарму, и было решено отдать здание и территорию Коломенского женского института. Я распорядилась, чтобы женщины явились туда на следующий день, где им должны были устроить проверку и официально зачислить в батальон.

Благодаря статьям в газетах об этом вечере и другой пропаганде набралось около двух тысяч женщин, пожелавших вступить в Батальон смерти. Они толпились во дворе института в восторженном возбуждении. Я прибыла туда вместе с помощником генерала Половцева штабс-капитаном Кузьминым, капитаном Дементьевым и генералом Аносовым, которого мне представили как человека, очень заинтересовавшегося моей задумкой. Ему было лет пятьдесят, и выглядел он весьма солидно. Он сказал, что очень хочет мне помочь. Кроме того, появилось около десятка газетчиков. Я поставила стол посреди двора и обратилась к собравшимся со следующими словами:

– Женщины, знаете ли вы, зачем я позвала вас сюда? Хорошо ли вы представляете себе ту задачу, которая стоит перед вами? Знаете ли вы, что такое война? Война! Прислушайтесь к вашим

сердцам, загляните в ваши души, проверьте себя и подумайте, под силу ли вам выдержать это великое испытание… В час, когда наша страна гибнет, долг каждой из нас – подняться ей на помощь. Моральный дух наших мужчин очень низок, и мы, женщины, обязаны послужить им вдохновляющим примером. Но сделать это смогут только те, кто готов полностью пожертвовать своими личными интересами и делами… Женщины по своей природе беспечны. Но если они обрекают себя на жертву, то могут спасти свою родину и ласковым словом, и любящим сердцем, и геройским поступком. Мы слабы телом, но если будем крепки духом, то добьемся того, что не под силу многочисленному вооруженному войску.

– В батальоне, – продолжала я, – не будет никаких комитетов. Устанавливается строгая дисциплина, и за любое, даже самое незначительное ее нарушение последует серьезное наказание. Всякий флирт и даже намек на него будет наказываться отчислением и отправкой домой под конвоем. Батальон имеет целью укрепить дисциплину в армии. Поэтому нам нужно быть безукоризненными. А теперь скажите мне, готовы ли вы идти служить на таких условиях?

– Да! Мы готовы! Все правильно! Хорошо! – нестройным хором отвечали женщины.

– Теперь я попрошу тех из вас, кто принимает мои условия, подписать обязательство повиноваться любому приказу Бочкаревой. Предупреждаю, что я по натуре человек суровый и буду лично наказывать за любой проступок и требовать от вас беспрекословного подчинения. Те, кто сомневается, пусть лучше не подписывают это обязательство. А сейчас вы пройдете медицинский осмотр.

Подписавших обязательства набралось почти две тысячи, среди них девушки из очень известных семей в стране, а также простые крестьянки и прислуга. Медицинская проверка, проведенная десятью докторами, среди которых имелись и женщины, конечно, не отвечала тем стандартам, какие применялись в отношении мужчин. Разумеется, женщин с отличным здоровьем набралось не так много. Но мы отказывали только тем, кто страдал серьезными недугами. Всего было отказано в зачислении лишь нескольким десяткам человек. Всем зачисленным разрешили переночевать дома, с тем чтобы на следующий день они явились в здание института для постоянного расквартирования и прохождения военной подготовки.

Необходимо было достать обмундирование, и я обратилась за помощью к генералу Половцеву, командующему Петроградским военным округом. В тот же вечер в штаб батальона доставили две

тысячи полных комплектов. Я также попросила генерала Половцева откомандировать в мое распоряжение двадцать пять инструкторов-мужчин, которые бы отличались хорошей дисциплиной, умели поддерживать воинский порядок и знали все хитрости военного дела, чтобы провести весь курс обучения девушек в две недели. Он прислал двадцать пять унтер-офицеров всех рангов из Волынского полка.

Далее встал вопрос о снабжении и питании. Должны ли мы иметь собственную кухню? Сочли более целесообразным не устраивать свою кухню, а воспользоваться имевшейся у расположенного поблизости караульного полка. Рацион такой же, как у регулярных частей: два фунта хлеба, щи, каша, сахар и чай. Я отправляла в столовую по одной роте. Для еды брали свои котелки.

Утром 26 мая все новобранцы собрались на территории института. Я построила их в шеренги, показав, как становиться по росту, и разбила их на два батальона примерно по тысяче человек в каждом. Оба батальона делились на четыре роты, а роты – на четыре взвода. Каждым взводом командовал мужчина-инструктор, а во главе каждой роты были поставлены старшие унтер-офицеры или фельдфебели. Поэтому пришлось увеличить число мужчин-инструкторов до сорока.

Я объявила женщинам, что с этого момента они становятся солдатами, что им нельзя отлучаться из расположения части и что встречаться с родными и друзьями они могут только между шестью и восемью часами вечера. Из числа более образованных девушек – а среди них было немало выпускниц университетов – я отобрала нескольких для последующего производства в офицерские чины и назначения на должности командиров рот и взводов, чьи задачи поначалу ограничивались внутренним управлением подразделениями, поскольку офицеры-мужчины, служившие инструкторами, после учебного дня возвращались в свои казармы.

Затем я повела своих подопечных строем в четыре ближайшие парикмахерские, где несколько парикмахеров трудились с пяти часов утра и до полудня, остригая женщинам волосы почти наголо. У дверей парикмахерских собрались толпы народа поглядеть на небывалое зрелище и посмеяться над стриженными девушками, которые выходили из парикмахерской, вероятно, со щемящим сердцем.

В тот же день мои солдаты получили первые уроки военной подготовки в большом парке института. У ворот был поставлен часовой, чтобы не впускать никого без разрешения дежурного офицера. Караул сменялся каждые два часа. Парк был окружен

высоким забором, так что обучению никто не мешал. Строго запрещалось хихикать, и я сама внимательно наблюдала за девушками. Около тридцати из них я безжалостно отправила домой в первый же день: одних за то, что слишком много смеялись, других – за всякие фривольности. Несколько таких девиц просили у меня прощения. Но мое мнение было такое: если с самого начала не держать их в строгости, то лучше сразу отказаться от этой затеи. Чтобы слово имело силу, оно должно быть твердым и окончательным. Так я решила. Да и как иначе можно управлять двумя тысячами женщин? Как только одна из них нарушала приказ, я отбирала форму и отсылала ее прочь. Для нашего дела было важно не количество, а качество, и я положила себе за правило не останавливаться, даже если придется отчислить несколько сотен новобранцев.

Для учебных тренировок мы получили пятьсот винтовок, которых хватило лишь на четверть личного состава. Пришлось изобрести такой метод, который позволял бы использовать винтовки всему составу части. Было также признано целесообразным ввести особые знаки отличия для солдат и офицеров Батальона смерти. Поэтому мы придумали новые погоны – белые с красными и черными полосами. На правом рукаве гимнастерки нашивалась красно-черная стрела. Я заказала две тысячи таких знаков.

Когда наступил вечер и пробил час отхода ко сну, девушки проигнорировали приказ об отбое в двадцать два ноль-ноль и продолжали шушукаться и веселиться. Я вызвала дежурного офицера и отчитала ее, угрожая поставить под ружье на шесть часов в том случае, если солдаты не будут спать после десяти. Пятьдесят из них я тут же наказала, поставив на два часа по стойке «смирно». А остальным приказала:

– Всем немедленно в постель! И чтобы было слышно, как муха пролетит. Завтра утром подъем в пять часов.

Ночь я провела без сна. Нужно было многое обдумать и решить.

В пять часов утра на ногах была только дежурный офицер. Ни одна живая душа не шевельнулась в казармах. Дежурный офицер доложила, что несколько раз будила девушек, но ни одна не поднялась. Я вошла в казарму и гаркнула:

– Вставай!

Перепуганные и заспанные, девушки повскакивали с постелей. Как только они оделись и умылись, был отдан приказ становиться на молитву. Я сделала молитву ежедневной обязанностью. Затем последовал завтрак, состоявший из хлеба и чая.

В восемь я приказала построиться по ротам для смотра и прошла вдоль шеренг, приветствуя солдат. Они отвечали дружным:

– Здравия желаем, господин начальник!

Начались занятия, и я продолжила отбор состава. Как только я замечала, что девушка кокетничает с инструктором, ведет себя легкомысленно, хитрит или вообще относится ко всему кое-как, я тут же приказывала ей сдать форму и отправляться домой. В результате на второй день я выгнала еще около пятидесяти человек. Вряд ли можно преувеличить тяжесть той ответственности, которую я взвалила на себя. Я постоянно призывала женщин-солдат как можно серьезнее относиться к своим задачам. Батальон должен был стать образцовым, в противном случае я бы сделалась посмешищем для всей страны и подвела тех, кто одобрял и поддерживал идею, а таких становилось с каждым днем все больше. Я перестала принимать заявления у прибывающих новичков, потому что нужно было поскорее заканчивать курс обучения и отправлять батальон на фронт. И эта задача была самой важной.

Строевые учения и муштра продолжались в течение нескольких дней, девушки овладевали начатками солдатской службы. Несколько раз я прибегала к пощечинам в качестве наказания за дурное поведение.

Однажды часовой у ворот доложила дежурному офицеру, что ко мне пришли две женщины. Я приказала батальону стоять по стойке «смирно» во время приема гостей. Одна из посетительниц была англичанка Эмелин Панкхерст, а вторая – княгиня Кикутова, с которой меня познакомили раньше.

Госпожу Панкхерст подвели ко мне, и батальон приветствовал известную суфражистку, которая так много сделала для женщин в своей стране и во всем мире. Г-жа Панкхерст стала частой гостьей в батальоне и с большим интересом следила за тем, как он постепенно превращался в хорошо дисциплинированную воинскую часть. Мы очень привязались друг к другу. Г-жа Панкхерст пригласила меня как-то на званый ужин в «Асторию», знаменитую гостиницу Петрограда. На ужине должны были присутствовать Керенский и представители союзных держав в столице.

Между тем батальон быстро делал успехи. Поначалу нам очень докучали. Большевистские агитаторы неодобрительно отнеслись к моей идее и ожидали, что она скоро провалится. В первые дни я получила около тридцати писем с угрозами. Однако постепенно становилось очевидным, что мне удается поддерживать в части строжайшую дисциплину, командовать

батальоном без комитетов, и тогда агитаторы поняли, что мой план представляет для них опасность, и начали искать способы разрушить его.

В тот вечер, когда давался званый ужин, я поехала в «Асторию». Керенский был со мной очень любезен. Он сказал, что большевики готовят демонстрацию против Временного правительства. Поначалу Петроградский гарнизон согласился провести демонстрацию в поддержку правительства, но потом заколебался в своем решении. Военный министр спросил, смогу ли я вывести свой батальон для марша в поддержку Временного правительства.

Я с удовольствием приняла это предложение. Керенский отметил, что женский батальон уже оказывает благотворное влияние на обстановку: несколько воинских частей изъявили готовность отправиться на фронт, многие инвалиды войны организовались с целью возвращения на передовую, заявляя при этом, что уж если женщины идут сражаться, тогда пойдут и они, калеки. Наконец он выразил надежду, что объявление о марше Батальона смерти заставит весь гарнизон последовать примеру женщин.

Я провела в «Астории» очень приятный вечер. После ужина знакомый, которому было со мной по пути, предложил подвезти меня. Я приняла предложение, но вышла из машины за квартал до института, так как не хотела его задерживать. Было около одиннадцати часов вечера, когда я подошла к нашим временным казармам. У ворот собралась небольшая толпа мужчин, человек тридцать пять, весьма разношерстная – солдаты, бродяги, хулиганы и несколько даже вполне приличных на вид молодых людей.

– Кто такие? Что вам здесь надо? – спросила я строго.

– Начальник, – крикнула девушка-часовой, – они вас дожидаются. Уже больше часа околачиваются: ворота сломали и прочесали всю территорию – вас искали. А когда не нашли, решили ждать здесь вашего возвращения.

– Ну и что же вы хотите? – спросила я, когда они меня окружили.

– Чего хотим, да? Хотим, чтобы ты распустила батальон. Мы сыты по горло этой дисциплиной. И крови пролили достаточно. Мы не хотим больше никаких армий, никакой военщины. Ты только принесешь новые беды простому народу. Распусти свой батальон, и мы отстанем от тебя.

– Не распущу! – заявила я твердо.

Некоторые из них выхватили револьверы и стали мне угрожать. Караул поднял тревогу, и в окнах появились девчата,

многие с винтовками наизготове.

– Ну послушай, – продолжали они уговаривать меня, – ты же сама из народа, а мы простым людям только блага желаем. Мы хотим мира, а не войны. А ты опять подстрекаешь к войне. Мы достаточно нахлебались этой войны, слишком ее много. Хватит! Война бессмысленна. Ведь ты же сама не хочешь, чтобы бедных людей убивали ради блага немногих богатых. Давай переходи на нашу сторону, и будем вместе добиваться мира.

– Сволочи! – закричала я что было силы. – Вы все идиоты! Да, я хочу мира, но его не будет, пока не прогоним германцев из России. Иначе они превратят нас в рабов и отнимут у нас и землю, и свободу. А вы – предатели!

Внезапно кто-то сильно толкнул меня в спину. Потом ударили сбоку.

– Огонь! – скомандовала я своим девушкам, когда меня уже повалили на землю.

Но я знала, что они выстрелят сначала в воздух, как их учили, в качестве предупреждения. Несколько сотен выстрелов грохнули залпом. Нападавшие быстро разбежались. Я была спасена. Однако они вернулись ночью, стали бросать камни и выбили все стекла в окнах, выходящих на улицу.

Глава двенадцатая. Борьба против комитетов

Было уже за полночь, когда я вошла в казарму. Дежурный офицер доложила о случившемся в тот вечер. Оказывается, сначала один из этой группы, большевистский агитатор, проник в помещение, сказав часовому, что его с какой-то целью прислала я. Когда его пропустили, он собрал всех женщин и обратился к ним с речью, призывая их создать комитет и установить самоуправление в соответствии с новым духом в армии. Он смеялся над тем, что они покорно подчинялись дисциплине, которую я ввела, называл ее царистской и выражал сочувствие девушкам, подвергшимся наказаниям по моему приказу. Агитируя против войны, за мир любой ценой, он призывал моих новобранцев действовать, как подобает свободным гражданам: снять с должности «реакционного» начальника и демократическим путем выбрать нового.

В результате его подстрекательства в батальоне произошел раскол. Больше половины девушек поддержали агитатора.

– Мы свободны! – кричали они. – Это не старый режим! Мы хотим быть независимыми! Хотим пользоваться всеми нашими правами!

После голосования отступницы, оказавшись в большинстве, отделились и выбрали свой комитет.

Я была серьезно обеспокоена и, несмотря на поздний час, приказала девушкам построиться. Когда этого удалось добиться, я скомандовала:

– Те, кто за комитет, становись направо. Кто против – налево.

Большая часть батальона оказалась справа. На левой стороне осталось не более трехсот человек.

– Теперь те из вас, кто за установленный мною порядок, кто согласен принимать наказание при нарушении устава как должное, кто за соблюдение строжайшей дисциплины в батальоне и управление без комитета, пусть скажут «да», – крикнула я.

Группа из трехсот человек, стоявшая слева, дружно отозвалась:

– Да! Мы согласны, господин начальник!

Тогда, повернувшись к молчавшей толпе справа, я спросила:

– Зачем вы вступили в батальон? Я же с самого начала предупреждала, что будет трудно. Разве вы не подписывали обязательств подчиняться беспрекословно? Комитеты занимаются лишь пустой болтовней, а мне нужны дела, а не слова.

– Мы не рабыни, а свободные женщины! – закричали в ответ бунтовщицы. – Сейчас не старый режим. Мы хотим более учтивого обращения, большей свободы. Хотим управлять своими делами сами, как это делают везде в армии.

– Ох, какие же вы глупые женщины! – сказала я им с болью в сердце. – Я создавала этот батальон вовсе не для того, чтобы он был похож на другие подразделения в армии. С нас должны брать пример, а вы хотите, чтобы к тем миллионам солдат, которые разбрелись теперь по всей России, добавилось еще несколько сотен баб в военной форме. Мы призваны проложить новый путь, а не следовать за деморализованной армией. Кабы знала, из какого вы теста, не ехала бы за тысячу верст, чтобы вас собрать. Подумайте только, нам предстояло первыми начать генеральное наступление. А что теперь? Вот у нас комитет, и вот подходит час наступления. А комитет вдруг решает не идти вперед в атаку, и вся наша затея рушится.

– Вот именно, – закричали отступницы. – Сами будем решать, наступать нам или нет.

– Тогда вот что, – сказала я с презрением. – Вы недостойны той формы, которую надели. Эта форма для тех, кто готов на благородное самопожертвование, – для истинных патриотов, чистых душой, честных и верных долгу. Вы же позорите эту форму. Сдайте ее и убирайтесь.

Мой приказ был встречен взрывом негодования.

– Нас большинство! Мы отказываемся подчиняться вашим приказам! Не признаем больше вашу власть! Мы выберем нового начальника!

Я была больно уязвлена, но постаралась сохранить самообладание. Решила обратиться к ним по-иному:

– Никакого нового начальника вы выбирать не будете. Если хотите уходить – уходите без шума. Не теряйте женского достоинства, не поднимайте скандала. Если все это получит широкую огласку, над нами будут смеяться. Мужики скажут, что бабы не способны заниматься серьезным делом, не знают, как правильно его вести, и что от них одна только склока. Мы станем притчей во языцех, и это будет позором для всех нас, женщин.

– Но почему вы так жестоки с нами, так непреклонны? – снова начали спорить отступницы. – Почему держите нас, как в тюрьме, не даете отпусков, не разрешаете гулять, всегда кричите и гоняете своими приказами? Вы же превращаете нас в рабынь.

– Я говорила вам с самого начала, что буду строга, буду кричать и наказывать. Что же до того, что не разрешаю вам выходить из расположения части, то вы знаете: я делаю это потому, что не уверена в вашем поведении. Я хотела, чтобы этот

дом стал священным местом. Я молилась Богу, чтобы Он даровал нам всем Свое целомудрие. Я желала, чтобы вы пошли на фронт, как святые, надеясь на то, что вражеская пуля обойдет вас стороной.

Всю ночь в казармах шел жаркий спор. Я удалилась к себе, дав указания офицерам предоставить бунтовщицам возможность действовать по их собственной воле и даже позволить им покинуть батальон в военной форме. Я была близка к отчаянию, когда думала о таком печальном обороте дела – позорном поступке этих девчонок, которые клялись быть верными идее, а потом отказались от защиты того знамени, которое сами подняли.

Утром мне доложили, что отступницы направили делегацию ходоков к генералу Половцеву, командующему военным округом, с жалобой на меня и что они все ушли, не сдав форму. В тот же день я была вызвана к генералу Половцеву, чтобы доложить обо всем, что произошло. Генерал посоветовал мне согласиться с частью требований бунтовщиц и помириться с ними.

– По всей армии и сейчас действуют солдатские комитеты. Не можете же вы одна не подчиняться новому порядку. Пусть ваши девушки организуют комитет, чтобы избежать скандала и спасти большое и важное дело…

Генерал Половцев пытался уговорить меня. Но я стояла на своем. Тогда он рассказал мне, что солдаты 1-й и 10-й армий, прослышав о нас, купили нам в дар две серебряные иконы в золотых окладах – Божьей Матери и Георгия Победоносца. Кроме того, они заказали два штандарта и велели вышить на них золотыми нитями эмблемы и надпись в нашу честь. А Керенский решил устроить торжества в связи с отправкой батальона на фронт. Ознакомившись с моим послужным списком, он решил купить золотой крест, чтобы преподнести его мне.

– Ну и что, отменять это торжество, если вы не усмирите ваших девиц? – спросил генерал.

Конечно, лестно было услышать рассказ Половцева, но я полагала, что прежде всего нужно думать о деле и долге. И я не собиралась отступать, несмотря на обещанные почести и заверения генерала, что женщины батальона попросят у меня прощения, если я разрешу им создать комитет.

– Я ни за что не стану держать бунтовщиц в батальоне. Однажды предав меня, они предадут и в другой раз. Поэтому я всегда буду считать их врагами нашего дела. Они высосут из меня здесь все силы и опозорят на фронте. Задача создания батальона состояла в том, чтобы показать пример деморализованной армии. Как только у них появится комитет – все пропало. С батальоном будет то же, что произошло с армией. Развал армии – достаточная

причина для того, чтобы решительно отказаться от новой системы комитетов.

Таковы были мои доводы.

– Да, я согласен с вами, что комитеты – наше проклятие, – признался генерал. – Но что поделаешь?

– Могу сказать только одно, – категорически заявила я, – в моем батальоне никаких комитетов не будет.

Генерал вскочил и, стукнув кулаком по столу, прогремел:

– Я приказываю вам создать комитет!

Я тоже вскочила и, тоже грохнув по столу кулаком, громко повторила:

– А я не буду выполнять ваш приказ! Я взялась за эту работу при условии, что мне позволят руководить батальоном так, как сочту нужным, и без всяких комитетов.

– Тогда мне ничего больше не остается, как распустить ваш батальон! – объявил генерал Половцев.

– Коли угодно – хоть сию минуту! – отпарировала я и поехала в институт.

Зная, что бунтовщицы получили от генерала распоряжение вернуться, я поставила у ворот караул из десяти вооруженных солдат и приказала никого не впускать в расположение части, а в случае тревоги – стрелять. Многие бунтовщицы пришли обратно, но, завидев винтовки, ретировались. И опять направились к Половцеву, но на сей раз генерал ничем не мог им помочь. Он доложил обо всем Керенскому, рекомендовав ему принять какие-то меры, чтобы обуздать меня.

Я приступила к переформированию батальона. От него осталось всего три сотни человек, но это были самые верные и надежные женщины. Меня не смущало такое сокращение численности батальона. Большинство оставшихся составляли такие же, как и я, крестьянки, неграмотные, но искренне преданные матери-России. Все – моложе тридцати пяти, за исключением одной, по фамилии Орлова. Ей было уже сорок, и она отличалась необычайно тучным телосложением. Мы возобновили учение с еще большим рвением, чем прежде.

День или два спустя позвонил адъютант Керенского и вызвал меня в Зимний дворец на встречу с военным министром. В приемной собралось много людей, я поздоровалась со знакомыми. В назначенное время меня пригласили в кабинет Керенского.

Он решительным шагом расхаживал по кабинету и выглядел мрачным.

– Доброе утро, господин министр, – поздоровалась я.

– Доброе утро, – ответил он холодно, не подав руки. – Вы

солдат? – спросил он отрывисто.

– Так точно, – ответила я.

– Тогда почему же не подчиняетесь старшим по званию?

– Потому что в этом деле я полностью права. Приказы начальства противоречат интересам моей страны и нарушают предоставленные мне полномочия.

– Вы обязаны подчиняться приказам! – закричал Керенский, и голос его перешел на визг, а лицо вспыхнуло гневом. – Я требую, чтобы завтра же в батальоне был комитет! Чтобы вы вежливо обращались с девушками! Чтобы вы перестали их наказывать! Иначе я сотру вас в порошок!

И для убедительности военный министр ударил кулаком по столу. Но я чувствовала свою правоту, и эта вспышка раздражения меня не испугала. Наоборот, она только укрепила мою решимость.

– Нет! – заорала я, тоже треснув кулаком по столу. – Не стану я создавать никаких комитетов. Я начала с того, что установила в батальоне строжайшую дисциплину. И тогда все отнеслись к этому с пониманием. Можете расформировать батальон сейчас же. Я уеду домой, в деревню, и буду жить там в мире и покое. Но я была солдатом и хочу им остаться.

С этими словами я выбежала из кабинета, хлопнув дверью перед носом удивленного министра.

Сильно взволнованная, я вернулась в институт, собрала своих девчат и сказала им:

– Завтра я уезжаю домой. Батальон будет расформирован, потому что я ни за что не соглашусь на создание здесь комитета. Как вы помните, я предупреждала всех подавших заявление, что буду требовать строжайшей дисциплины. Мне хотелось сделать этот батальон образцовым, чтобы он навечно вошел в историю нашей страны. Я надеялась доказать, что женщины могут преуспеть там, где мужчины терпят неудачу. Я мечтала, что женщины смогут воодушевить мужчин на великие дела и спасти нашу несчастную страну. Но мои надежды не оправдались. Большинство из тех, кто откликнулся на мой призыв, оказались трусливыми, слабыми девчонками, и они разрушили мой план спасения многострадальной России. Я только что вернулась от Керенского. Он сказал, что в батальоне должен быть создан комитет, а я отказалась. Вы понимаете, что будет означать для нас комитет?

– Нет, начальник. Нет, – отвечали мои женщины.

– Комитет, – объяснила я, – это не что иное, как бесконечная говорильня. Комитеты развалили армию и страну. Война есть война, и на войне не разговаривают, а действуют. Я не могу

подчиниться распоряжению о создании в батальоне комитета, то есть как раз той системы управления, которая разрушила, развалила нашу доблестную армию. Поэтому я уезжаю домой… Да, уезжаю завтра…

Девушки в слезах бросились к моим ногам. Они плакали и умоляли меня остаться.

– Мы вас любим. Мы будем с вами до конца, – со слезами на глазах говорили они. – Можете наказывать нас, даже бить, если хотите. Мы понимаем и уважаем ваши намерения. Вы хотите помочь спасти Россию, и мы желаем быть полезными вам в этом деле. Можете обращаться с нами как угодно, даже убить, но только не бросайте нас. Ради вас мы готовы на все. Мы сами пойдем к генералу Половцеву и разорвем его на части!

Обхватив мои ноги, они обнимали, целовали меня, клялись в любви и преданности. Я была глубоко тронута. Мое сердце исполнилось благодарности и любви к этим храбрым подругам. Они казались мне детьми, моими собственными детьми, и я ощущала себя их заботливой, нежной матерью. И если я восстановила против себя полторы тысячи злых душ, то обрела глубокую преданность трехсот благородных. Они хлебнули горечи солдатской жизни и не струсили. А вот другие, маскировавшие свою никчемность лозунгами «демократии», оказались трусами. Эти же не искали себе никаких оправданий. Перспектива пожертвовать своей жизнью их не страшила. И мысль о трехстах русских девушках, с их смелыми сердцами, чистыми душами, готовностью пожертвовать собой, успокоила мое ноющее сердце.

– Очень хочу остаться, но не могу, – отвечала я на уговоры девчонок. – Высшее начальство приказало создать комитет, в противном случае батальон распустят. Я категорически отказалась создать комитет, и мне ничего не остается, как вернуться домой. А пока – все, я поеду к герцогине Лихтенберг.

Герцогиня принадлежала к тому кругу светских женщин, которые проявляли серьезный интерес к моему делу. Она была очень простой и приятной в общении, а я так нуждалась в человеке, которому могла бы излить душу. Мне всегда казалось, что герцогиня меня поймет и поможет.

– Что вас мучает, Мария? – такими словами герцогиня приветствовала меня, едва я переступила порог ее дома. Я не смогла удержать рыданий и, запинаясь, поведала ей о бунте и последовавшем затем расколе в батальоне. Случившееся сильно угнетало меня, и казалось, я, того гляди, лишусь сил. Новость поразила ее, и она заплакала вместе со мной. Прекрасная мечта, вдохновлявшая нас, разбилась вдребезги. Очень печальным был

тот вечер. Я осталась у нее на ужин.

Часов в восемь вечера туда приехала одна из моих девушек. Ее прислали из казарм, чтобы доложить мне о результатах визита делегации батальона к генералу Половцеву. Оказалось, что все триста верных мне девушек вооружились винтовками и направились к командующему военным округом. Они потребовали, чтобы он вышел к ним: разговор, дескать, есть серьезный. Генерал вышел.

– Что вы сделали с нашим начальником? – грозно вопрошали они.

– Да ничего я не сделал, – ответил им Половцев, удивившись виду разгневанных женщин.

– Верните нашего начальника! – кричали девчонки. – Верните немедленно. Она святая женщина. Всем сердцем переживает за нашу несчастную Россию. Мы не хотим иметь ничего общего с теми глупыми, своенравными бунтарками и не позволим распустить батальон. Батальон – это мы. Верните нашего начальника. Мы дали обещание соблюдать железную дисциплину и не станем выбирать никаких комитетов!

Мне доложили, что генерал Половцев не на шутку перепугался, окруженный толпой разъяренных и решительно настроенных женщин. Он отослал их обратно в институт, пообещав, что не станет расформировывать батальон и приедет туда сам в девять часов на следующее утро. Я возвратилась в казармы и нашла там все в идеальном порядке. Казалось, девушки всем сердцем хотели успокоить своего начальника, – так соблюдали тишину, что даже ходили на цыпочках.

Утром все пошло как обычно: подъем, молитва, завтрак, военные занятия. В девять часов утра мне доложили, что прибыли генерал Половцев, адъютант Керенского, капитан Дементьев и несколько высокопоставленных дам-патронесс. Я быстро построила солдат. Генерал поприветствовал девушек, и они ответили как положено. Он поздоровался со мной за руку и приказал распустить девушек, потому что хотел обсудить некоторые вопросы.

Ведя именитых гостей в дом, я размышляла, что бы все это могло значить. Если они явились уговаривать меня создать комитет, тогда мне придется очень трудно, но я все равно не дам своего согласия.

Я не ошиблась. Генерал привез с собой всех моих патронесс, чтобы они помогли ему сломить мое упрямство. Он тут же начал горячо убеждать меня в необходимости считаться с общим положением о введении в армии системы комитетов, приводя уже знакомые мне доводы, но я не поддавалась. В конце концов он

разозлился.

– Скажите, вы солдат? – задал он мне тот же вопрос, что и Керенский.

– Так точно, господин генерал!

– Тогда почему не подчиняетесь приказам?

– Потому что они идут против интересов страны. Комитеты – это чума. Они разрушили нашу армию, – ответила я.

– Но ведь это делается по установленному в стране закону, – доказывал он.

– Да, но это пагубный закон, выдуманный для того, чтобы разрушить фронт во время войны.

– Ну хорошо. Прошу вас сделать это формы ради, – продолжал он уже совершенно другим тоном, по-видимому поняв справедливость моих слов. – Все мои армейские комитеты начинают интересоваться вами. Спрашивают, кто такая Бочкарева и почему ей разрешают командовать без комитета. Так сделайте это хотя бы формально. Ваши девушки так преданы вам, что, какой бы комитет они ни выбрали, он не будет вам серьезной помехой. И в то же время это избавит нас от неприятностей.

Тут меня окружили женщины-патронессы и начали просить и всячески уговаривать, чтобы я согласилась. Некоторые плакали, другие обнимали. Все это действовало мне на нервы. Ничто не могло разозлить меня так, как лесть. Я распалилась, совершенно потеряла контроль над собой, впала в истерику.

– Все вы мошенники! Вы хотите погубить страну! Убирайтесь отсюда! – завизжала я как сумасшедшая.

– Молчать! Как вы смеете вести себя так в присутствии генерала? Я вас расстреляю! – закричал на меня Половцев, трясясь от гнева.

– Ну, давайте! Стреляйте! Стреляйте! – завопила я, рывком расстегивая шинель и тыча себя в грудь. – Убейте меня!

Генерал развел руками, сердито бормоча себе под нос:

– Что за черт! Это не женщина, а дьявол! С ней ничего нельзя поделать.

И в сопровождении разношерстной свиты генерал удалился. А на следующее утро от генерала Половцева пришла телеграмма, уведомлявшая, что мне разрешено продолжать командовать батальоном без комитета солдатских депутатов.

Так закончился скандал, вызванный бунтом в батальоне и чуть не погубивший все дело. Пришлось выдержать нелегкий бой, но отступать я не собиралась, ибо была убеждена в своей правоте.

Дальнейшие события полностью подтвердили справедливость моих опасений. Русская армия, некогда самая мощная в мире, была разрушена в течение нескольких месяцев системой

комитетов солдатских депутатов. Еще в окопах я доподлинно узнала, каким проклятием для армии становились комитеты, мне почти сразу стал понятен зловещий смысл их деятельности. Было ясно, что главная особенность в работе комитетов – это бесконечная говорильня, и ничего другого. Немцы целыми днями занимались в окопах какой-то работой, а наши ребята болтали. А я всегда считала, что главное на войне – активные действия и только они принесут победу.

Глава тринадцатая. Батальон на фронте

В то утро, когда пришла телеграмма от генерала Половцева, мы получили знамя, на котором красовалась примерно такая надпись: «Да здравствует Временное правительство! Все, кто может, в наступление! Вперед, храбрые женщины! На защиту истекающего кровью Отечества!»

Под этим знаменем нам надлежало участвовать в демонстрации, организованной в ответ на манифестацию большевиков, назначенную на тот же день. С нами должны были идти и инвалиды войны. Порядок шествия мы обсудили с их руководителем, встретившись на Морской.

В воздухе витали тревожные слухи. Комендант дома инвалидов предоставил в мое распоряжение пятьдесят револьверов. Я распределила их среди инструкторов и других офицеров, оставив пару для себя.

Во главе Батальона смерти должны были идти офицеры Волынского полка, так как половина личного состава их части отказалась участвовать в антибольшевистской демонстрации. Хотя стоял еще только июнь месяц, полк уже был заражен большевистскими идеями.

Марсово поле, куда мы направлялись, находилось примерно в пяти верстах от наших казарм. На всем пути следования огромные толпы людей приветствовали нас и инвалидов, а их было около пятисот. Многие женщины из числа собравшихся на тротуарах плакали. Они жалели девушек, которых вели якобы на стычку с большевиками. То и дело слышалось:

– Сегодня что-то должно случиться…

Когда мы подошли к Марсову полю, где проходила манифестация большевиков, я приказала своим солдатам остановиться и минут пятнадцать посидеть и отдохнуть.

– Стройся! – скомандовала я, когда отведенное на отдых время истекло.

Мы все нервничали, как перед наступлением. Я проинструктировала девушек держаться подле меня, не вступать ни с кем в пререкания, не поддаваться ни на какие провокации и не срываться на бег во избежание паники. Все они твердо обещали выполнять мои наставления.

До начала демонстрации капитан из дома инвалидов, несколько подчиненных ему офицеров и мои инструкторы настаивали на том, чтобы идти во главе демонстрации рядом со мной. Я возражала, потому что хотела показать большевикам, что не боюсь их, но они упрашивали меня, и в конце концов я

согласилась.

Толпа собравшихся людей на Марсовом поле была в самом деле огромная. Поток демонстрантов с большевистскими знаменами и лозунгами продолжал прибывать. Мы остановились в пятидесяти шагах от них и тотчас были встречены градом насмешек и ругательств. Манифестанты поносили Временное правительство и кричали:

– Да здравствует революционная демократия! Долой войну!

Некоторые из моих девушек не сумели сдержать своего возмущения и начали им отвечать, провоцируя тем самым серьезную словесную перепалку.

– Когда вы орете «Долой войну!» – воскликнула я, выступив вперед и обращаясь к разбушевавшимся манифестантам, – вы помогаете разрушать Свободную Россию! Сначала надо разгромить германцев, а тогда не будет и войны!

– Убить ее! Убить ее! – послышались угрожающие выкрики.

В страшном возбуждении я шагнула вперед, навстречу толпе. Пальцы сжимали рукоятки обоих револьверов, но, несмотря на охватившее меня волнение, в голове прочно засело одно: я не должна стрелять в свой собственный народ, в простых рабочих и крестьян.

– Опомнитесь, обманутые сыны России! – кричала я в ответ на их насмешки и издевательства. – Подумайте, что вы делаете! Вы же губите Отечество! Мерзавцы!

Мои инструкторы пытались оттащить меня, но я вырвалась и шагнула прямо в гущу толпы, как безумная продолжая взывать к людям. Я не замолчала даже после того, как из толпы стали стрелять. Тогда мои офицеры приказали батальону открыть огонь. Началась ужасная потасовка.

Двух инструкторов батальона убили, причем один из них в это время защищал меня. Еще двух ранили. Получили ранения и десять моих девушек. Несколько пуль оцарапало меня, но я оставалась невредимой, пока кто-то сзади не ударил меня по голове и я не потеряла сознание. В это побоище оказались также втянутыми люди, пришедшие просто посмотреть на демонстрацию. И началась всеобщая паника.

Я очнулась только к вечеру. У постели стоял врач. Он сообщил, что, хотя я и потеряла много крови, рана неопасна и я вскоре смогу вновь приступить к своим обязанностям.

Поздно вечером дежурный офицер доложил, что меня приехал проведать Михаил Родзянко. Врач вышел, чтобы встретить его, и я слышала, как они разговаривали в соседней комнате. Первое, что спросил Родзянко, – жива ли я. Оказывается, в городе ходили слухи, будто меня убили на Марсовом поле.

Объяснение доктора, очевидно, обрадовало председателя Государственной думы.

Родзянко, улыбаясь, подошел к кровати и поцеловал меня.

– Геройчик мой! Я рад, что вы пострадали не слишком серьезно. В городе о вас рассказывают всякое. Вы, конечно, совершили смелый поступок, направив своих людей в толпу большевиков. Но все же и вы, и инвалиды допустили глупость, попытавшись противостоять демонстрантам при таком значительном неравенстве сил. Я наслышан о ваших успехах в борьбе против системы комитетов. Это вам во благо! Я хотел пораньше навестить и поздравить вас, но был очень занят.

Я села на кровати, чтобы показать гостю, что чувствую себя нормально. Он рассказал мне о назначении генерала Корнилова командующим Юго-Западным фронтом и о том, что утром следующего дня в Зимнем дворце будет дан завтрак в честь Корнилова. Родзянко спросил, смогу ли я быть там. Врач не возражал. Прощаясь, Родзянко заверил, что готов оказать мне необходимую помощь, и пожелал скорейшего выздоровления.

Следующее утро я провела у окна с забинтованной головой, наблюдая за тем, как проходят подготовку мои девушки. Я чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы присутствовать вместе с Родзянко на завтраке. Он заехал незадолго до полудня и привез меня в Зимний. В вестибюле председатель Государственной думы представил меня генералу Корнилову.

Худощавый, жилистый, подвижный человек средних лет, широкоскулый, с седыми усами и колючим взглядом узких глаз – таков был Корнилов. Говорил он мало, но в каждом произнесенном им слове звенела сталь. Всякий инстинктивно чувствовал, что это человек сильной воли и несгибаемой стойкости.

– Очень рад познакомиться с вами, – сказал он, пожимая мне руку. – Примите мои поздравления по случаю вашей убедительной победы в борьбе против комитетов.

– Господин генерал, – ответила я. – Мне помогло выстоять то, что я сердцем чуяла свою правоту.

– Всегда следуйте велению вашего сердца, – сказал он, – и оно вас не обманет.

В этот момент появился Керенский. Все встали, приветствуя его. Он пожал руку Корнилову, Родзянко и мне. Военный министр был в хорошем расположении духа и милостиво мне улыбнулся.

– А вот и наша сорвиголова. Никогда не встречал подобных ей, – сказал Керенский, указывая на меня. – Вбила себе в голову не создавать в батальоне комитета, и ничто не могло сломить ее. Надо отдать ей должное. Это крепкий орешек и может устоять

одна против всех нас. Упрямо твердит одно: «Нет такого закона».

– Однако, – пошутил Родзянко, вступаясь за меня, – она не так уж глупа. А может быть, еще и поумнее нас с вами.

Затем нас пригласили в обеденный зал. Керенский сел во главе стола. Меня посадили напротив Керенского, Родзянко расположился по правую руку от Керенского, а Корнилов – справа от меня. Присутствовали также три генерала союзников. Один сидел слева от меня, двое других – между Керенским и Корниловым.

Разговор велся преимущественно на иностранном языке, и я ничего не понимала. Кроме того, я не знала, как правильно держаться за столом, с помощью каких приборов есть то или иное блюдо, и сильно краснела, украдкой наблюдая за соседями по столу.

Иногда мы обменивались фразами с Корниловым. Он одобрял мое твердое мнение о необходимости строгой дисциплины в армии и говорил, что если дисциплина в армии не будет восстановлена, то Россия погибнет. Керенский говорил о том, что, несмотря на серьезный раскол в армии и ее разложение, там еще далеко не все потеряно. Он планировал поездку на фронт и был уверен, что это ускорит наступление наших войск.

Наконец Керенский поднялся из-за стола, и завтрак на этом закончился. Перед уходом он сообщил, что скоро состоится торжественное вручение батальону двух боевых знамен и икон, которые солдаты прислали с фронта. Я ответила, что не заслужила такой чести, но надеюсь оправдать оказанное доверие.

С Корниловым мы распрощались очень тепло, и он пригласил меня приехать к нему в штаб, когда я вернусь на фронт. Родзянко отвез меня домой и попросил зайти перед отъездом.

Время, оставшееся до установленного Керенским дня освящения боевых знамен батальона, прошло в упорных занятиях и отработке ружейных приемов. Женщины готовились к отправке на фронт.

И вот наконец настал день 21 июня. Все были в приподнятом настроении. Сердце мое учащенно билось в ожидании предстоящего торжества. Батальон поднялся рано утром. Каждый солдат получил новое обмундирование. Винтовки были вычищены и смазаны безупречно. Царило праздничное настроение, хотя мы и нервничали: уж больно ответственный предстоял день.

В девять утра к нашим воротам прибыли два армейских подразделения, которым было поручено сопровождать нас в Исаакиевский собор. Вслед за тем появился капитан Кузьмин, помощник командующего Петроградским военным округом, с

инструкциями, предписывавшими батальону прибыть в собор к десяти часам при полном параде. Мы двинулись в путь почти незамедлительно.

К собору стекались толпы народа. А на улицах вокруг него выстроились части местного гарнизона. Здесь были представители всех родов войск, в том числе и казаки. У ступеней храма стояли городские власти и военные чины, среди них Керенский, Родзянко, Милюков, Корнилов, Половцев и другие. Батальон салютовал им, когда входил под высокие своды храма.

Обряд освящения совершали два архиепископа и двенадцать священников. Церковь была переполнена народом. Но вот наступила тишина, и все собравшиеся замерли, когда меня попросили приблизиться к аналою и назвать свое имя. Меня охватил такой страх, словно предстала перед самим Господом Богом. Я приняла боевой штандарт, над которым скрестили два овеянных славой старинных боевых знамени, так что складки их почти скрыли меня. Архиепископ, который вел богослужение, обратившись ко мне, говорил, что мне оказана небывалая честь, так как армейское боевое знамя впервые вручается женщине.

Обычно не принято, пояснил он, писать имя командира на знамени возглавляемой им воинской части, но имя Марии Бочкаревой вышито золотом на этом штандарте, который в случае ее гибели будет возвращен в собор как святыня и никогда не будет служить другому командиру. Пока он говорил и читал молитвы, трижды окропив меня святой водой, я молилась Господу неистово и от всего сердца. Церемония продолжалась около часа, после чего двое солдат – делегатов от 1-й и 3-й армий, поднесли мне две иконы, переданные в дар батальону их боевыми товарищами. На окладах были сделаны надписи, в которых выражалась вера в меня как в ту женщину, которая поведет Россию к славе и победе.

Я страшно смутилась, потому что вовсе не считала себя достойной таких почестей. Прежде чем взять в руки иконы, опустилась перед ними на колени и молила Господа наставить меня на путь истинный. И как могла я, темная женщина, оправдать надежды и доверие многих просвещенных и достойных сынов моей страны?

Генерал Корнилов, представлявший командование армии, вручил мне револьвер и саблю с золотыми планками на рукоятке и эфесе.

– Вы заслужили это славное оружие, и я уверен, что не посрамите его, – сказал он и поцеловал меня.

Я поцеловала саблю и поклялась быть достойной этого оружия и использовать его для защиты моей страны.

Потом Керенский прикрепил к моей гимнастерке погоны прапорщика, произведя тем самым в офицеры. Он также поцеловал меня, а за ним меня тепло поздравили и некоторые видные гости.

Высокие чины удалились, и дальнейшим торжеством руководил генерал Половцев. Я была настолько растрогана всем происшедшим, что долго не могла прийти в себя. Генералы Половцев и Аносов подняли меня на руки, дальше меня подхватили и понесли офицеры, какие-то восторженно настроенные солдаты и матросы. Все это время я чувствовала себя очень смущенной, но аплодисменты не смолкали, как не прекращались и возгласы приветствий. Несколько женщин из толпы пробились ко мне, стали целовать ноги и благословлять. Это было патриотическое народное богослужение, и всеподавляющим настроем этой праздничной толпы была любовь к России. На импровизированные трибуны поднимались разные люди и говорили о грядущем наступлении и о Батальоне смерти, заканчивая выступление словами:

– Да здравствует Бочкарева!

В эти минуты у солдат было такое возвышенное состояние духа, что многие из них кричали:

– Мы пойдем на фронт вместе с Бочкаревой!

Ораторы называли моих женщин героинями и призывали каждого мужчину, способного носить оружие, встать на защиту России.

То был удивительный день! Нет, скорее не день, а некий сон! Неужели сбылась моя мечта? Неужели эти женщины уже добились того, ради чего создавался батальон? Тогда мне казалось, что так оно и есть. Я чувствовала, что мужчины России готовы подняться вслед за батальоном и нанести неприятелю последний удар ради спасения страны. Однако впечатление оказалось обманчивым, и разочарование не заставило себя ждать. Но то была прекрасная иллюзия, она давала нам силы для упорного труда, чтобы сделать мечту реальностью. То, что чувствовали тысячи русских солдат, столпившихся у Исаакиевского собора 21 июня 1917 года, было ни с чем не сравнимым глубоким волнением, которое овладевает человеком, жертвующим собой ради истины, ради высоких идеалов в порыве бескорыстной любви к родине. Это убеждало меня в том, что миллионы русских солдат, разбросанных по всей нашей огромной стране, способны отозваться на правдивое слово, и укрепляло веру в то, что моя страна найдет в себе силы и вновь воспрянет.

После освящения знамени батальона оставалось менее трех дней до отправки на фронт. Они прошли в приготовлениях.

Предстояло организовать собственное снаряжение с соответствующим подразделением, поскольку мы не могли взять с собой кухню караульного полка, где столовались. Каждый солдат и офицер батальона получил полный комплект боевого снаряжения.

Двадцать четвертого июня мы вышли с территории Коломенского института и строем направились в Казанский собор, чтобы оттуда держать путь на вокзал. Архиепископ обратился к нам с напутственным словом. Он отметил важность события и благословил нас. И опять огромные толпы людей последовали за нами в собор, а оттуда направились провожать на вокзал. Когда мы вышли из собора, группа большевиков преградила нам дорогу. Мои девушки тотчас схватились за винтовки, но я приказала: «Отставить!» – и, вложив саблю в ножны, вышла вперед к большевикам.

– Почему вы преградили нам дорогу? Хотите посмеяться над нами, женщинами? Считаете, что мы ни на что не способны? Зачем вы пришли сюда? Чтобы помешать нам? Это же признак того, что вы нас боитесь, – говорила я вставшим у нас на пути.

Поглумившись над нами, они разошлись.

Затем мы проследовали к вокзалу. Собравшиеся на улицах люди провожали нас добрыми напутствиями. Мы погрузились в поезд, составленный из нескольких теплушек и одного пассажирского вагона второго класса, и получили приказ двигаться до Молодечно, где располагался штаб 10-й армии, к которой был приписан батальон.

Наше путешествие оказалось триумфальным. На каждой станции батальон приветствовали солдаты и толпы гражданского населения, устраивая демонстрации и митинги с овациями. Моим девушкам было строго приказано не выходить из вагонов без разрешения. На отдельных станциях мы выходили из поезда, чтобы поесть. Питание обеспечивали по телеграфным запросам. На одной остановке, когда я прилегла отдохнуть, началась демонстрация в нашу честь, и меня внезапно вытащили из койки и заставили выйти на показ толпе.

Так мы и двигались к фронту и наконец прибыли в Молодечно. Меня встретила группа примерно из двадцати офицеров. Батальон расквартировали в двух казармах, а меня отвезли в штаб армии на торжественный обед.

В Молодечно находилось около дюжины казарм. Почти половину из них занимали дезертиры с фронта, бывшие полицейские и жандармы, которых с начала революции насильно завербовали в армию и которые вскоре оттуда удрали. Были там еще уголовники и большевистские агитаторы. Одним словом,

всякий сброд.

Они быстро пронюхали о прибытии батальона и в мое отсутствие окружили девушек, стали издеваться над ними и приставать. Дежурный офицер, встревоженная выходками этих подонков, побежала к военному коменданту просить о помощи.

– А что я могу поделать? – ответил комендант. – Я бессилен. Их тут тысячи полторы, и ничего нельзя поделать. Ну перетерпите как-то их хамство и постарайтесь договориться по-доброму.

Смертная казнь была уже отменена в армии.

Дежурная вернулась в казармы ни с чем. Обнаружив там несколько уголовников, открыто приставававших к женщинам, она попыталась подействовать на них уговорами, но безуспешно и позвонила мне. Едва я уселась за обеденный стол, как сообщили о ее телефонном звонке. Я бросилась к автомобилю и помчалась к казармам.

– Что вы здесь делаете? – заорала я, вбегая в казарму. – Что вам надо? Убирайтесь! Если угодно, разговаривать будем на улице.

– Ха-ха-ха! – загоготали мужчины. – А кто ты такая? Что это за баба?

– Я тут командир.

– Командир, да? Ха-ха-ха! Вы только посмотрите на этого командира! – зубоскалили они.

– Ну вот что, – твердо и решительно сказала я. – Вам здесь делать нечего. Придется очистить помещение: тут не место для разговоров. Там, за дверью, я к вашим услугам, если вы что-то хотите мне сказать. А сейчас убирайтесь отсюда!

Мужчины, а их было не более десятка, попятились к двери и стали выходить, отпуская грязные шутки и ругаясь. Я вышла за ними. Возле казарм собралась большая толпа, привлеченная шумом. Когда я увидела этих опустившихся людей в солдатской форме, сердце у меня сжалось от боли. Никогда прежде не встречала я такой оборванной, разнузданной и деморализованной шантрапы, называемой солдатами. Многие были похожи на настоящих убийц и разбойников. Но среди них находились и совсем мальчишки, развращенные большевистской пропагандой.

В другое время, в добрые старые дни января 1917 года, было бы достаточно расстрелять парочку таких бродяг, чтобы остальные полторы тысячи стали приличными и законопослушными людьми. А теперь могущественная русская армия, вовлеченная в смертельную схватку с сильнейшим противником, не могла справиться с жалкой кучкой бунтовщиков! Это было мое первое фронтовое впечатление после двух месяцев отсутствия на передовой. Но как же ускорился процесс распада

армии за такое короткое время! Всего четыре месяца прошло после революции, а армия уже серьезно страдала болезнью неповиновения.

– Зачем вы сюда явились? Какой черт вас сюда пригнал? Вам охота воевать? А мы хотим мира! Мы досыта навоевались! – сыпались возгласы со всех сторон.

– Да, мы хотим воевать. Как еще можно добиться мира, если не побить германцев? Я войны побольше вашего хлебнула и мира хочу не меньше, чем любой из вас. Если вы хотите еще поговорить со мной и желаете, чтобы я ответила на ваши вопросы, приходите завтра. А сейчас уже поздно, завтра утром – пожалуйста, к вашим услугам.

Толпа разбрелась группками: кое-кто злословил, а некоторые спорили друг с другом. Для большей безопасности я перевела девушек в одну первую казарму и у каждой двери выставила часового. Это несколько успокоило девчат, а когда они услышали, что я отказалась ночевать в штабе и остаюсь с ними, они и вовсе повеселели. Ну как я могла оставить своих девчонок одних по соседству с этой полуторатысячной бандой негодяев? Я решила ночевать вместе с ними, под одной крышей.

Наступила ночь, и мои солдатики легли спать. Многих в тот вечер, вероятно, мучил вопрос, послушаются меня дезертиры или вернутся ночью и нападут на казарму. И точно, не пробило и двенадцати, как группа хулиганов подошла к казарме. Они барабанили в окна и в тонкие дощатые стены, ругая нас всех, и особенно меня. Потом пытались прорваться то в одну, то в другую дверь, но были встречены штыками. Не добившись ничего грубостью и насмешками, они забросали казарму камнями, разбив несколько стекол в окнах.

Мы тем не менее старались сохранять спокойствие. Ведь если сам военный комендант признался в бессилии совладать с ними, то что могли сделать мы, женщины? К тому же мы направлялись на фронт воевать с германцами, а не устраивать сражения с этими отчаянными головорезами, втрое превосходящими по численности наш батальон.

Но чем большую выдержку мы проявляли, тем наглее становились эти люди. Некоторые из них, изловчившись, просовывали руки в разбитые окна, хватали девушек за волосы, и они кричали от боли. Никто не спал. Все были взбудоражены до предела. Тяжелые удары камней о дощатые стены казармы то и дело сотрясали весь дом. Требовалось огромное самообладание, чтобы вынести все это, но я приказала не доводить дело до стрельбы.

Однако время шло, а шум и кошачьи концерты по ночам не

прекращались, и кровь во мне начала закипать. В конце концов терпение мое лопнуло. Поспешно накинув шинель, я выбежала из казармы. День только начинался, погожий день в начале июля. Банда головорезов, человек пятьдесят, на миг замерла.

– Вы подлецы и бандиты! Что же вы творите? – закричала я что было сил. – Разве вы здесь не для того, чтобы сделать передышку на пути в окопы? Так оставьте же нас в покое! Или вы совсем стыд потеряли? Может, среди этих девушек есть и ваши сестры. А ведь некоторые из вас, я вижу, уж и немолодые. Если вам что-то нужно, приходите ко мне, разберемся. Я всегда готова поговорить, поспорить и ответить на вопросы. Но оставьте девушек в покое, бесстыдники!

Мой словесный запал вызвал у них взрыв хохота и скабрезностей, что привело меня уже в бешенство.

– Или убирайтесь отсюда сейчас же, или убейте меня прямо здесь на месте! – заорала я, бросаясь вперед. – Слышите? Убейте меня!

Я вся дрожала от ярости. Подонков поразили, видимо, мой тон и мои слова. Они стали расходиться по одному. Несколько часов нам удалось поспать.

Наутро командующий 10-й армией генерал Валуев сделал смотр батальону. Он остался очень доволен и поблагодарил меня за образцовую дисциплину и подготовку части. Получив необходимый провиант, обе наши кухни приготовили обед. Батальону были приданы двенадцать лошадей, шесть ездовых, восемь поваров, два сапожника. Кроме этих шестнадцати мужчин, нас сопровождали два военных инструктора. Однако мужчины всегда располагались отдельно от женщин.

После обеда возле нашей казармы снова стали собираться дезертиры. Накануне я обещала поговорить с ними, и теперь они ловили меня на слове.

– Куда ты поведешь своих солдат? Воевать за буржуев? Зачем? Ты заявляешь, что сама крестьянка, тогда почему хочешь проливать народную кровь за богатеев-эксплуататоров? – забрасывали меня вопросами со всех сторон.

Я встала, сложив руки на груди, и окинула строгим взором толпу. Должна сознаться, что мурашки бегали у меня по спине, когда я переводила взгляд с одного молодчика на другого. Это были отчаявшиеся, опустившиеся и совершенно одичавшие люди. Поистине армейское отребье!

– Посмотрите на себя, – начала я, – и подумайте, что с вами стало! И это вы, те, которые еще совсем недавно бесстрашно шли вперед, как герои, под уничтожающим огнем неприятеля и жертвовали собой, как верные сыны родины, грудью защищая

Россию. Это вы, которые неделями гнили в грязных, завшивленных окопах и отважно переползали через ничейную полосу. Задумайтесь над тем, кем вы были в недалеком прошлом и чем вы стали теперь. Вами гордились страна и весь мир. И это было лишь прошлой зимой. Я уверена, что среди вас есть те, кто служил в Пятом Сибирском корпусе, верно?

– Да, да. Есть.

– Тогда вы должны помнить меня… Или слышали обо мне. Я – Яшка…

– Да, слышали! Мы тебя знаем! – раздалось со всех сторон.

– Ну коли знаете, то должны знать и то, что я мокла в грязных окопах вместе с вами, спала на сырой земле, как вы и ваши собратья. Вместе с вами я, рискуя жизнью, смотрела смерти в глаза, голодала, делилась последней миской щей. Так почему же теперь вы настроены против меня? Почему издеваетесь надо мной? Чем и когда я заслужила ваше презрение и насмешки?

– Когда ты была рядовым солдатом, – ответило сразу несколько голосов, – ты была такой же, как мы. А теперь ты офицер и стараешься для буржуев.

– Да кто же сделал меня офицером, если не вы? И разве не ваши собратья, простые солдаты из Первой и Десятой армий, посылали специально делегатов, чтобы передать иконы и знамена и тем самым оказать мне офицерские почести? Но я сама из народа, я кровь от вашей крови, крестьянская женщина-труженица.

– Но мы устали от войны. Мы хотим мира, – начали они жаловаться, чувствуя, что им не в чем меня упрекнуть.

– Я тоже хочу мира. Но как добиться его? Ну объясните мне: как? – решительно наступала я, видя, что моя речь значительно смягчила настрой толпы.

– Ну как… Просто разойтись с фронта по домам. Вот так и получится мир.

– Оставить фронт?! – гневно воскликнула я. – Ну и что тогда будет? Скажите мне! Думаете, мир? Да ни за что! Германцы попросту сметут наш фронт и захватят нашу землю. Ведь это же война. А вы солдаты, и вы знаете, что такое война. Знаете и то, что в войне все приемы хороши. Бросить скопы! А почему бы сразу не отдать Россию кайзеру?! Это ведь то же самое, и вы это знаете не хуже меня. Никакого другого пути добиться мира нет, кроме решающего наступления и разгрома противника. Победите германцев, и тогда будет мир! Стреляйте их, убивайте, рубите саблями, но не братайтесь с врагами нашей любимой России.

– Но они сами с нами братаются. Немцы тоже устали от войны и не меньше нашего хотят мира, – послышались отдельные

голоса из толпы.

– Они обманывают вас – здесь братаются, а своих солдат посылают против наших союзников.

– А какие же они нам союзники, если не хотят мира? – спросил кто-то.

– Союзники не хотят мира сейчас, потому что знают, как коварны германцы. И мы с вами это тоже знаем. Разве германцы не отравили смертельными газами тысячи наших братьев? Разве все мы не испытали на себе их подлые хитрости? Разве они не захватили часть нашей страны? Прогоним их, тогда и будет мир!

Наступила тишина. Никто не проронил ни слова. Это очень воодушевило меня, и я снова начала говорить, развивая пришедшую в голову идею.

– Да, давайте изгоним германцев из России. А как бы вы отнеслись к тому, если бы я повела вас на фронт, стала бы хорошо кормить, одела в новую форму, обула в новые сапоги? Пошли бы вы за мной в атаку на вероломного врага?

– Да, да! Пошли бы! Ты наш товарищ! Ты же не какой-нибудь буржуй-кровопийца! С тобой мы пойдем! – раздавались голоса со всех сторон.

– Но если вы пойдете со мной, – продолжала я, – то я буду требовать от вас строжайшей дисциплины. Армии без дисциплины не бывает. Я такая же крестьянка, как и вы, и возьму с вас слово чести, что будете держаться до конца. А если кто-нибудь попытается удрать, расстреляю на месте.

– Мы согласны! Пойдем за тобой! Ты наша! Ура Яшке! Ура Бочкаревой! – почти единодушно кричала толпа.

Это было волнующее зрелище. Еще час назад эти оборванцы вели себя как бессердечные негодяи, а теперь их сердца оттаяли. Только что они выглядели жестокими убийцами, а теперь на их лицах мелькнула искра человечности. Все могло показаться чудом. Но это было не чудо. Такова уж русская душа: то она сурова и непреклонна, то полна смирения и любви.

Я позвонила генералу Валуеву и попросила у него разрешения повести на фронт группу дезертиров, предварительно экипировав их. Генерал запретил. Он боялся, что они будут способствовать разложению оставшихся на фронте солдат. Я выразила готовность взять на себя ответственность за их поведение, но генерал смотрел на все иначе.

Пришлось мне вернуться ни с чем, но я не открыла людям всей правды. Я сказала им, что сейчас пока нет необходимого для них снаряжения и что, как только оно будет доставлено, их направят на участок фронта, занимаемый батальоном. А тем временем я предложила им как друзьям сопровождать нас из

Молодечно.

В начале следующей недели мы выступили с полным оснащением. Каждая из девушек несла на себе боевое снаряжение, весившее около шестидесяти пяти фунтов. До штаба корпуса нам предстояло пройти тридцать верст. Дорога была хорошая, по обе ее стороны поля перемежались с лесами.

Я телеграфировала в штаб корпуса, чтобы нам организовали ужин, поскольку рассчитывала, что мы прибудем туда к вечеру. Но вскоре сгустились тучи, и дождь затруднил наше продвижение до такой степени, что девушки едва передвигали ноги. Каждый раз, когда мы проходили через какую-нибудь деревню, у меня возникало непреодолимое желание дать им отдохнуть, но я знала, что если я разрешу им расслабиться, то заставить идти дальше в тот же день уже не смогу. Поэтому пришлось двигаться все время вперед, невзирая на погоду и дорожную хлябь.

В одиннадцать вечера мы наконец добрались до штаба корпуса. Нас встретил начальник штаба генерал Костяев и предложил отужинать. Он сообщил также, что утром командир корпуса устроит нам смотр. Девушки мои, однако, настолько устали, что не стали ужинать. Они замертво повалились в амбаре, отведенном батальону, и прямо в одежде проспали всю ночь.

Штаб корпуса находился в деревне Редки. После завтрака мы стали готовиться к смотру.

Но тут оказалось, что несколько моих девушек не выдержали трудностей изнурительного перехода накануне. Двое их них – мой адъютант Скрыдлова, дочь адмирала, командующего Черноморским флотом, и Дубровская, дочь генерала, – были слишком больны, чтобы оставаться в строю. Их пришлось отправить в госпиталь. Я назначила своим адъютантом княжну Татуеву из знаменитого грузинского рода с Кавказа. Эта храбрая и преданная нашему делу девушка имела прекрасное образование и свободно говорила на трех иностранных языках.

В полдень я построила батальон для смотра. Зная, как тяжело пришлось девушкам за последние сутки, я на время оставила свою суровость, шутила и подбадривала своих солдатиков, пытаясь добиться того, чтобы они произвели на генерала хорошее впечатление. Девушки старались изо всех сил продемонстрировать хорошую форму и показать генералу, на что способен батальон. Вскоре приехал командир корпуса. Он обошел строй моих солдат, учинил им экзамен по всей форме, проверил их даже на сообразительность.

– Превосходно! – восторженно объявил он по окончании смотра, поздравляя меня и пожимая руку. – Я бы не поверил, что мужчины способны овладеть так мастерски всеми приемами за

какие-то шесть недель, не говоря уже о женщинах. У нас здесь есть рекруты, которые обучаются уже три месяца, а с вашими дамами вряд ли кто из них может сравниться.

Затем он обратился с похвальным словом к личному составу, и мои солдатики были безмерно рады. Я была приглашена на обед в помещение штаба. Когда командир корпуса узнал, что в батальоне нет никаких комитетов, он чуть не расцеловал меня: так велика была его радость по этому поводу.

– С тех пор как в армии ввели комитеты, все совершенно изменилось, – сказал он. – Я люблю солдат, и они всегда любили меня. Но теперь от всего этого ничего не осталось. Одни неприятности. Каждый день от солдат поступают какие-то немыслимые требования. Армия утратила почти всю былую мощь. Это какая-то комедия, а не война.

Не успели мы приступить к обеду, как из Молодечно пришла телеграмма, уведомлявшая о прибытии туда Керенского. Не мешкая, генерал приказал приготовить свою машину, и мы помчались в Молодечно.

На обеде в штабе армии присутствовало двадцать человек. Керенский сидел во главе стола. Мой командир корпуса расположился справа от меня, а слева – какой-то генерал. За обедом разговор шел о положении на фронте и готовности войск к генеральному наступлению. Я в разговоре почти не участвовала. Когда обед был окончен и все поднялись из-за стола, Керенский подошел к командиру корпуса и совершенно неожиданно не терпящим возражений голосом потребовал:

– Вы должны позаботиться о том, чтобы в Батальоне смерти немедленно был создан комитет и чтобы она, – и он указал на меня, – перестала наказывать своих девушек!

Меня будто громом поразило. Все офицеры в комнате насторожились. Момент был крайне напряженный. Я почувствовала, как кровь бросилась мне в голову.

Двумя резкими движениями я сорвала с плеч погоны и швырнула их в лицо военному министру.

– Не желаю служить под вашим руководством! – воскликнула я. – Сегодня вы говорите одно, завтра – другое. Вы ведь разрешили мне командовать батальоном без комитетов. И я не буду создавать никаких комитетов! Я уезжаю домой!

Я выпалила эти слова в побагровевшее от гнева лицо Керенского и, прежде чем кто-либо в комнате успел опомниться, выбежала из дома, села в автомобиль командира корпуса и приказала шоферу везти меня в Редки немедленно. Потом мне рассказывали, что после моего ухода поднялся страшный переполох. Керенский поначалу взбесился.

– Расстрелять ее! – приказал он в приступе гнева.

– Господин министр, – вступился за меня командующий 10-й армией генерал Валуев, – я знаю Бочкареву уже три года. Она впервые узнала, что такое война, когда служила солдатом в моем корпусе. Ей досталось гораздо больше, чем любому другому солдату на фронте: она страдала не только как солдат, но и как женщина. Всегда первой шла в атаку, всегда служила примером. Она простой солдат, и слово командира для нее святая обязанность. Раз ей обещали дать возможность командовать батальоном без комитета, она никогда не поймет, почему не сдержали это обещание.

Командир корпуса и другие офицеры также защищали меня. Наконец кто-то вспомнил, что Керенский сам отменил смертную казнь.

– Смертная казнь отменена, господин министр, – сказали ему. – Если расстреливать Бочкареву, то почему бы не расстрелять те полторы тысячи дезертиров, которые устраивают здесь черт знает что?

Потом Керенский оставил мысль о том, чтобы меня расстрелять, но до отъезда из Молодечно продолжал настаивать, чтобы меня отдали под суд и наказали. Однако суд так и не состоялся.

Командир корпуса страшно рассердился, когда узнал, что я воспользовалась его автомобилем. Ему пришлось у кого-то позаимствовать другой, чтобы добраться до своего штаба в Редках, и, хотя в душе он одобрял мою выходку, все же решил учинить мне разнос и напомнить о дисциплине. А я была чересчур взволнована и раздосадована, чтобы чем-то заниматься по возвращении из Молодечно, и потому в казарме бросилась на койку, пытаясь предугадать, что же теперь будет с моим батальоном. Я понимала, что совершила серьезный дисциплинарный проступок, и укоряла себя за это.

Под вечер меня вызвали к командиру корпуса, и он строго отчитал меня за поведение, несовместимое со званием командира батальона. Я выслушала его без возражений, соглашаясь с каждым его словом, и признала, что мое поведение было непростительным.

Подошел час ужина, и я направилась в столовую штаба. За столом все с трудом сдерживали веселье. Было уже известно, что произошло в Молодечно. Офицеры мне понимающе подмигивали и обменивались многозначительными улыбками. Я была виновницей скрытого торжества. Никто не осмеливался смеяться вслух, потому что генерал сидел во главе стола с мрачным видом, словно боялся ненароком улыбнуться и одобрить тем самым

веселье штабных офицеров по поводу моей стычки с Керенским. Но в конце концов генерал не выдержал и присоединился к общему оживлению. Запрет на веселье был снят.

– Браво, Бочкарева! – воскликнул один из офицеров.

– Так ему и надо! – сказал другой.

– Мало ему комитетов в армии, так подавай еще в женском батальоне, – поддержал третий.

– Сам же отменил смертную казнь, а теперь хочет ее расстрелять, – засмеялся четвертый.

Офицеры были настроены открыто враждебно по отношению к Керенскому. Почему? Да потому, что Керенский совершенно не понимал характера русского солдата. В результате коротких поездок на фронт у Керенского, вероятно, создавалось впечатление, что наша армия – по-прежнему живой, могучий, разумный и управляемый организм. Офицеры же, днями и ночами находившиеся в окопах с солдатами, хорошо знали, что та самая толпа, которая только что восторженно приветствовала Керенского, через час окажет точно такой же прием большевистскому или анархистскому агитатору. А более всего подорвала их доверие к Керенскому введенная им в армии система комитетов.

После обеда я обратилась к генералу с просьбой выделить мне семь офицеров и двенадцать инструкторов для сопровождения батальона в окопы. Один из офицеров, молодой поручик Леонид Григорьевич Филиппов, был рекомендован мне на должность адъютанта – помощника по военным вопросам. Филиппова знали как храброго офицера: незадолго до того он бежал из немецкого лагеря для военнопленных. Я предупредила мужчин-инструкторов, что если кто-то из них не сможет смотреть на моих девушек только как на солдат, то пусть лучше не вступает в батальон, чтобы избежать неприятностей в будущем.

Батальон был придан 172-й дивизии, располагавшейся в шести верстах от деревни Редки, у села Белое. Резервные части, выстроенные для встречи, с воодушевлением приветствовали нас.

Стоял погожий солнечный день, какие случаются в разгар лета. Мы не долго задерживались в штабе дивизии. Пообедав, двинулись дальше, к месту дислокации 525-го Курьяг-Дарьинского полка, стоявшего в полутора верстах от Белого и в двух верстах от переднего края. Мы прибыли в штаб полка у селения Сенки уже после заката солнца, и там нас встретил ударный батальон, сформированный из добровольцев для ведения наступательных операций. Таких батальонов было создано немало по всей армии, и в них были собраны лучшие представители русского воинства.

В распоряжение женского батальона выделили два амбара, а для офицеров – один блиндаж. Другой блиндаж отвели нашим мужчинам-инструкторам и для размещения взвода снабжения. Однако, поскольку солдаты из соседних частей начали проявлять определенный интерес к моим девушкам, я решила переночевать вместе с ними в одном амбаре, а Татуеву поставила во главе группы во втором. Ночью наши амбары окружили солдаты и не давали нам спать. Но они вели себя не очень агрессивно. И не угрожали. Им было просто любопытно, очень любопытно.

– Да мы только хотим поглядеть на эту невидаль, – отвечали они на окрики протестующих часовых. – Бабы в штанах! – весело восклицали они. – Да к тому же еще и солдаты. Это надо же! Чудно как-то, поневоле станешь любопытным.

В конце концов мне пришлось выйти и поговорить с солдатами. Я села рядом с ними и спросила:

– Как вы думаете: нужно ли дать девушкам отдохнуть после дневного перехода?

– Да, конечно, – согласились они.

– Разве солдату не нужно хорошенько отдохнуть и восстановить силы перед наступлением?

– Точно, нужно.

– Тогда почему бы вам не умерить свое любопытство и не дать уставшим женщинам возможность набраться сил?

Солдаты согласились и разошлись.

На следующий день мои девушки были в приподнятом настроении. Русская артиллерия открыла огонь рано поутру и обрушила на неприятельские позиции шквал снарядов. Без сомнения, это означало наступление. Командир полка устроил нам смотр и произнес взволнованную речь. Он назвал меня матерью батальона и выразил надежду, что девушки ответят мне дочерней любовью. По мере того как день 6 июля 1917 года клонился к исходу, канонада усиливалась. Германская артиллерия не долго молчала. Снаряды стали градом падать вокруг нас.

Ночь мы провели в тех же амбарах деревни Сенки. Удалось ли девушкам заснуть, не знаю. Разумеется, большинство из них испытывали страх перед лицом самой Войны. Пушки бухали беспрестанно, но мои маленькие храбрые солдатики держались стойко, скрывая свои чувства: разве не они начнут это всеобщее наступление на неприятеля, которое поднимет дух русских солдат на всем фронте? Не они ли принесут свои жизни в жертву за любимую Россию, которая, безусловно, с гордостью сохранит в своей памяти подвиг этих трехсот девушек? Смерть ужасна. Но во сто крат ужаснее была бы гибель России-матушки. К тому же в

атаку их поведет командир, и с ней они пойдут куда угодно.

А что думала в это время я, их командир? Мне было тогда некое видение: в несокрушимом порыве миллионы русских солдат поднимаются из окопов вслед за мной и тремястами девушками, после того как мы скрылись на ничейной земле на пути к германским траншеям. Ну конечно, мужчинам будет стыдно, когда они увидят, как идут в бой их сестры. Конечно же, фронт воспрянет и все воины как один устремятся вперед, а за ними двинутся мощные армии из тыла. И никакая сила на земле не сможет сдержать неотразимый натиск четырнадцати миллионов русских солдат. И потом наступит мир…

Глава четырнадцатая. С поручением от Керенского к Корнилову

Седьмого июля вечером мы закончили последние приготовления к выходу на передовую линию. В распоряжение батальона передали пулеметный взвод с восемью пулеметами и целый воз винтовочных патронов.

Я сказала девчатам, что в эту ночь весь полк пойдет в наступление.

– Не будьте трусами! Не становитесь предателями! Помните, что сами согласились показать пример воинской дисциплины лодырям в армии. Я знаю, что вы рождены для славы. Страна пристально следит за тем, как вы поведете за собой весь фронт. Положитесь на Господа, и Он поможет нам спасти Родину…

Стоявших рядом мужчин я призвала к полному взаимопониманию и поддержке. Так как на этом участке фронта только что побывал Керенский, солдаты все еще находились под влиянием его пылких призывов защищать страну и свободу. Они живо откликнулись на мое обращение, обещая действовать сообща в ожидаемом наступлении. На землю опустилась тьма, нарушаемая время от времени вспышками разрывов. Нас ждала как никогда трудная ночь.

Артиллерия грохотала громче обычного, когда мы, вытянувшись в цепочку, осторожно пробирались по соединительной траншее к передней линии огня. Остальные подразделения полка продвигались на передовую по другим ходам сообщения. Уже тогда несколько солдат были убиты, многие получили ранения; среди последних оказались и несколько моих девушек.

От командующего 10-й армией генерала Валуева пришел приказ нашему корпусу начать наступление в 3 часа утра 8 июля. Батальон занял участок в передней линии окопов, поддерживаемый с флангов другими ротами. Я находилась на крайнем правом фланге позиции батальона. На крайнем левом был капитан Петров, один из наших инструкторов. Мой адъютант поручик Филиппов остался в центре. Между ним и мной в цепи девушек на одинаковом расстоянии поставили двух офицеров. Таким же образом была построена линия в промежутке между поручиком Филипповым и капитаном Петровым. Мы ждали сигнала к атаке.

Ночь прошла в сильном напряжении. Когда подошел назначенный час, до меня стали доходить странные донесения.

Офицеры встревожились. Они почувствовали некоторое беспокойство среди солдат и засомневались в том, что они вообще пойдут в наступление.

Часы показывали три часа утра. Полковник дал сигнал к атаке. Но солдаты справа от меня и слева от капитана Петрова не двигались. Они засомневались в правильности принятого решения. Трусы!

– За что мы должны умирать? – спрашивали одни.

– Что толку в этом наступлении? – вторили им другие.

– Может быть, лучше вообще не идти в атаку, – в нерешительности говорили третьи.

– Правильно. Сначала надо разобраться, нужно ли вообще это наступление, – толковали солдаты в остальных ротах.

Полковник, ротные командиры и некоторые солдаты посмелее пытались убедить полк начать атаку. Между тем светало, начинался день. Время не ждало. Нерешительность отмечалась и в других полках корпуса. Солдаты, почувствовавшие было прилив мужества под влиянием речей Керенского, теперь, когда дело дошло да решительного наступления, растерялись и струсили. Мой батальон застрял в траншее из-за малодушия солдат на обоих наших флангах. Складывалась нетерпимая, недопустимая и нелепая ситуация.

Лучи восходящего солнца осветили несуразнейшую картину: весь армейский корпус обсуждал приказ своего командира о наступлении. Четыре часа утра. Споры все разгорались. Солнце поднялось еще выше. Утренний туман почти рассеялся. Артиллерийский огонь ослабевал. А обсуждение не стихало. Пять утра. Германцы пришли в замешательство и никак не могли понять, будут русские наступать или нет. И весь тот боевой дух, который накопился в батальоне за прошедшую ночь, улетучивался, уступая место физической усталости. А солдаты продолжали спорить, начинать ли атаку!

Была дорога каждая секунда. «Если бы только они отважились наступать, – думала я, – даже сейчас еще не поздно». Но минуты превращались в часы, а решение так и не принималось. Дискуссия продолжалась и в шесть, и в семь часов. День был потерян. И пожалуй, потеряно все. Кровь кипела от негодования при виде абсурдности и глупости происходящего. Подлые трусы и предатели! Они только делали вид, что заинтересованы в наступлении, считая благоразумным не спорить по существу, как будто неделями раньше не обсуждали этот вопрос до хрипоты. Они оказались настоящими трусами, скрывавшими свой страх в потоках пустой болтовни.

Артиллерии было приказано продолжать обстрел. И весь день

пушки палили, а солдаты вели свои споры. Было стыдно и унизительно: ведь эти же самые солдаты клялись воинской честью, что пойдут в атаку! А теперь страх за собственную шкуру охватил их сердца и души. Полдень застал солдат в самом разгаре словопрений. В ближнем тылу шли митинги, произносились речи. И более глупых, более пустых доводов нельзя было придумать. В утеху себе они все повторяли и повторяли, запинаясь, одни и те же избитые туманные фразы, лживость которых уже давно стала очевидной. И в общем-то, теряли время, впадая из-за своего малодушия во все большие сомнения и нерешительность.

День клонился к вечеру. Но солдаты так и не пришли к какому-то окончательному решению. И тогда около семидесяти пяти офицеров во главе с подполковником Ивановым пришли ко мне с просьбой разрешить им влиться в строй батальона для совместной атаки. За ними последовали около трехсот наиболее здравомыслящих и храбрых солдат полка. Таким образом, численность батальона возросла до тысячи человек. Я предложила подполковнику Иванову принять командование как старшему по званию, но он отказался.

У каждого из офицеров была винтовка. Цепь построили так, что мужчины и женщины чередовались в ней и каждую женщину прикрывали с обеих сторон мужчины. Офицеров, а их насчитывалось теперь около сотни, поставили на равном расстоянии друг от друга по цепи.

Мы решили наступать, чтобы пристыдить солдат, и полагали, что они не дадут нам погибнуть на ничейной земле. Все хорошо понимали ответственность принятого решения. Не было никакой уверенности в том, что солдаты не оставят нас на произвол судьбы, разве только надеялись, что такое чудовищное предательство просто невозможно. Кроме того, что-то нужно было предпринимать. Необходимо было начинать наступление, и поскорее. Фронт быстро разваливался, становился неуправляемым и слабым.

Подполковник Иванов доложил командованию по телефону о решении батальона. Это была отчаянная игра, и каждый из нас понимал всю серьезность положения. Солдаты на обоих флангах нашего батальона издевались над нами.

– Ха-ха! Вот это наступление – бабы и офицеры! – зубоскалили они.

– Они нас просто дурачат! Где это видано, чтоб офицеры ходили в атаку, как солдаты, с винтовками в руках?

– Поглядим, как бабенки побегут! – выдал какой-то парень под общий хохот собравшихся.

Мы скрежетали от ярости зубами, но сдерживали себя, чтобы не отвечать им. Ведь мы все еще надеялись на этих людей. Верили, что солдаты последуют за нами, и потому не хотели восстанавливать их против себя.

Наконец был дан сигнал к атаке. Мы перекрестились и, сжимая винтовки, выскочили из окопов и бросились вперед под губительным огнем пулеметов и артиллерии, готовые отдать жизнь за Отечество и свободу. Мои отважные девчонки, воодушевленные присутствием мужчин в своих рядах, упорно шли под градом пуль навстречу врагу.

Каждая секунда несла с собой смерть. И в голове у каждого из нас была только одна мысль: «Пойдут солдаты за нами или нет?» В тот трагический день каждое мгновение казалось целым столетием. Уже несколько наших бойцов пали под огнем неприятеля, но за нами так никто и не пошел. Время от времени мы оборачивались, зорко вглядываясь в темноту в ожидании поддержки, – но напрасно. Лишь головы высовывались из окопов позади нас. Мерзавцы все никак не могли взять в толк, то ли мы шутим, то ли идем в атаку всерьез. И впрямь все это казалось им каким-то розыгрышем. Ну как это жалкая группа из тысячи женщин и офицеров может атаковать неприятеля после двухдневной артиллерийской подготовки на участке фронта шириной в несколько верст? Невероятно, немыслимо!

Однако мы с бесстрашием и упорством шли вперед. Наши потери росли, но цепь не разрывалась. По мере того как мы все дальше и дальше продвигались к ничейной земле, а сумерки сгущались, наши фигуры становились едва различимыми для солдат, оставшихся в окопах; лишь всполохи от взрывов снарядов обнаруживали нас. И тут что-то дрогнуло в их сердцах.

Сквозь грохот артиллерии и треск ружейных выстрелов мы вдруг уловили звуки, свидетельствовавшие о том, что в нашем тылу началось большое волнение. Было ли то чувство стыда, пробудившее солдат от долгой спячки? Или их заставила воспрянуть духом горстка этих бесстрашных людей? Как бы то ни было, они наконец зашевелились. С криками выпрыгивая из окопов, солдаты бросились вперед, и через несколько мгновений справа и слева от нас по фронту колыхались огромные людские массы. Первым из окопов выплеснулся наш полк, а затем, словно заразившись его примером, на обоих флангах начали подниматься и другие части, одна за другой, включаясь в общее наступление, и вскоре почти весь корпус пошел в атаку.

Мы с еще большей силой рванулись вперед и, не дав германцам опомниться, заняли их первую линию укреплений, затем вторую. Один только наш полк захватил в плен две тысячи

германцев. Но во второй линии траншей нас поджидала пагубная отрава. Там было пропасть сколько водки и пива. Половина наших солдат, набросившись с остервенением на спиртное, перепилась. Мои девчонки, правда, и здесь сделали доброе дело, уничтожив по моему приказу несколько ящиков со спиртным. Если бы не они, весь полк был бы пьян. Я кидалась взад-вперед, умоляя солдат прекратить пьянство.

– Да вы что, с ума сошли? – увещевала я их. – Нам же еще брать третью линию, а потом в прорыв пойдет и сменит нас Девятый корпус, который продолжит наступление.

Я понимала, что нам предоставлялась исключительная возможность. Необходимо было взять третью линию, полностью прорвать оборону противника и завершить удар генеральным наступлением по всему фронту. Однако солдаты один за другим становились жертвами горькой отравы. А ведь среди нас оказалось немало раненых, о которых следовало позаботиться. Несколько моих девчат погибли, многие были ранены. Эти последние вели себя исключительно стойко. Как сейчас вижу перед собой лицо Клипатской, лежащей в луже крови. Я подбежала к ней, хотела помочь, но было слишком поздно. У нее было двенадцать ран от пуль и шрапнели. Слабо улыбнувшись, она произнесла чуть слышно:

– Ничего, милая!

В этот момент германцы предприняли контратаку. Положение было критическое, но мы встретили их штыками. Как обычно бывает в таких случаях, неприятель обратился в бегство. Мы преследовали его и выбили из третьей линии укреплений, заставив укрыться в ближайшем лесу.

Едва мы заняли третью линию траншей неприятеля, как поступил приказ командования продолжать преследование, не позволяя германцам окопаться. Было обещано, что на помощь нам немедленно выступит резервный корпус. Мы проявили осторожность, выслав несколько разведгрупп в лес, чтобы определить силы неприятеля. Одну из таких групп повела я сама и удостоверилась, что германцы постепенно стягивают силы для нанесения нового удара. Поэтому мы решили немедленно продвинуться в глубь леса, закрепиться там и дождаться подкрепления, что позволило бы развивать атаку дальше.

Был предрассветный час. Германцы, засевшие в глубине леса, имели то преимущество, что могли следить за всеми нашими передвижениями, мы же не видели их вовсе. Они встретили нас таким яростным прицельным огнем, что солдаты дрогнули и сотнями побежали назад, сокращая численность наших сил до восьмисот человек, из которых двести пятьдесят составляли мои

девушки, избежавшие ранения или смерти.

Положение становилось все более опасным. Линия обороны, проходившая через лес, была весьма протяженной, а наши силы явно недостаточны. Фланги были обнажены. Боеприпасов оставалось немного. К счастью, мы захватили несколько немецких пулеметов. С убитых снимали винтовки и забирали патроны. Командиру корпуса сообщили, что часть солдат повернула назад, бросив нас под огнем, и что мы под угрозой неизбежного окружения. Командир настойчиво просил продержаться до трех часов, когда нам на помощь подойдет 9-й корпус.

Если бы германцы имели представление о наших силах, мы не продержались бы и нескольких минут. Существовала реальная опасность, что нас обойдут с флангов и мы окажемся в окружении. Наша цепь была так сильно растянута, что каждому солдату приходилось удерживать участок в несколько десятков шагов, а весь отряд расположился на фронте шириной около трех верст. Германцы предприняли атаку на левом фланге. Пришлось перебросить туда часть сил с правого фланга, где почти не осталось пулеметов, но атака немцев захлебнулась. В этой стычке был ранен подполковник Иванов, выбыли из строя многие солдаты и офицеры. А у нас не хватало свободных рук, чтобы доставить раненых на пункт первой помощи, расположенный далеко в тылу.

Вот и три часа утра, а ожидаемого подкрепления не видно. Германцы начали атаку на наш правый фланг. Там командовал поручик Филиппов. Когда наша линия прогнулась, он приказал пулеметчикам на левом фланге открыть косоприцельный огонь по наступающему противнику. В то же время перед артиллерией была поставлена задача остановить врага заградительным огнем. Атака снова была отбита.

По моей просьбе выслали около ста санитаров с носилками, чтобы подобрать убитых и раненых между нашими исходными позициями и захваченной нами третьей линией германских окопов. Батальон потерял около пятидесяти человек убитыми или ранеными.

Солнце тем временем поднялось высоко, и время летело быстро. Наше положение становилось отчаянным. Мы срочно запросили помощи в штабе. И с другого конца провода пришел поразительный ответ:

– Солдаты Девятого корпуса митингуют. Они прибыли из резерва, но, заняв оставленные нами окопы, остановились в нерешительности и принялись обсуждать, продвигаться вперед или нет.

Это известие свалилось на нас, как тяжелый камень. Мы

получили неожиданный, невероятно сокрушительный удар.

Тут, на краю пропасти, под неминуемой угрозой окружения и полного уничтожения, были мы – несколько сотен женщин, офицеров и солдат. А там, в одной-двух верстах отсюда, находились они – тысячи солдат, и теперь от них зависели наши судьбы, судьба всего наступления, да что там! – судьба, быть может, всей России. А они совещались и раздумывали!

Где же справедливость? Где солдатское братство? Где мужество и порядочность?

– Как вы можете бросать на верную погибель ваших боевых соратников и этих отважных женщин? – обращался к ним командир корпуса. – Где же ваши честь, совесть и чувство товарищества?

Офицеры просили, умоляли солдат идти вперед, по мере того как наши призывы о помощи становились все более настойчивыми. Но их слова не находили отклика в солдатских массах. Солдаты заявили, что в случае атаки германцев будут защищать свои позиции, но в наступательной операции участвовать не станут.

В этих безнадежных обстоятельствах, когда я металась от одной позиции к другой, подставляя себя под пули в надежде, что меня убьют и не придется видеть крушения своего дела, я натолкнулась на парочку, прятавшуюся за стволом дерева. Это была девчонка из моего батальона и какой-то солдат. Они занимались любовью!

Гнусная сцена возмутила меня даже больше, чем неторопливость 9-го корпуса, обрекшего нас на гибель. Этого было достаточно, чтобы сойти с ума. Рассудок отказывался воспринимать такое в тот момент, когда нас, как крыс, загнали в капкан врага. Во мне все бурлило. Вихрем налетела я на эту парочку и проткнула девку штыком. А солдат бросился наутек, прежде чем я сумела его прикончить, и скрылся.

Поскольку не было никаких надежд на скорое окончание дебатов в 9-м корпусе, командир приказал нам отступать. Однако оторваться от германцев незамеченными было довольно трудной задачей. Я приказала сначала одной группе отойти назад и остановиться неподалеку, затем тот же маневр проделала вторая группа, а за ней и третья, пока мы не добрались почти до опушки леса. Перенос позиции – длительная и рискованная операция, чреватая неожиданностями, но все прошло гладко, и у нас появилась надежда на спасение.

Наконец наши группы сомкнули свои ряды, и мы уже приготовились к решающему броску, как вдруг почти одновременно с обоих флангов на нас обрушились громкие

победные крики: «Ура!» Мы были наполовину окружены! Еще четверть часа – и мы в ловушке. Нельзя было терять ни минуты. И я приказала всем отступать – спасаться кто как может.

Германская артиллерия усилила огонь, а вражеские винтовки косили наши ряды с обоих флангов. Я пробежала, вероятно, несколько сотен шагов, когда рядом со мной с ужасающим грохотом разорвался снаряд, и я потеряла сознание. Поручик Филиппов видел, как я падала, подбежал ко мне, поднял и потащил на себе под губительным огнем через германские позиции и то открытое пространство, которое до нашего наступления было ничейной землей, прямо к русским окопам.

А тем временем 9-й корпус все еще митинговал. Но спор уж слишком затянулся. Когда запыхавшиеся от бега, грязные, забрызганные кровью уцелевшие солдаты батальона один за другим ввалились в наши окопы, стало ясно, что дальнейшие дебаты излишни. Наступление полностью провалилось. Германцы без всякого сопротивления с нашей стороны заняли свои прежние позиции и рубежи, завоеванные нами ценой больших потерь. В строю батальона осталось всего двести женщин.

Я пришла в сознание в госпитале в тылу. В результате тяжелой контузии от разрыва снаряда у меня нарушился слух, и, хотя я понимала то, что говорили, сама ничего сказать не могла. Меня отправили в Петроград, и там на вокзале мне устроила встречу группа высокопоставленных лиц, включая многих дам – патронесс моего батальона и нескольких армейских офицеров из высших чинов. Керенский прислал своего адъютанта. Генерал Васильковский, сменивший Половцева на посту командующего Петроградским военным округом, также был среди встречавших. Меня осыпали цветами и поцелуями. Но на все приветствия я не могла ответить ни единым звуком и только неподвижно лежала на носилках.

Меня отвезли в госпиталь, где поместили в просторной светлой палате. Вскоре пожаловал и сам Керенский. Он поцеловал меня в лоб и подарил красивый букет цветов. Затем сказал несколько слов, извиняясь за те волнения, которые он доставил мне во время спора по поводу введения системы комитетов в батальоне, и похвалил за храбрость. Он заявил, что я показала замечательный пример мужчинам на всем фронте. И, наконец, пригласил зайти к нему, как только поправлюсь.

На следующий день меня навестил председатель Государственной думы Родзянко. Он был в очень подавленном настроении и пессимистично оценивал ситуацию в стране.

– Россия гибнет, – сказал он, – и нет никакого спасения для нее в будущем. Керенский слишком полагается на свою личную

власть и совершенно не видит, что творится вокруг него. Генерал Корнилов просил Керенского дать ему полномочия восстановить дисциплину в армии, но тот отказал, заявив, что сам сможет этого добиться.

Пока я лежала в госпитале, с фронта приехал делегат и привез мне благодарственное письмо от комитета солдатских депутатов моего корпуса. Выяснилось, что два дня спустя после моего ранения комитет, в состав которого обычно входили наиболее здравомыслящие солдаты, собрался и целый вечер обдумывал, как лучше всего наградить меня за участие в наступлении. Была принята резолюция, в которой выражались похвала и благодарность за то, что я проявила храбрость и возглавила атаку, завершившуюся захватом в плен двух тысяч германцев. Благодарственное письмо, фактически воспроизводившее текст резолюции, было подписано членами комитета корпуса. Впоследствии эти солдаты, вероятно, все отдали бы за то, чтобы взять обратно свои подписи, ибо глубоко сожалели, что от имени всего корпуса, уже тогда проникнутого большевистским духом, воздали честь мне, непримиримому врагу германцев.

Я узнала, что поручик Филиппов возглавил батальон, собрав оставшихся в живых из тех частей и подразделений, к которым они прибились во время и после нашего отступления. Однако он не остался с батальоном, а перевелся в какой-то авиационный отряд на юге, после того как переформировал остатки моей части. Мне сообщили также, что командир корпуса рекомендовал наградить меня Георгиевским крестом.

Прошла еще неделя, прежде чем я вновь обрела способность говорить и двигаться, хотя последствия контузии давали о себе знать еще несколько недель. Одна моя приятельница сообщила, что ожидается приезд генерала Корнилова в Петроград и что у него с Керенским весьма натянутые отношения из-за различий в подходе к вопросу о восстановлении дисциплины в армии. Я позвонила в Зимний, прося о встрече. Адъютант военного министра доложил о моей просьбе Керенскому. Министр сказал, что может принять меня немедленно и пришлет за мной автомобиль.

Керенский тепло принял меня, поздравил с выздоровлением и спросил, как я думаю, почему солдаты сначала не пошли в атаку. Я подробно рассказала ему о неудавшемся наступлении, в котором принимала участие, о том, как солдаты часами и даже сутками обсуждали на митингах вопрос, идти в наступление или нет. Я излагала только факты, приведенные выше. Керенский был потрясен. В заключение я сказала:

– Вы теперь видите сами, что солдатские комитеты занимаются только говорильней, бесконечной говорильней. А армия, которая только болтает, уже не способна воевать. Чтобы спасти фронт, нужно упразднить комитеты и ввести строгую дисциплину. Мне кажется, генерал Корнилов способен выполнить эту задачу. Я верю в него. Еще не все потеряно. Русскую армию можно возродить, но только железной рукой. А у Корнилова именно такая рука. Так почему бы не дать ему право употребить власть?

Керенский в целом согласился со мной.

– Но, – сказал он, – Корнилов хочет восстановить старый режим. Он может воспользоваться данной ему властью и вновь посадить царя на трон.

Я прямо заявила, что не могу в это поверить. Керенский возразил, заметив, что у него есть достаточные основания полагать, что Корнилов хочет реставрировать монархию.

– Если я вас не убедил, – продолжал Керенский, – поезжайте в Генеральный штаб, поговорите с Корниловым, разузнайте, каковы его намерения, и доложите мне обо всем.

Я тут же сообразила, что Керенский просил меня выступить в качестве его секретного агента, и заинтересовалась предложением. В голове все время вертелся вопрос: «А что, если Керенский прав и Корнилов действительно хочет вернуть царя?»

Страна находилась в тяжелом положении, но я со страхом думала о том, что может возвратиться царизм. И если Корнилов за старый режим, значит, он враг народа и Керенский был прав, когда не решался облечь генерала верховной властью. Поэтому я приняла предложение Керенского.

Встревоженная мыслью о важности поручения, я решила пойти к Родзянко, которого считала своим лучшим другом, и посоветоваться с ним. Когда я поведала ему о разговоре с Керенским, он сказал:

– Это все старые штучки Керенского – подозревать каждого в приверженности старому режиму. Я не думаю, что Корнилов за восстановление монархии. Он честный, искренний человек. Но раз у вас есть сомнения, поезжайте. А давайте-ка поедем к нему вместе. Но не для того, чтобы шпионить, а чтобы сказать ему все прямо.

Мы сели в поезд, направлявшийся к месту расположения Генерального штаба, и по приезде были сразу приняты Корниловым. Я откровенно рассказала ему о том, какой разговор состоялся у меня с Керенским два дня назад. Корнилов побагровел, вскочил и, быстро расхаживая по кабинету, стал гневно выкрикивать:

– Негодяй! Выскочка! Клянусь честью старого солдата, что я не желаю восстановления царизма. Я люблю русского мужика, как и любого другого гражданина моей страны. Мы вместе воевали и прекрасно понимаем друг друга. Если бы мне только дали полномочия, я быстро восстановил бы дисциплину в армии, наказав при необходимости несколько полков. Я смог бы организовать наступление за несколько недель, разгромить германцев и уже в этом году заключить с ними мир. А он ведет страну к гибели, подлец!

Корнилов выпаливал слова, словно наносил удары кинжалом. Было очевидно, что они идут из глубины души. Его волнение было неподдельным. Он продолжал в ярости мерить шагами комнату, рассуждая о неизбежности крушения фронта, если не будут безотлагательно приняты необходимые меры.

– Идиот! Он же не понимает, что его дни сочтены. В армии быстро распространяется большевизм, и уже недалек тот день, когда он сметет и его. Сегодня он позволяет Ленину беспрепятственно вести пропаганду в армии, а завтра Ленин получит его голову и все рухнет.

Мы вышли от Корнилова, и я должна была решить, докладывать все это Керенскому или нет. Признаюсь, что испытала некоторое чувство стыда, когда подумала о том, как выполнила его поручение. Поэтому я попросила Родзянко рассказать Керенскому об отношении Корнилова к вопросу о восстановлении монархии, а сама села в поезд, идущий в Москву, где меня пригласили провести смотр женского батальона, организованного по тому же образцу, что и мой. Уже много таких батальонов формировалось по всей России.

Когда я приехала в казармы и увидела полторы тысячи девушек московского батальона, то чуть не упала в обморок от их внешнего вида. Почти все они были накрашены и одеты не по форме – кто во что горазд, носили туфли и модные чулочки и вели себя фривольно. Вокруг вертелось много солдат, и их обращение с девушками было возмутительным.

– Это что у вас здесь такое, – закричала я в отчаянии, – дом терпимости? Вы же позорите армию! Я бы немедленно распустила ваш батальон, и, поверьте, постараюсь, чтобы вас не отправляли на фронт!

Разразилась буря протестов.

– Ах вот как! Это что ж такое – назад к старому режиму? – завопило сразу несколько возмущенных голосов.

– О чем это она? О дисциплине? Опять муштра? Да как она смеет так с нами разговаривать? – кричали другие.

Вмиг я оказалась в тесном окружении толпы озлобленных

солдат, угрожавших мне расправой. Сопровождавший меня офицер, по-видимому, знал настрой этой толпы и понял, какую опасность я на себя навлекла. Он быстро позвонил генералу Верховскому, командующему Московским военным округом, который был чрезвычайно популярен в войсках.

Тем временем мой провожатый делал все, что в его силах, успокаивая негодовавшую толпу, которая вскоре разрослась до тысячи человек. Кольцо окружения сжималось все больше и больше, и я уже готовилась прочитать последнюю молитву. Один грубиян пнул меня ногой, и я упала. Другой каблуком сапога надавил мне на спину. Еще минута, и я стала бы жертвой самосуда. Но Господь миловал: Верховский прибыл вовремя. Решительные действия генерала заставили толпу расступиться. Он что-то сказал солдатам, и его слова произвели магическое действие. Я была спасена.

Из Москвы я отправилась на фронт, и, когда мои девушки увидели меня, радость была всеобщей.

– Наш начальник вернулся! – пели они хором и танцевали вокруг меня.

В мое отсутствие им приходилось туго, но, к сожалению, я с ними не долго оставалась. Уже в день моего прибытия вечером пришла телеграмма от генерала Корнилова с требованием немедленно явиться в штаб армии. Я без промедления выехала и встретилась там с главнокомандующим и Родзянко. Мы все втроем отправились в Петроград, к Керенскому. Это было накануне большого Государственного совещания в Москве, которое открылось 28 июля.

Во время поездки Корнилов рассказывал о своем детстве. Он родился в Монголии в семье русского отца и матери-монголки. Условия жизни в Центральной Азии пятьдесят лет назад были такими, что приходилось свыкаться с любыми тяготами. Именно там Корнилов воспитал в себе презрение к опасности и развил страсть к приключениям. Отец дал ему хорошее образование, поскольку был состоятельным человеком. Сам он, кажется, занимался торговлей скотом в приграничных районах, но, благодаря своим незаурядным способностям и невероятному упорству, достиг высокого положения. Не столько по книгам, сколько в результате общения с самыми разными людьми он научился говорить на десятке местных языков и наречий. Короче говоря, Корнилов не был аристократом ни по происхождению, ни по воспитанию. Знание людей и военного искусства он приобрел исходя из собственного жизненного опыта. Он умел находить общий язык и с крестьянином, и с рабочим. Будучи сам отчаянно храбрым, Корнилов любил русского солдата-крестьянина за его

презрение к смерти.

По прибытии в Петроград мы все трое отправились в Зимний дворец. Корнилов вошел в кабинет Керенского первым, оставив нас в приемной. Ждать пришлось довольно долго. Корнилов оставался с Керенским при закрытых дверях целых два часа, и до нашего слуха доносились отголоски той бури, которая разразилась в кабинете Керенского. Когда главнокомандующий наконец вышел, его лицо пылало.

Затем пригласили нас с Родзянко. Керенский был явно возбужден. Он упрекнул меня в том, что я выполнила его поручение не так, как он просил, и все сделала не так, как требовалось.

– Господин министр, – ответила я, – возможно, что виновата перед вами. Но я действовала по совести и поступала так, как велел мне мой долг перед страной.

Затем Родзянко обратился к Керенскому с такими словами:

– Бочкарева рассказывает, что на фронте стремительно падает ваша популярность среди офицеров и солдат: среди офицеров – по причине развала дисциплины в армии, среди солдат – потому, что они стремятся домой. Посмотрите, что происходит с армией. Она разваливается. Если уж солдаты смогли допустить, чтобы у них на глазах погибла группа женщин и офицеров, значит, положение критическое. Нужно что-то делать, и немедленно. Дайте Корнилову неограниченные полномочия в армии, и он спасет фронт. А вы останетесь во главе правительства, чтобы спасти нас от большевизма…

Я поддержала просьбу Родзянко.

– Мы быстро катимся в пропасть, – убеждала я Керенского, – и скоро будет слишком поздно что-либо делать. Корнилов – честный человек: в этом нет сомнения. Дозвольте ему спасти армию теперь же, чтобы никто потом не смог сказать, что Керенский погубил страну!

– Ни за что! – выкрикнул Керенский, треснув кулаком по столу. – Я сам знаю, как поступать!

– Вы губите Россию! – воскликнул Родзянко, возмущенный самонадеянностью Керенского. – Кровь Отечества будет на вашей совести!

Керенский сначала густо покраснел, потом вдруг лицо его стало мертвенно-бледным. Его вид меня испугал. Казалось, он того гляди грохнется на пол и умрет.

– Убирайтесь! – взвизгнул он вне себя от гнева и указал на дверь. – Вон отсюда!

Родзянко и я направились к выходу. У дверей Родзянко на минуту задержался, повернул голову и сказал министру что-то

язвительное.

Корнилов ждал нас в приемной. Мы поехали к Родзянко обедать. Там Корнилов посвятил нас в содержание своей беседы с Керенским. Он доложил министру, что солдаты толпами бегут с фронта, а те, кто остается, совершенно небоеспособны, так как каждую ночь посещают германские окопы и наутро возвращаются оттуда пьяными. Братание распространилось по всему фронту. А один раз целый австрийский полк с запасом спиртного ввалился в наши окопы, и там началась дикая попойка. Корнилов повторил то, что ему было известно из официальных донесений о действиях моего батальона, и заявил, что к нему от офицеров ежедневно поступают многочисленные запросы об инструкциях. Но какие инструкции он может дать? Он сам хотел бы получить их от Керенского.

Здесь министр спросил Корнилова, что, по его мнению, следует предпринять в сложившейся ситуации. Корнилов ответил, что считает необходимым снова ввести в армии смертную казнь, ликвидировать комитеты и дать главнокомандующему всю полноту власти, чтобы он мог в случае необходимости расформировывать отдельные части, казнить агитаторов и бунтовщиков. Только так можно спасти фронт от полного развала, а страну от неминуемой гибели.

Керенский заявил Корнилову, что его предложения неприемлемы. Единственное, что можно сделать, – это распорядиться, чтобы офицеры передавали на рассмотрение полковых, корпусных и армейских комитетов все конфликты, возникающие в частях. Корнилов возразил, что перед комитетами уже неоднократно ставились подобные вопросы. Они расследовали эти дела, осуждали виновников и получали от них клятвенные заверения не совершать впредь подобных проступков, после чего солдаты, как неразумные дети, тут же продолжали пить и брататься с противником. Только строгая дисциплина, убеждал Корнилов, сделает русскую армию силой, с которой будут считаться.

Но Керенский был неумолим. Он не пожелал одобрить предложенный Корниловым план. Разговор зашел в тупик, и Корнилов вспылил.

– Вы ведете страну к полной гибели, – с гневом сказал он Керенскому. – Вам известно, что союзники уже смотрят на нас с презрением. Если фронт рухнет, они сочтут нас предателями. Вы заблуждаетесь, думая, что солдаты все еще верят вам. Почти все они сейчас за большевиков. Еще немного – и вас свергнут, и тогда ваше имя войдет в историю как имя человека, погубившего Россию. Вы всю свою жизнь боролись с царизмом. А сейчас стали

даже хуже царя. Сидите вот здесь, в Зимнем, и ревностно держитесь за власть, боясь, как бы кто не перехватил ее у вас. Хотя я и был приближен к царю, у вас теперь нет никаких оснований сомневаться во мне и подозревать в приверженности монархическим идеям. Какой я монархист? Я люблю свою страну и свой народ. Мое единственное желание – создать сильное демократическое государство при помощи Учредительного собрания во главе с законно избранным руководителем. Я хочу, чтобы Россия стала могущественной и процветающей страной. Разрешите мне свободу действий в армии, и наше Отечество будет спасено!

Керенский резко отверг просьбу Корнилова.

– Вам придется уйти в отставку! – громко объявил он. – И я назначу на ваше место Алексеева. А если вы мне не подчинитесь, я буду с вами бороться!

– Негодяй! – выкрикнул Корнилов, покидая кабинет.

За обедом Корнилов сказал Родзянко, что, если Керенский выполнит свою угрозу, он бросит против него Дикую дивизию, состоящую исключительно из верных ему людей. Родзянко отговаривал его от такого шага, умоляя не выступать против правительства, ибо это приведет к расколу и гражданской войне. После долгих уговоров председателю Государственной думы удалось убедить Корнилова остаться на посту главнокомандующего ради сохранения гражданского мира в стране.

Во время обеда я также узнала, что генералу Алексееву не раз предлагали занять пост Верховного главнокомандующего, но он соглашался только при условии, что ему будет предоставлена свобода действий в армии. Керенский проявлял все большую самоуверенность и раздражительность, неохотно встречался с людьми и не прислушивался ни к каким советам.

Я рассталась с Родзянко и Корниловым. Последний расцеловал меня на прощание и обещал дружескую поддержку в моих усилиях по сохранению дисциплины в армии. Я возвратилась на фронт, а они оба поехали в Москву для участия в генеральном совещании.

Мое сердце было охвачено печалью. Прошло пять месяцев, всего лишь пять месяцев, как мы обрели свободу. Но какой же наступил кошмар! Мы находились в состоянии войны, однако лишь заигрывали с противником. Мы были свободны, но в стране нарастала разруха и усиливался беспорядок во всем. Пять месяцев назад все лучшие люди России были счастливы и объединены одной целью. Теперь они разошлись во взглядах и враждовали друг с другом. И народ тоже раскололся. Когда

произошла революция, ее приветствовали все – солдаты, горожане, крестьяне, рабочие, торговцы. Все радовались. Все надеялись на счастливое будущее. Теперь возникло множество партий, которые внесли раскол и посеяли вражду в народе. Каждая из них претендовала на знание истины, каждая сулила райскую жизнь, но то, что одной представлялось благом, другая считала злом. Они болтали, спорили, боролись друг с другом, все больше запутывая народ и разъединяя сердца. Как долго могла продержаться разобщенная страна перед лицом столь грозного врага, как Германия? Я молилась за спасение России.

Глава пятнадцатая. Армия превращается в неуправляемый сброд

В батальоне меня встретили восторженно. Я доложила командиру корпуса о прибытии и была приглашена на обед в штаб. Офицеры интересовались событиями, происходящими в тылу. Я, конечно, не стала подробно рассказывать о ссоре между премьер-министром и главнокомандующим, но все же в целом дала понять, что разногласия между ними усиливаются.

К концу обеда нам сообщили, что прибыл председатель корпусного комитета и хочет встретиться с командиром корпуса по какому-то важному делу. Оказалось, что в семь вечера надлежало сменить подразделения корпуса, находившиеся на передовой, и был отдан приказ резервным частям, дислоцированным в нескольких верстах в тыловой зоне, выдвинуться на переднюю линию в пять утра. Однако, несмотря на приказ, они не двинулись с места. Теперь председатель пришел объяснить причину задержки. Это был патриотически настроенный, толковый солдат. Генерал предложил ему сесть и рассказать обо всем.

– Прохвосты! – сказал он о тех, кто выбрал его своим лидером. – Они не хотят идти на передовую: все утро митингуют и отказываются сменить своих же товарищей.

Мы все были потрясены. Генерал разволновался.

– Что за черт! – со злостью воскликнул он. – Неслыханное дело! Если солдаты отказываются идти на передовую, на смену тем, кто сменил их пару недель назад, то какой смысл дальше оставаться на фронте и делать вид, что воюем? Это же фарс! Нечего тут оставаться. Пусть все бросают оружие и отправляются по домам. А правительство будет избавлено от необходимости сохранять видимость наличия армии. Негодяи! Расстрелять бы нескольких из них – остальные сразу бы вспомнили о своем долге! В семь часов окопы могут оказаться пустыми. Идите и передайте им, что я приказал выступать на передовую немедленно!

Председатель комитета вернулся в казармы и сообщил солдатам, что командир корпуса приказал под угрозой расстрела идти в окопы. Это взбесило солдат.

– Ага! Он грозится расстрелом! – закричал один.

– Он за старые порядки! – поддержал его другой.

– Он хочет муштровать нас, как в царской армии! – орали некоторые.

– Мерзавец он! – сказал кто-то.

– Убить его надо! А то он изведет нас муштрой! – гудели солдаты, распаляя себя до предела.

Тем временем с передовой пришло сообщение: солдаты в окопах устроили митинг и приняли решение оставить позиции в семь часов вечера. Генерал оказался в крайне затруднительном положении. Опасаясь, что его участок фронта окажется полностью открытым для противника, он позвонил в расположение резерва, чтобы узнать у председателя комитета, как там идут дела.

И тут генерал вдруг побледнел, уронил трубку телефона и сказал:

– Они хотят убить меня.

Начальник штаба Костяев схватил трубку и срывающимся голосом спросил, что там происходит. Я вместе с ним услышала ответ:

– Они настроены очень враждебно. В общем, взбунтовались и грозят расправиться с генералом. Волнения усиливаются, а некоторые солдаты уже направились к штабу.

Голос председателя комитета на другом конце провода звучал весьма тревожно. Когда его спросили, что мог бы сделать генерал, чтобы успокоить бунтовщиков, он ответил, что члены комитета с большим уважением относятся к генералу и пытались погасить накалившиеся страсти, но безуспешно.

Через несколько минут в здание штаба вбежали несколько офицеров и солдат. Они были страшно возбуждены.

– Генерал, если вы сейчас же не скроетесь, вам конец! – сказал один из них.

Следом ворвался полковник Белоногов, человек благородной души, которого солдаты обожали. Он принес те же вести и умолял генерала скрыться. Я поддержала его, упрашивая командира укрыться где-нибудь, пока не стихнет эта буря. Но генерал отказался.

– Мне прятаться?! – воскликнул он. – Что я сделал не так? Пусть приходят и убивают! Я только исполнял свой долг.

Он ушел в свой кабинет и заперся там. А толпа подходила все ближе и ближе. Все присутствовавшие были смертельно бледны. Каждую минуту кто-нибудь вбегал в дом запыхавшись и с ужасом извещал о надвигающейся буре. Наконец волна разбушевавшихся солдат докатилась до штаба. Слышались крики и вопли. На какую-то секунду все мы замерли в тревоге. Но тут полковник Белоногов заявил, что выйдет к солдатам и попытается их урезонить. У полковника был тихий голос и доброе сердце. Он никогда не допускал фамильярности даже в обращении со своим ординарцем. Когда он однажды подал рапорт о переводе в другую

часть, солдаты упросили начальство не отпускать его.

Одним словом, полковник был замечательным человеком. Без сомнения, во всем корпусе не нашлось бы другого офицера, который взял бы на себя задачу утихомирить возбужденную толпу. Белоногов вышел на крыльцо и спокойно посмотрел на все больше разраставшуюся толпу солдат.

– Где генерал? Где он? Мы прикончим его! – гудела одичавшая толпа.

– Ребята, ну что вы делаете? – начал полковник. – Образумьтесь и вспомните о своем долге. Ведь вам приказали сменить ваших же товарищей, таких же солдат, как и вы. Вы же понимаете, что это вполне справедливо. Генерал просто хотел, чтобы вы сменили ваших собратьев.

– Но он грозился расстрелять нас! – прервали его солдаты.

– Да вы не совсем поняли. Он сказал вообще, чтобы добиться повиновения, надо расстреливать…

– Расстреливать! – сотни солдат подхватили последнее слово, не вникая в смысл сказанного.

– Расстреливать! Ага, он хочет нас расстрелять! Он сам за старый режим, за старые порядки!

Кричали уже тысячи, не давая побледневшему полковнику возможности объясниться.

– Убить его! Показать ему, что такое расстрел! – неистовствовала толпа, в то время как оратор тщетно пытался повысить голос, чтобы быть услышанным.

Внезапно кто-то выбил из-под ног полковника табурет, на который он взобрался. В следующую секунду сотня солдат обрушилась и безжалостно растоптала тяжелыми сапогами этого благородного человека. Расправа была ужасной, невероятной по своей жестокости. Несколько тысяч человек превратились в зверей. В их глазах была жажда крови. Покачиваясь, словно пьяные, они вышибали последние признаки жизни из своей жертвы, топча уже безжизненное тело в припадке бешенства.

Жажда крови у взбесившейся толпы все росла. Офицеры понимали, что дорога каждая секунда. Костяев видел единственный путь спасения для нас в бегстве через окна в задней части дома.

– Я выйду к ним, – заявила я неожиданно для всех.

Оставшиеся в доме офицеры подумали, наверное, что я сошла с ума, и пытались отговорить меня.

– Белоногов был кумиром для своего полка, и смотрите, что́ с ним сделали. Идти туда – это верная смерть, – предостерегали они.

Генерал Костяев скрылся, а вместе с ним еще несколько

офицеров. Я не понимала, как можно исправить положение, спасаясь бегством. Допустим, уцелеют два-три человека, хотя и это вряд ли возможно, но бунт-то будет продолжаться и скоро полностью выйдет из-под контроля.

«Выйду к ним», – решила я, перекрестилась и ринулась в самую гущу разъяренной толпы.

– В чем дело? – крикнула я что было сил. – Что случилось? Ну-ка, дайте пройти!

Толпа расступилась и позволила мне пройти к табурету.

– Гляньте-ка на нее! – гаркнуло несколько голосов.

– Ах! Ах! Посмотрите на эту птаху! – отозвались другие.

– Ваше превосходительство! – съязвил кто-то.

– Погодите! – резко прервана я, взобравшись на табурет. – Никакая я не «ваше превосходительство», а просто Яшка! Можете убить меня сразу или чуть погодя, через пять – десять минут. Яшку этим не испугаете… Но до того как вы меня убьете, я выскажусь. Вы знаете меня? Знаете, что я одна из вас, такой же солдат из крестьян?

– Да, знаем, – отвечали солдаты.

– Хорошо, – продолжала я. – Зачем вы убили этого человека? – спросила я, указывая на обезображенное тело у своих ног. – Он был самым добрым офицером в корпусе. Никогда не бил, никогда не наказывал солдат. Был всегда обходителен со всеми – и с рядовыми, и с офицерами. Никогда никого не унижал. Всего лишь месяц назад он хотел перевестись в другое место, а вы настояли, чтобы его оставили с вами. Это было только месяц назад. Разве он изменился с тех пор? Мог ли он измениться за такое короткое время? Он же отцом был для своих солдат. Разве вы не гордились им? Разве не хвастались всегда, что вас в полку хорошо кормят, что вы хорошо обуты, регулярно ходите в баню? Разве не по собственному почину вы наградили его Солдатским крестом, наивысшей наградой, какая есть в свободной русской армии? И вы убили его собственными руками. Убили эту чистую душу, воплощение человеческой доброты. Почему? Зачем вы это сделали? – набросилась я в ярости на солдат.

– Потому что он из класса эксплуататоров, – раздался чей-то голос.

– Они все сосут нашу кровь! – заорали другие.

– Да что с ней разговаривать? Кто она такая, чтобы задавать нам вопросы? – выкрикнул кто-то.

– Убить ее! Убить ее тоже! Убить их всех! Довольно мы настрадались! Буржуи! Убийцы! Убить ее! – загудело множество голосов.

– Мерзавцы! – крикнула я. – Можете убить меня… Я в вашей

власти, и я вышла сюда для того, чтобы встретить смерть. Вы спрашиваете, зачем со мной разговаривать и кто я такая? Вроде как не знаете, кто такая Яшка Бочкарева? Кто посылал делегатов, чтобы подарить мне иконы, если не вы? Кто произвел меня в офицеры, если не вы? Кто отправил мне в Петроград всего несколько недель назад вот это благодарственное письмо, если не вы?

И с этими словами я вытащила из нагрудного кармана письмо с резолюцией, принятой и подписанной корпусным комитетом, отправленное мне в петроградский госпиталь. Я всегда носила его с собой. Тыча пальцем в подписи, я кричала:

– Вы это видите? Кто это подписывал, если не вы сами? Здесь подписи комитетчиков, которых вы сами выбирали!

Солдаты молчали.

– Кто переносил все испытания и сражался вместе с вами, если не я? Кто спасал ваши шкуры под огнем, если не Яшка? Или вы не помните, как я спасала вашего брата под Нарочью, когда, по грудь увязая в грязи, перетаскивала вас дюжинами в безопасное место и возвращала к жизни?

Тут я резко повернулась к парню, стоявшему с открытым ртом, посмотрела на него в упор и спросила:

– Предположим, что вы выберете себе офицеров сами. И что бы ты делал на месте командира, если бы выбрали тебя, простого солдата из народа? Скажи, что бы ты стал делать? – наседала я на него.

Парень тупо смотрел на меня, пытаясь улыбнуться.

– Га, когда бы выбрали, тогда было б видно, – промолвил он.

– Это не ответ. Ты мне скажи: как бы поступил, если бы наш корпус сидел в окопах, а другой отказался бы его сменить? Чтó бы ты делал? Ну? Чтó бы вы все делали? – обратилась я уже к толпе. – Продолжали бы удерживать позицию или ушли? Отвечайте!

– Ну что ж, ушли бы, конечно, – ответили несколько человек.

– Но для чего вы здесь находитесь? – заорала я диким голосом. – Чтобы удерживать траншеи или нет?

– Ну да, чтобы держать оборону, – ответил кто-то.

– Тогда как же можно их бросать? – выпалила я.

Наступило всеобщее молчание.

– Это было бы предательством по отношению к Свободной России, – продолжала я.

Солдаты потупили головы от стыда. Никто не произнес ни слова.

– Тогда зачем же вы его убили? – с болью в голосе выкрикнула я. – Ведь он только просил вас не оставлять окопы.

– Он хотел расстрелять нас! – раздалось несколько мрачных голосов.

– Вовсе он такого не говорил. Пытался лишь объяснить, что и генерал вам тоже не угрожал, но заметил, что при других обстоятельствах подобные действия карались бы расстрелом. И не успел полковник Белоногов произнести эти слова, как вы набросились на него, не дав даже возможности высказаться.

– Нам говорили по-другому. Мы думали, он грозится нас расстрелять, – неуверенно мямлили солдаты, пытаясь оправдаться.

В этот момент появились ординарцы и друзья убитого полковника. Увидев растерзанное тело командира, они пришли в ужас. Скорбь этих людей была безутешна. Они проклинали убийц, плакали и угрожали многотысячной толпе солдат.

– Убийцы! Кровожадные звери! Кого вы убили? Нашего батюшку! Был ли у солдат лучший друг, чем он? Был ли когда-либо какой другой командир, который бы так заботился о своих солдатах? Да вы хуже царских палачей. Дай вам волю, и вы все станете убийцами! Нехристи!

И скорбящие о полковнике разразились еще более громкими рыданиями и причитаниями. Воздух наполнился горестными криками. У каждого перехватило дыхание. Многие в толпе заплакали. А когда друзья погибшего стали перечислять его многочисленные благие дела и поступки, я не смогла сдержать слезы. Рыдания душили меня.

Тем временем в ответ на призывы о помощи с соседнего участка фронта прибыла дивизия, чтобы подавить бунт. Члены дивизионного комитета вышли вперед и потребовали выдачи зачинщиков бунта, выразившегося в отказе солдат выступить на передовую и в зверском убийстве полковника Белоногова. Между дивизионным и корпусным комитетами состоялись переговоры. В результате бунтовщики выдали двадцать агитаторов, которых тут же взяли под арест.

Возвратились сбежавшие офицеры, а вместе с ними и генерал, но он все еще не решался отдать солдатам приказ выступить на передовую. Он попросил меня обсудить этот вопрос с солдатами.

Но вначале следовало позаботиться о похоронах полковника.

– Нужно сделать гроб. Кто сможет? – спросила я.

Несколько солдат вызвались достать доски и сколотить гроб.

– А как быть с могилой? Полковника надо похоронить со всеми воинскими почестями, – продолжала я.

Нашлись добровольцы копать могилу. Кто-то из офицеров отправился за священником. Одного солдата я послала в лес за

ветками для венка. А потом обратилась к толпе:

– Ну, а теперь вы смените ваших товарищей в окопах?

– Да, – покорно ответили солдаты.

Это была незабываемая сцена. Несколько тысяч солдат, таких смиренных и послушных, с еще не высохшими на щеках слезами, казались стадом заблудших овец, потерявшим своего пастуха. Никто бы сейчас не поверил, что эти люди способны убить человека. Теперь их можно было ругать, даже бить, и они снесли бы унижение безропотно, поскольку осознали, глубоко осознали всю тяжесть своего преступления. Подавленные всеобщей скорбью, солдаты стояли притихшие, изредка обмениваясь словами сожаления о случившемся. А ведь еще два часа назад эти ягнята были похожи на кровожадных зверей. Душевная доброта, отражавшаяся теперь на их лицах, только что исчезла было в урагане дикой ярости, и эти послушные дети проявили поистине бесчеловечную жестокость. Все это представлялось невероятным, но тем не менее это было так. Таков уж характер русского народа.

В четыре часа пополудни принесли гроб, продолговатый ящик из неструганых досок, задрапированный изнутри и снаружи белым полотном. Тело обмыли, но с лицом ничего сделать не удалось, оно было обезображено до неузнаваемости. Вместе с несколькими солдатами я обернула тело в холст и уложила в гроб. Сплели не один, а четыре венка. Священник начал читать молитвы, но не смог сдержаться и прервал чтение – рыдания душили его. Генерал, офицеры и я стояли у гроба с зажженными свечами в руках и тоже плакали. Когда похоронная процессия двинулась к могиле, первыми за гробом пошли рыдавший ординарец покойного и полк, которым командовал полковник Белоногов. За ними следовал почти весь личный состав корпуса. Плакали все. Ординарец душераздирающе голосил, перечисляя достоинства своего командира. С каждым шагом стенания становились все громче. Когда процессия подошла к могиле, вопли и причитания были слышны, вероятно, на несколько верст вокруг. Гроб с телом опустили в яму, и каждый бросил в могилу по горсти земли. Люди молились.

Был отдан приказ, чтобы к семи часам корпус выступил на передовую позицию и сменил там солдат. Я пошла к своим девчатам и приказала им тоже готовиться. Прослышав о бунте, они переживали, а потому встретили меня с радостью. Генерал позвонил командиру подразделения, ожидавшего смены на передовой, и попросил не оставлять позиций до прихода резерва. До передней линии было верст пятнадцать, и мы добрались туда только к рассвету.

Батальон, насчитывавший теперь примерно двести девушек,

занимал совсем небольшой участок фронта под Крево. Никаких признаков боевых действий на передовой не наблюдалось. Ни германцы, ни русские не открывали огня. Братание было всеобщим. Фактически здесь установилось неофициальное перемирие. Солдаты с той и другой стороны ходили друг к другу в гости, вели бесконечные разговоры и пили пиво, которое приносили германцы.

Я не могла смириться с такой ситуацией и приказала девушкам вести себя так, как положено на войне. Однако остальных солдат раздражал наш воинственный настрой по отношению к неприятелю. Одна группа недовольных во главе с председателем полкового комитета пришла в наши окопы обсудить этот вопрос.

– Кто наши враги? – начал дискуссию председатель. – Ну конечно, не германцы, которые хотят мира. Настоящие враги народа – это буржуи, правящий класс. Именно против них мы должны вести войну, потому что они не хотят принимать германских мирных предложений. Почему Керенский не добивается мира для нас? Потому что ему не позволяют союзники. Ну ничего, мы очень скоро вышвырнем Керенского из его кабинета!

– Но я-то не из правящего класса. Я простая крестьянская женщина, – возражала я. – Начала войну солдатом и участвовала во многих боях. Не надо агитировать здесь против офицеров.

– Ну мы ж не имеем в виду тебя, – возразил председатель комитета, пытаясь склонить меня к пацифистской точке зрения.

К нам присоединились несколько германских солдат. Дискуссия разгоралась. Германцы снова и снова повторяли, что, мол, давно хотели заручиться миром с Россией, но союзники России не согласны. Я отвечала, что германцы могли бы заключить мир с Россией, если бы убрались с захваченных ими русских земель. А пока они оккупировали эти земли, долг каждого русского – сражаться и прогнать их отсюда.

Вот так и тянулась наша жизнь. Ночи и дни проходили в дискуссиях. Керенский к тому времени утратил почти полностью свою популярность в солдатских массах, которые все больше и больше проникались большевистскими идеями. Разногласия между Керенским и Корниловым достигли критической точки. Керенский по телефону просил главнокомандующего направить в Петроград верные правительству войска, очевидно понимая, что дни его сочтены. В ответ Корнилов через генерала Алексеева потребовал от Керенского письменного распоряжения о наделении главнокомандующего чрезвычайными полномочиями по восстановлению дисциплины в армии. Казалось, Корнилов был

согласен спасти Керенского при условии, что тот даст ему возможность спасти фронт.

Однако Керенский, по-видимому, стремился лишь восстановить пошатнувшийся авторитет и упрочить свое положение. Поэтому он выступил против Корнилова, публично заявив, что тот добивается неограниченной власти, и призвал рабочих и солдат подняться против главнокомандующего. В результате произошло столкновение между революционными массами и корниловской Дикой дивизией. Корнилов потерпел поражение. Керенский торжествовал, и в тот момент казалось, что он добился своего. Все радикальные силы объединились, и Керенский как спаситель революции от контрреволюционного мятежа снова стал кумиром солдат и трудового народа.

Бóльшая часть армии встала на сторону Керенского, когда он обратился за поддержкой против Корнилова. Но это заблуждение продолжалось недолго. Мало-помалу Керенский опять стал терять столь неожиданно завоеванное доверие масс, поскольку не дал им долгожданного мира.

Тех солдат и офицеров, которые выступали на стороне Корнилова, стали называть «корниловцами». Их считали контрреволюционерами, защитниками старого режима или попросту врагами народа.

Отсутствие военных действий на фронте создавало угнетающую обстановку. В один дождливый день я выслала группу наблюдателей на ничейную землю и приказала девушкам открыть огонь в случае появления противника. Наблюдая за продвижением группы, я вдруг заметила, как человек десять германцев направились к нашим окопам. Они шли без опаски, держа руки в карманах, что-то насвистывая и напевая. Я прицелилась в ногу одного из них и выстрелила.

Через секунду весь фронт всполошился. Разразился скандал. Кто посмел совершить такое?! И германцы, и русские кипели от ярости. Несколько девушек прибежали ко мне, сильно взволнованные.

– Начальник, зачем вы сделали это? – спрашивали они, увидев в моих руках винтовку, из дула которой еще струился дымок после выстрела.

Тут же в наш окоп поспешили некоторые солдаты, мои друзья, чтобы предупредить меня об опасном недовольстве среди солдат и их угрозах. Я сказала, что увидела, как германцы подошли к моим девушкам и пытались заигрывать с ними. Но этот довод не показался солдатам убедительным. Они перенесли пулеметы в первую линию окопов и уже готовились всех нас перестрелять. Но, к счастью, мы были вовремя предупреждены и

успели спрятаться в боковой траншее. Пулеметы прочесали нашу позицию, не причинив нам никакого вреда. Огонь в конце концов прекратили лишь по требованию председателя полкового комитета. Он вызвал меня к себе для объяснений. Я попрощалась с девчатами, полагая, что, вероятнее всего, со мной поступят так же, как с полковником Белоноговым.

Меня встретили угрозами и бранью.

– Убить ее!

– Она корниловка!

– Давай кончай с ней быстро!

Комитетчики окружили меня, сдерживая толпу. Несколько ораторов выступили в мою защиту, но не сумели усмирить солдат. Потом мою сторону принял один из уважаемых солдатами офицер. Он заявил, что я была права и что если бы он оказался на моем месте, то действовал бы точно так же. Дальше ему говорить не дали.

– Ага, ты тоже корниловец! – заорала толпа. – Убить его! Убить!

В мгновение ока офицера сбросили со стула, и кто-то стукнул его по голове. Минута, и солдаты затоптали его насмерть.

После этого толпа двинулась ко мне. Но комитетчики схватили меня и утащили в тыл, где спрятали в блиндаже. Одну из моих девчат, Медведовскую, поставили у входа для охраны.

Тем временем девушки, узнав о случившемся, прибежали ко мне на выручку. А толпа солдат разбрелась по всей позиции, разыскивая меня, и некоторые подошли к блиндажу, в котором я укрывалась.

– Где Бочкарева? Пропусти, мы проверим, не там ли она! – кричали они.

Караульная предупредила, что у нее приказ стрелять, если кто-то осмелится подойти ближе. Но они подошли. Раздался выстрел. Пуля угодила одному из солдат в бок.

Бандиты закололи бедняжку штыками.

Комитетчики и мои друзья, коих набралось около сотни, настаивали на том, чтобы меня судили, а не устраивали самосуд. Девчонки все до одной готовы были умереть за своего начальника прямо тут же, на месте. Мои защитники вывели меня из блиндажа, чтобы проводить к месту открытого суда.

Разраставшаяся толпа теперь все больше теснила их, подступая все ближе и ближе. Обе стороны боролись за меня. Была достигнута договоренность: оружие в этой схватке не применять. Людское море бушевало. Мои девчонки дрались, как разъяренные тигрицы, пытаясь сдержать толпу. Но время от времени кому-то из толпы удавалось прорваться через

сдерживающую цепь и ударить меня. Борьба разгоралась, удары сыпались на меня все чаще, и наконец я потеряла сознание. Мои друзья сумели все же вытащить меня из окружения бунтовавшей толпы и спрятать в надежном месте.

Жизнь мне спасли, но избита я была изрядно. Мое избавление стоило жизни преданной мне девушке и одному из моих бескорыстных друзей. В сопровождении нескольких девчат меня отправили в Молодечно. А батальон вывели с передней линии в резерв. Но даже там девчонки не чувствовали себя в безопасности. Их оскорбляли, к ним приставали, называли корниловками. Ежедневно происходили скандалы. Часто били окна в казармах. Офицеры были бессильны перед наглецами, да и редко вмешивались в конфликты. Инструкторы старались изо всех сил защитить меня и батальон, объясняя всем недругам, что мы стоим вне политики.

Однажды утром из штаба в Молодечно за мной прислали автомобиль. В штабе я встретила одного из офицеров нашего корпуса. Он рассказал, что девушки из батальона оказались в невыносимых условиях. Им приказали разъехаться по домам, но они ждали меня и отказывались выполнить приказ, до тех пор пока их начальник не распустит батальон своей властью. Девушек посылали рыть запасные траншеи, чтобы хоть как-то изолировать и защитить от солдат. Они прекрасно справлялись с заданием, но, как только возвращались, солдаты снова начинали к ним приставать. Совсем недавно группа солдат напала ночью на блиндажи, в которых были размещены девушки. Они избили караульную и вломились в помещение. Поднялась паника. Некоторые девушки схватили винтовки и стали стрелять в воздух. Шум привлек внимание инструкторов и многих других солдат, среди которых было немало порядочных парней. Они-то и спасли положение.

Но что можно было сделать? Жизнь для батальона стала совершенно невыносимой, по крайней мере на этом участке фронта. Трудно было понять, почему так изменились солдаты всего за несколько месяцев. Давно ли они чуть не боготворили меня, а я любила их? Теперь же они словно взбесились.

Встретившийся в штабе офицер посоветовал мне расформировать батальон. Но для меня это было бы равноценно тому, чтобы признать провал моего дела и безнадежность положения в стране. Я к этому не была готова. Нет, я не распущу свою часть. Я буду сражаться до конца. Однако офицер смотрел на все иначе. Если свои же солдаты направили пулеметы против батальона, не знак ли это того, что моему делу пришел конец? Разве не растерзала бы меня толпа, если бы не мои девчата и

сочувствующие мне солдаты, мужественно выступившие в мою защиту?

Я решила ехать в Петроград и просить Керенского перевести меня на тот участок фронта, где шли бои. Перед отъездом я повидалась со своими девчатами. Какая это была трогательная встреча! Как они обрадовались, узнав о том, что я собираюсь ехать в Петроград. Оставаться здесь девчата больше не могли. Они готовы были сражаться с германцами и погибнуть на поле брани, сносить любые пытки и даже умереть от рук врага, но совершенно не предполагали, какие муки, издевательства и унижение им придется претерпевать от своих же солдат. Когда формировался батальон, такое и в голову не приходило.

Я забрала документы и в тот же вечер уехала, сказав своим солдатикам, что вернусь не позднее чем через неделю, и это был предельный срок их терпения. По прибытии в Петроград я направилась в те казармы, которые занимал мой батальон до отправки на фронт. Достаточно было первого впечатления, чтобы понять, какое гнетущее состояние безысходности переживала российская столица. Улыбки, радость и веселье исчезли с лиц прохожих. Уныние и тревога, казалось, были разлиты в самом воздухе, отражались в глазах всех и каждого. В городе не хватало продуктов питания. Повсюду бродили толпы красногвардейцев. Большевизм открыто и дерзко шагал по улицам, словно уже наступило его время.

Мои друзья, живо интересовавшиеся делами батальона, пришли в ужас, узнав об обстановке на фронте. А меня еще больше удручили их рассказы о положении в столице. Керенский после столкновения с Корниловым полностью изолировал себя от друзей и знакомых из высших слоев общества. Я пошла к генералу Аносову, чтобы рассказать о цели своего приезда в Петроград. Генерал предоставил в мое распоряжение машину, но сам никуда со мной не поехал. Я отправилась к тогдашнему командующему Петроградским военным округом генералу Васильковскому. Это был внушительного вида казак, не отличавшийся, однако, твердостью характера. Он принял меня радушно и поинтересовался, какое у меня дело в столице. Ему было уже известно о моих бедах на фронте, и он выразил сочувствие.

– В наши дни, – признался генерал, – нельзя быть уверенным ни в чем. Мы все не знаем, что с нами будет. Меня самого в любой момент могут вышвырнуть вон. И для правительства это вопрос уже не дней, а часов. Назревает еще одна революция, и она близка. Большевики повсюду – на заводах и фабриках, в воинских казармах. А как там на фронте?

– То же самое, и даже хуже, – ответила я и принялась рассказывать о всех своих горестях и тревогах, а также о том, какой помощи жду от него и от военного министра.

– Теперь вам ничто не поможет, – сказал он. – Власти бессильны. Их распоряжения не стоят даже той бумаги, на которой написаны. Я сейчас еду к Верховскому, новому военному министру. Хотите поехать со мной?

По дороге мы обсуждали назначение Верховского – того самого генерала, который, будучи командующим Московским военным округом, спас меня от разъяренной толпы в Москве несколько недель назад. Верховский был очень популярен в войсках и имел огромное влияние на солдат.

– Если бы его назначили несколько месяцев назад, он, возможно, еще сумел бы спасти армию, – сказал Васильковский. – А теперь слишком поздно.

Приехав к военному министру, мы узнали, что в кабинете у Верховского был сам Керенский. О нас доложили, и меня пригласили войти первой. Отворив дверь, я сразу же поняла, что все кончено. Премьер-министр и военный министр стояли друг против друга, представляя собой жалкое зрелище. Керенский был точь-в-точь покойник – в лице ни кровинки, а глаза такие воспаленные, будто он не спал несколько ночей. Верховский выглядел утопающим, безуспешно пытающимся спастись. Сердце у меня сжалось. Война ожесточила меня, сделала ко многому невосприимчивой. Но на этот раз я была потрясена видом этих двоих совершенно отчаявшихся людей. Выражение полной беспомощности на их лицах свидетельствовало о том, что Россия гибнет.

Оба попытались улыбнуться, но это была не улыбка, а гримаса страдания. От нее сделалось еще горше на душе. Военный министр осведомился, как обстоят дела на фронте.

– Мы слышали, как с вами жестоко обошлись, – сказал он.

Я подробно рассказала обо всем, что пережила и чему была свидетельницей: как растерзали полковника Белоногова и того офицера, который пытался меня защитить, как закололи штыками одну из моих девушек, как свои же солдаты повернули против меня пулеметы, потому что я ранила германца.

Керенский схватился за голову и закричал:

– О ужас! Ужас! Мы гибнем! Мы тонем!

Последовала напряженная, мучительная пауза.

Закончив рассказ, я заявила, что необходимы срочные меры, иначе армия окончательно развалится.

– Да-да, действовать нужно, но как? Что еще можно сделать сейчас? Что́ бы вы предприняли, если бы вам дали власть над

армией? Вот вы, простой солдат, скажите мне, что́ бы вы сделали?

– Сейчас уже слишком поздно, – ответила я, немного подумав. – Месяца два назад я еще могла бы сделать много. Тогда солдаты еще меня уважали. А теперь ненавидят.

– Ах! – воскликнул военный министр. – Два месяца назад я сам мог спасти положение, если бы тогда назначен был на этот пост!

Затем мы обсудили мое дело. Я просила перевести батальон на участок фронта, где ведутся активные боевые действия, и подтвердить разрешение командовать батальоном без комитета. Военный министр тут же дал мне такое разрешение, и я все еще храню его при себе. Он также согласился удовлетворить мою просьбу о переводе на другой участок фронта и обещал рассмотреть этот вопрос и дать соответствующее распоряжение.

Керенский молчал в продолжение всего разговора. Он стоял рядом, как призрак, как символ некогда могущественной России. Еще четыре месяца назад он был кумиром нации. А теперь почти все отвернулись от него. И, глядя на него, я чувствовала, что присутствую при громаднейшей трагедии – трагедии раскола моей страны. Тоска сжала мне горло. От приступа удушья меня всю трясло. Хотелось кричать, рыдать. Сердце обливалось кровью за матушку-Россию. Чего бы только я не сделала тогда, чтобы предотвратить надвигавшуюся катастрофу! Какую бы только не приняла смерть ради спасения Отчизны!

Моя страна скатывалась в пропасть. Я наблюдала, как она все больше и больше погружалась в хаос… А передо мной стояли руководители правительства – безвластные, беспомощные, отчаявшиеся, безуспешно пытавшиеся удержать обреченный корабль на плаву без надежды на спасение, всеми покинутые, растерянные, подавленные…

– Одному Богу известно, что будет дальше… и увидимся ли мы еще когда-нибудь, – сказала я министрам сдавленным голосом на прощание.

Керенский с мертвенно-бледным, окаменевшим лицом хрипло прошептал:

– Едва ли…

Часть четвертая
Террор

Глава шестнадцатая. Большевики у власти

Я возвращалась на фронт. Поезда были страшно переполнены, но, к счастью, мне удалось устроиться в вагоне первого класса. В Молодечно я доложила о прибытии командующему 10-й армией генералу Валуеву и отобедала в его штабе вместе с офицерами. Генерала неприятно поразила весть о том, как жестоко со мной обошлись солдаты.

– Неужто они вас били? – спросил он недоверчиво, с трудом представляя себе, как это солдаты могли так дурно поступить с Яшкой.

– Так точно, господин генерал. Били, – ответила я.

– Но почему?

Тут я рассказала, как ранила германца, когда тот направлялся к нашим позициям вместе со своими товарищами.

– Боже правый! Что стало с моей когда-то доблестной армией! – воскликнул он.

Я подробно описала генералу всю историю, а он то и дело прерывал мой рассказ возгласами удивления.

В конце обеда генерал Валуев сообщил мне, что я произведена в чин поручика. Он прикрепил еще одну звездочку на мои погоны и поздравил меня.

Мне дали машину, и я отправилась в штаб доложить о своем прибытии командиру корпуса. Генерал и офицеры его штаба горели желанием узнать о последних событиях в тылу. Я поделилась с ними впечатлениями о встрече с Керенским и Верховским, случившейся два дня назад.

– По их виду можно сделать только один вывод – что все кончено, – сказала я.

– А как насчет передислокации вашего батальона? – спросил генерал. – Батальон ждет вашего возвращения. Девушки надеются получить назначение на какой-то другой, более подходящий участок фронта.

Я ответила, что мне приказано ждать на этот счет дополнительных распоряжений, и показала выданный мне документ, подтверждающий мое право командовать батальоном без всяких комитетов. Генерал был очень рад за меня.

Между тем, узнав о моем прибытии, девчата выстроились для торжественной встречи и радостно приветствовали меня. Мой приезд, по-видимому, несколько приободрил их. Похвалив девушек, я отправилась вместе с ними на обед. У меня давно вошло в привычку есть вместе с моими солдатиками. Но такое случалось нечасто. Обычно перед едой я проверяла на кухне

качество пищи, чтобы убедиться, что все в достатке и хорошо приготовлено. По собственному опыту знала, что для поддержания боевого духа солдата нет ничего лучше хорошей еды.

То ли повышение в звании настроило меня на веселый лад, то ли возвращение к девчонкам, к которым я глубоко привязалась, не знаю. Но после обеда я решила, что было бы неплохо позволить девчатам немного позабавиться и поиграть. Мои солдатики восприняли это с восторгом. Девчат обступили солдаты и с азартом стали следить за игрой. Было видно, что им тоже хотелось поиграть, но они не решались присоединиться к девушкам из боязни, что их прогонят. Я с удовольствием наблюдала за этими взрослыми детьми, которым так не терпелось включиться в игру, но делала вид, что ничего не замечаю.

Наконец они не выдержали и обратились ко мне.

– Господин поручик, – робко промолвил один из них, – мы хотим поговорить с вами.

– Что ж, давайте поговорим! – ответила я. – Но только не обращайтесь ко мне как к офицеру. Называйте меня просто Яшка или Бочкарева.

– А можно нам поиграть тоже? – спросили они, ободренные моими словами.

– Конечно, но при условии, что не будете приставать к девушкам. Относитесь к ним как к своим собратьям, – заявила я.

Солдаты поклялись, что будут вести себя хорошо, а девчата радовались такому повороту дел. Игра продолжалась часа два или три, и солдаты сдержали свое слово. Когда игра закончилась, они ушли совсем с другим настроем по отношению ко мне – недавняя враждебность уступила место чувству уважения и даже любви.

Батальон оставался в резерве еще несколько дней. С той самой игры многие солдаты стали по-другому относиться к нам, женщинам. Они приходили целыми ротами и участвовали в спортивных играх и различных развлечениях батальона, вместе с нами пели песни.

Давно ожидаемый приказ о передислокации батальона задерживался. А тем временем пришел срок сменить корпус, находившийся на передовой. Я решила, что мы достаточно отдохнули, и, когда батальон прибыл на передовую, установила обычный боевой распорядок. Я посылала дозоры в разведку, устанавливала наблюдательные посты и прочесывала ничейную землю перед своей позицией пулеметным и ружейным огнем. Германцев это ужасно возмущало. Наши солдаты тоже стали проявлять недовольство, но, так как во время пребывания в тылу

у нас с ними сложились дружеские отношения, они ограничивались тем, что посылали к нам своих делегатов и комитетчиков для дискуссий.

– Вы говорите, у нас теперь свобода, – рассуждала я, – и не хотите воевать с германцами. Ладно. Я вас не заставляю. Но и вы не имеете права требовать, чтобы я действовала против своих убеждений. Мы пришли сюда не брататься, а воевать – убивать и погибать на поле боя. Моя свобода в том, чтобы умереть за Отечество. Это мое право – погибнуть, если я того желаю. И уж позвольте мне на моем участке воевать с германцами. Пусть и германцы тоже воюют только против моего батальона. Мы будем сами по себе, а вы – сами по себе. И оставьте нас в покое.

Солдаты рассудили, что это более чем справедливо. На том и порешили. Когда они спрашивали меня, почему я так воинственно настроена против германцев, я отвечала, что хочу отомстить за мужа, убитого в начале войны. Для этой выдумки у меня были некоторые основания – дошедший до меня слух о том, что Афанасий Бочкарев погиб в бою. Конечно, это было глупое оправдание. Но я неоднократно пользовалась этой отговоркой до и после того; она в конце концов получила широкую огласку, и в нее поверили.

Возможность снова участвовать в боевых действиях вдохновляла. Да, нас было мало – всего лишь горстка женщин, меньше двухсот человек. Но мы порой устраивали настоящий ураган. Наши пулеметы бойко стрекотали, и ничейная земля превращалась из бульвара, где разгуливали агитаторы и пьяницы, в действительно нейтральную полосу. По всему фронту быстро разнеслась весть о боевых действиях женского батальона, и, мне кажется, наш маленький участок на сотни верст был единственным, где велись бои. И я, конечно, очень этим гордилась.

Так продолжалось несколько дней. Наконец германцы не выдержали и подвергли наши позиции мощному артобстрелу. На данном направлении уже давно не велся артиллерийский огонь, и потому обстрел из тяжелых пушек вызвал большое смятение в наших рядах. Пострадали многие солдаты. Появились убитые и раненые. Потери батальона составили четверо убитыми и пятнадцать ранеными.

Корпус снова взбунтовался, и тут же состоялся шумный митинг. Солдаты потребовали немедленно меня расстрелять.

– Она хочет войны, – кричали они, – а мы хотим мира. К стенке ее, и баста!

Однако комитетчики и мои друзья настойчиво убеждали солдат, что я действовала в соответствии с договоренностью.

– В боевых действиях участвует только ее батальон, – доказывали мои защитники, – а нас она не касается. И вовсе не ее вина, что германская артиллерия не сразу взяла верный прицел и побила кое-кого из наших.

Когда меня известили о недовольстве среди солдат и об их угрозах, я решила организовать наступление собственными силами и погибнуть в бою. Я попросила артиллеристов поддержать нас и ответить неприятелю таким же мощным огнем. Мы сами вели бешеный огонь из винтовок и пулеметов. Перестрелка переросла в настоящий бой местного значения.

Пока шло это сражение, а солдаты в тылу митинговали, пришло сообщение о том, что Керенский свергнут и в Петрограде установилась власть большевиков. Когда председатель комитета объявил об этом солдатам, его слова были встречены такими криками восторга, что они почти заглушили грохот боя.

– Мир! Мир! – гремело в воздухе.

– Бросай фронт! Все по домам! Ура Ленину! Ура Троцкому! Ура Коллонтай!

– Землю и свободу! Хлеба! Долой буржуазию!

Бурное торжество ликующей толпы было внезапно нарушено звуками стрельбы, доносившимися с моего участка. Солдаты пришли в бешенство.

– Кончай ее! Пора кончать с ними! У нас теперь мир! – неистовствовали они и со всех ног бросились в нашу сторону.

Несколько девушек прибежали сообщить мне о приближении толпы солдат, грозящих расправой. Почти одновременно позвонил по телефону командир корпуса.

– Бегите! – было его первым словом. – Мы все пропали. Я сам удираю. Бегите в Красное Село!

Я приказала девушкам взять винтовки и то, что можно, из личных вещей и бежать без промедления. Одному из мужчин-инструкторов я сообщила, в каком направлении мы будем двигаться, и попросила его передать эти сведения нашему взводу снабжения.

А тем временем толпа неумолимо надвигалась. В ближнем тылу солдаты наткнулись на двадцать девушек, занятых оборудованием резервных траншей, и буквально разорвали их на куски. Четверо инструкторов, пытавшихся защитить несчастных женщин, были затоптаны насмерть.

С остатками своего батальона я пробежала без остановки верст пятнадцать. Хотя преследователей не было видно, мы решили все же не рисковать. Остановку сделали в лесу, у дороги на Молодечно. Стемнело. Мы попили чаю и приготовились ко сну. Ночью подошел наш обоз.

В четыре утра мы были уже на ногах. Наладив телефонную связь со штабом армии в Молодечно, я доложила дежурному офицеру о нашем скором прибытии и попросила выделить для размещения батальона несколько блиндажей или землянок. Офицер ответил, что город переполнен дезертирами и что батальону здесь будет так же небезопасно, как и на фронте.

Ну что мне оставалось делать? Куда-то надо было идти. Не могли же мы и дальше жить в лесу. Положение складывалось ужасное. Мы едва унесли ноги от одной дикой своры, оставив в ее руках двадцать жертв, а теперь быстро двигались прямиком в лапы другой, быть может, еще более кровожадной. Тем не менее мы тронулись в путь. Верстах в трех от города я увела батальон глубоко в лес и оставила там под присмотром мужчин из обоза и инструкторов, а сама отправилась в Молодечно посмотреть, что можно предпринять.

На улицах Молодечно солдаты узнавали меня и останавливали насмешливыми возгласами:

– Ха-ха! Поглядите-ка, командирша бабьего батальона. Блюстительница железной дисциплины. Ха-ха-ха!

Оборачиваясь, они хохотали и с издевкой спрашивали:

– Ну, что скажешь теперь?

Отделываясь улыбками и примирительными шутками, я сумела добраться до штаба и доложить коменданту гарнизона о прибытии. Для размещения батальона было выделено несколько блиндажей. На обратном пути встречавшиеся толпы солдат все время вызывали меня на разговор.

– Поздненько ты прибыла со своим батальоном, – язвили они. – У нас уже мир.

– А я всегда с вами. Я же сама солдат из крестьян, – отвечала я. – Мир так мир. Я подчинюсь вашему решению. Не стану же я воевать против своего народа.

– Конечно, сейчас-то ты за народ, а где была раньше? – спрашивали они. – Ты в своем батальоне насаждала старорежимную дисциплину.

– Если бы не строгая дисциплина, – отвечала я, – мой батальон превратился бы в дом терпимости. И вы сами бы его презирали и бранили. Женщины не такие, как мужчины. Не принято, чтобы женщины воевали. Ну представьте себе, что бы стало с тремя сотнями девчат среди тысяч мужиков, если бы они были без контроля и острастки. Согласитесь, я действовала правильно.

Солдатам понравились мои доводы.

– Здесь ты права, – с пониманием кивали они в знак одобрения.

Я попросила их помочь очистить и привести в порядок блиндажи для моих девушек, и они охотно согласились. Инструктора отправили за батальоном, и к ночи мои солдатики были расквартированы вполне прилично. Под охраной мужчин, причисленных к батальону, нам даже удалось поспать. Однако агитаторы не упустили случая посеять смуту, воспользовавшись нашим присутствием. Утром, после завтрака, когда я направилась в штаб, небольшая группа довольно наглых солдат, человек десять, не больше, преградила мне дорогу, осыпая оскорблениями.

Через несколько минут к этим грубиянам присоединились еще двадцать, потом тридцать, пятьдесят… сто. Я пыталась противостоять их насмешкам и угрозам, но безуспешно. Очень скоро я оказалась чуть ли не в окружении этих негодяев в военной форме, коих насчитывалось, вероятно, уже несколько сотен.

– Что вам нужно? – крикнула я, теряя терпение.

– Чтобы ты распустила свой батальон. Хотим, чтобы вы сдали оружие.

Нет для солдата большего позора, чем сдача оружия без боя. Однако мои девчата знали, что я сочла бы для себя позором погибнуть от рук озверелой толпы. Когда им стало известно об этом требовании бандитов в солдатской форме, они все вышли из блиндажей с винтовками в руках.

Я попыталась урезонить солдат, но было совершенно ясно, что они пришли сюда с определенным намерением, явно подсказанным агитаторами, и не хотели слушать моих доводов. Они прервали меня, заявив, что дают на размышление три минуты. Один из вожаков начал отсчитывать время. Трудно описать, что́ я пережила за эти три минуты.

«Скорее пойду в наступление против целой германской армии, чем сдам оружие этим большевистским подлецам, – думала я. – Но сейчас на карту поставлена не только моя жизнь. Да и все равно ничего уже не изменить. Они же говорят, что уже объявлено о заключении мира. В таком случае имею ли я право рисковать жизнями девчат? И все же, Пресвятая Богородица, как могу я, солдат, давший присягу на верность своей Родине, приказать батальону сдать оружие без боя?»

Три минуты истекли, но ни к какому решению я не пришла. Тем не менее взобралась на скамейку, служившую трибуной для ораторов. Стояла полная тишина. Толпа, конечно, рассчитывала, что я сдамся ей на милость. Девушки напряженно ждали приказов от своего начальника. Сердце бешено колотилось. Надо было найти какой-то выход.

– Огонь! – вдруг крикнула я девушкам не своим голосом.

Солдаты настолько растерялись, что на какой-то момент точно оцепенели. Они были без оружия.

Воздух потряс залп из двухсот винтовок. Толпа рассеялась в разные стороны. Но этот приказ привел обезумевших солдат в ярость. Они бросились в свои казармы за оружием, угрожая вернуться и расправиться с нами.

Создалась критическая ситуация. Не было никаких сомнений в том, что толпа солдат вернется в увеличенном составе и растерзает нас. Следовало немедленно принять какое-то решение. Минут через десять солдаты снова будут здесь. И если мы вовремя не скроемся, нас ждет неминуемая смерть.

– Пять минут на сборы! – громовым голосом скомандовала я батальону.

Одному из инструкторов приказала пойти в казармы, смешаться с толпой солдат, а после вернуться в лес и доложить об их намерениях. Одновременно распорядилась, чтобы наш обоз двигался по дороге в Красное Село. Вызвав добровольца из числа инструкторов, я поручила ему позаботиться о боевом знамени батальона, взяв с него клятву беречь и защищать знамя до самой смерти. В сопровождении еще троих инструкторов он отправился выполнять задание.

На все это ушло менее пяти минут! Неслыханное дело, чтобы войсковая часть смогла полностью подготовиться к походному маршу за такое короткое время. Но моим девчатам это удалось! Я отправляла отряд за отрядом в лес, а сама ушла последней.

Выбрав местом сбора большую поляну верстах в семи от города, в глубине леса, мы пробежали это расстояние буквально сломя голову. Я понимала, что разъяренные солдаты бросятся в погоню, и потому приказала батальону продвигаться через лес. Мы бежали вперед, спотыкаясь и падая. Острые ветки и колючки рвали одежду, многие девушки поранили руки и ноги, но времени на перевязку не было.

Спустя два часа, когда мы уже добрались до поляны, вдали послышался свист. Это был условный сигнал, поданный инструктором, которого я оставила в городе. Его развеселило увиденное, и, несмотря на наше незавидное положение, мы очень позабавились его рассказом.

Как мы и предполагали, вооруженные до зубов солдаты вернулись к нашим блиндажам и были как громом поражены, обнаружив, что там пусто! Они как сумасшедшие носились по всей округе, но нас и след простыл. Солдаты не могли взять в толк, как за такое короткое время целый батальон мог собраться и уйти со всем своим снаряжением.

– Ведьма! – вопили они. – Она увела их колдовством!

Однако те из солдат, кто отличался большим хладнокровием и здравым умом, не поверили в это и позвонили в штаб. Оттуда с удивлением ответили, что ничего не знают о внезапном отступлении батальона. Толпа ринулась по дороге в Красное Село и вскоре наткнулась на подводы обозников – пожилых солдат. Те сказали, что получили приказ следовать в Красное Село и не знают, в каком направлении продвигается батальон. Преследователи решили, что мы идем по той же дороге, и выслали вперед несколько верховых, чтобы нас перехватить. Ну конечно, всадники вернулись ни с чем.

– Ну точно, ведьма! – сетовали некоторые солдаты, охваченные суеверным страхом.

– И впрямь ведьма! – с тревогой поддакивали другие.

Четверо мужчин со знаменем батальона заблудились в лесу, и я отправила двадцать девчат с инструкторами на поиски. В конце концов их нашли. Затем следовало установить связь с обозом и провести его в наш временный лагерь. Когда это было сделано, мы почувствовали себя в лесной чаще увереннее. Теперь перед нами стоял только один вопрос: как улизнуть отсюда целыми и невредимыми.

О Молодечно не могло быть и речи. Следующий населенный пункт также мог оказаться опасным местом, поскольку наши преследователи, конечно, предупредили стоявший там гарнизон о возможном подходе батальона. В общем, перспектива не радовала. Я решила с помощью инструкторов установить тайную связь с комендантом гарнизона в Молодечно.

Мы стояли лагерем в лесу два дня, пока комендант не нашел возможности выбраться к нам из города. На коротком совещании мы попытались найти выход из создавшегося положения.

Было решено, что батальон исчерпал свои возможности и не остается ничего другого, как распустить его. Но возникал вопрос: каким образом? Комендант предложил такой вариант: он достанет платья для девушек и поможет им возвратиться домой.

Этот план показался мне нереальным. Вряд ли можно было за один-два дня достать двести платьев. Поэтому расформирование батальона, видимо, должно было занять пару недель, а это слишком долгий срок. Я предложила другой вариант, а именно: отпускать девушек по одной, направляя их в разные деревни и на станции. На том и порешили. Нам казалось, что каждой девушке в отдельности будет легче сесть в поезд или нанять лошадей в соседних деревнях, чтобы уехать отсюда.

Чуть больше суток понадобилось коменданту, чтобы обеспечить всех девушек необходимыми документами и

деньгами. А потом начались проводы. Через каждые десять – пятнадцать минут расположение батальона покидали одна девушка за другой. Уходили в разных направлениях.

Печальный финал героической страницы истории женского движения в России. Батальон отважно противостоял волне разрушения и невежества. Но она оказалась слишком могучей и захлестнула все, что было в России благородного и достойного. И сама Россия казалась навеки погребенной в водовороте необузданных страстей. Жить не хотелось. Утешало только то, что мы гибли вместе со всем лучшим, чем прежде гордилась страна. Казалось, все перевернулось с ног на голову. У людей не осталось никакой доброжелательности – одна только ненависть. Вместо бескорыстной радости тех дней, когда был свергнут царизм, теперь повсюду распространилась жажда мести и наживы. Каждый солдат, каждый крестьянин и рабочий стал красным. Все они гонялись за призраком буржуя – кровопийцы и эксплуататора. Когда свобода только зарождалась, повсюду царили настроения всеобщей радости и братства. Теперь же господствовали нетерпимость, мелочность и алчность.

Я расцеловала своих девчат на прощание, мы пожелали друг другу счастья. И сердце мое затрепетало от нахлынувших чувств. Какие только надежды не связывала я с этим батальоном! Но упрекать себя мне было не в чем. Я выполнила свой долг перед Родиной. Вероятно, наивно было думать, что горстка женщин сможет спасти армию от развала. И все же я была не одинока в своих надеждах. Даже Родзянко в свое время поверил в успех моего дела, а Брусилов и Керенский полагали, что самопожертвование женщин пристыдит мужчин. Но у мужчин стыда не было.

Девушки мои разъехались. От батальона осталась я одна да несколько инструкторов. Вечером вышла на дорогу, где меня ждал автомобиль, на котором тайком я должна была добраться до станции. По распоряжению коменданта я отправлялась в Петроград в сопровождении двух представителей армейского комитета. Мы договорились встретиться у поезда. Путь до станции был опасным, поэтому я ехала в автомобиле лежа под сиденьем. На станции меня встретили два комитетчика и взяли под свою охрану. Из Петрограда я решила ехать домой, в деревню Тутальская близ Томска, куда мои родные перебрались во время войны.

Глава семнадцатая. Встреча с Лениным и Троцким

Мне показалось, что Петроград населен одними красногвардейцами. Нельзя было сделать и шагу, чтобы не столкнуться с ними. Они охраняли вокзал и проверяли все прибывавшие и отправлявшиеся поезда. Комитетчики расстались со мной на платформе, так как должны были немедленно возвратиться на фронт.

Я только вышла из здания вокзала и хотела нанять извозчика, как красногвардейский комиссар, сопровождаемый рядовым с шашкой наголо, остановил меня и вежливо осведомился:

– Мадам Бочкарева?

– Да.

– Пожалуйста, пройдите со мной! – предложил он.

– Куда это? – спросила я.

– В Смольный институт…

– А зачем?

– А затем, что у меня приказ задерживать всех офицеров, возвращающихся с фронта, – ответил он.

– Но я только еду домой! – попыталась я возразить.

– Да, я понимаю. Но, как офицер, вы тоже должны понять, что я обязан подчиняться приказам. Вас, вероятно, сразу отпустят.

Он взял извозчика, и мы поехали в Смольный институт, где находилось большевистское правительство. Смольный напоминал осажденную крепость. Повсюду стояли вооруженные часовые. Сопровождавшие красногвардейцы доставили меня в комнату, где за каждым столом сидели вооруженные люди, и подвели к какому-то матросу. Он был очень груб и бесцеремонен.

– Куда направляетесь? – отрывисто гаркнул он.

– Еду домой в деревню недалеко от Томска, – ответила я.

– Тогда почему вооружены? – ухмыльнулся он.

– Потому что я офицер и мне положено, – объяснила я.

Матрос вскипел.

– Офицер, да? Больше офицером не будете. Сдайте револьвер и саблю! – приказал он.

Это было то самое оружие, которое мне вручили при освящении знамени батальона. Я слишком дорожила им, чтобы отдавать вот так, какому-то проходимцу матросу, и отказалась выполнить его требование. Матрос разбушевался. Сопротивляться было бесполезно, так как в комнате толпилось много красногвардейцев. Но я все же заявила, что если он хочет, то

может забрать у меня оружие силой, однако я добровольно никогда его не сдам.

Он грубо сорвал с меня кобуру с револьвером и саблю и объявил, что я арестована. В институте был темный подвал, который теперь использовался для содержания арестованных. Меня отвели туда и заперли. Очень хотелось есть, но, сколько я ни кричала, никого не дозвалась. На следующее утро, когда меня привели наверх, я стала требовать, чтобы вернули оружие. Однако сидевшие там начальники не обращали внимания на мои просьбы.

Мне сообщили, что со мной хотят поговорить Ленин и Троцкий. Действительно, вскоре меня проводили в большую светлую комнату, где сидели два человека, явно ожидавшие моего появления. Их внешность представляла разительный контраст: у одного лицо типично русское, другой похож на еврея. Первый был Ленин, второй – Лев Троцкий. Оба встали, когда я вошла в комнату, подошли ко мне и учтиво поздоровались со мной за руку.

Ленин сказал, что только утром узнал о моем аресте, и принес свои извинения. Вежливо усадив меня, оба лидера большевиков лестно отозвались о моей военной службе и отдали должное моей отваге, а затем в общих чертах обрисовали тот счастливый мир, который они хотят построить в России. Речь их была простой, гладкой и очень красивой. Оказывается, они боролись за счастье простых людей, закабаленных и обездоленных масс. Хотели добиться справедливости для всех. Разве я сама не являюсь представителем трудового класса? Да, конечно. Так почему бы мне не присоединиться к ним и не сотрудничать с их партией во имя счастья угнетенных рабочих и крестьян? Им хотелось привлечь на свою сторону таких крестьянок, как я. Они были в этом глубоко заинтересованы.

– Вы приведете Россию не к счастью, а к гибели, – сказала я.

– Почему же? – удивились они. – Мы стремимся только к добру и справедливости. И народ за нас. Вы сами знаете, что армия идет за нами.

– Я вам скажу почему, – ответила я. – У меня нет никаких возражений против ваших прекрасных планов преобразования России. Но если в теперешней ситуации вы заберете солдат с фронта, то погубите страну, – доказывала я.

– Но мы не хотим войны. Мы собираемся заключить мир, – ответили вожди.

– Как можно заключать мир, отпустив солдат с фронта? Ведь вы уже проводите демобилизацию в армии. Сначала надо заключить мир и уж потом распускать солдат по домам. Я сама

хочу мира, но, если бы я была на передовой, ни за что бы не ушла из окопов, пока не подписан мир. То, что вы делаете, погубит Россию.

– Мы отправляем солдат домой потому, что германцы не будут наступать. Они не хотят больше воевать, – был ответ вождей.

Такая позиция в отношении немцев, занимаемая людьми, которые осуществляли теперь управление страной, раздражала меня.

– Вы не знаете германцев! – громогласно заявила я. – Война обошлась нам такой дорогой ценой, а вы хотите сейчас все отдать без борьбы! Вы не знаете, что такое война! Если отпустите солдат с фронта, то германцы придут и приберут к своим рукам все, что можно. Это война. Я солдат и хорошо знаю, что такое война. А вот вы не знаете. Зачем же тогда взялись руководить страной? Вы ее погубите! – сокрушенно воскликнула я.

Ленин и Троцкий рассмеялись. В их взглядах сквозила ирония. Эти образованные, умудренные жизнью люди писали книги и бывали в разных странах. А я кто? Неграмотная русская крестьянка. Моя лекция, безусловно, их позабавила. Они снисходительно улыбались, когда я сказала, что они по-настоящему не знают войны.

Я отвергла их предложение о сотрудничестве и спросила, могу ли быть свободной. Один из них вызвал звонком красногвардейца и распорядился, чтобы обо мне позаботились – выдали паспорт и бесплатный билет до Томска. Прежде чем уйти, я попросила вернуть мне оружие, но получила отказ. Тогда я объяснила, что это памятное оружие украшено золотом и было вручено по такому случаю, что для меня оно бесценно. Они ответили, что мне все вернут, как только в стране будет восстановлен порядок. Оружия, конечно, мне так и не вернули.

Я ушла, даже не попрощавшись. В соседней комнате получила паспорт. Потом села в трамвай и поехала на вокзал, решив ни к кому из друзей не заходить и не задерживаться в Петрограде.

По дороге меня везде узнавали, но не останавливали и не задерживали. В тот же вечер я села в один из трех вагонов, прицепленных к поезду, который шел через Вологду и Челябинск прямо до Иркутска. Я ехала домой, имея при себе около двух тысяч рублей, накопленных за время командования батальоном, когда я получала жалованье в размере четырехсот рублей в месяц.

Поезд был набит возвращавшимися с фронта солдатами, ярыми сторонниками большевиков. Я просидела в своем купе восемь дней, лишь изредка выходя из него по ночам. Продукты на

станциях для меня покупал мой попутчик. На восьмой день путешествия, когда подъезжали к Челябинску, народу в поезде поубавилось; я подумала, что можно будет спокойно выйти на платформу и немного пройтись. Но только я собралась это сделать, как несколько солдат узнали меня.

– Эй, смотрите-ка, кто здесь! – воскликнул один из них.

– Это же Бочкарева! Шлюха! – откликнулись другие.

– Ее нужно прикончить! – крикнул кто-то.

– Это почему же? – спросила я их. – Что плохого я вам сделала? Эх, глупые вы, глупые!

Поезд тем временем замедлил ход, подъезжая к станции. Едва я успела произнести эти последние слова, как вдруг несколько солдат схватили меня и, раскачав – раз, два, три, – выбросили из вагона.

Однако раскачали они меня так сильно, что я, по счастью, перелетела через параллельную колею и упала в глубокий сугроб около железной дороги. Это было в конце ноября 1917 года. Все произошло так внезапно, что смех этих негодяев еще звенел у меня в ушах, когда я почувствовала боль в правом колене.

Поезд остановился, не доехав до станции. Вскоре вокруг меня уже собралась большая толпа пассажиров, железнодорожников и местных жителей. Все возмущались произволом солдат. К месту происшествия подошли комендант вокзала и представители местного комитета солдатских депутатов. Меня положили на носилки и отправили в госпиталь. Врачи определили у меня вывих коленного сустава, и ногу забинтовали. Я тут же заявила, что желаю продолжить путь, и меня поместили в санитарном вагоне поезда, шедшего на восток. В этом вагоне за ранеными ухаживали несколько сестер милосердия и фельдшер.

Поврежденная нога ныла все сильней и сильней. Колено начало распухать, и фельдшер протелеграфировал начальнику станции Тутальская, где теперь проживали мои родители, чтобы для меня приготовили носилки.

Моя сестра Арина работала на этой станции истопником – кипятила в баке воду для пассажиров. Такие баки с бурлящим кипятком всегда стоят на российских железнодорожных станциях. В Томске существовать было не на что, и, поскольку Арина работала здесь, вся семья переехала из Томска на станцию Тутальская. Когда о телеграфном сообщении стало известно моей сестре, а от нее – родителям, не было конца горестным причитаниям. Три года минуло с тех пор, как они в последний раз видели свою Марусю, а теперь ее, видно, везли к ним умирать.

На четвертый день пути из Челябинска поезд прибыл на

станцию Тутальская. К тому времени моя нога очень сильно распухла и стала тяжелой, как бревно. От мучительной боли вид у меня был такой, что краше в гроб кладут.

На станции приготовили носилки. На платформе собрались отец, мать, сестры и даже начальник станции. Когда меня на носилках вытаскивали из вагона, мама истошно закричала:

– Марусенька! Манечка моя!

Потом воздела руки к небу и, упав на меня всем телом, запричитала, как на похоронах:

– Вернулась блудная дочь, но в каком состоянии, в каком виде!

Она решила, что после ранения я приехала домой умирать. У меня не было сил говорить. Я лишь сжала ее костлявые руки, и тут из глаз моих ручьем хлынули слезы, а горло перехватили рыдания. Все плакали. Сестры говорили мне всякие ласковые слова, отец стоял, склонившись надо мной, сгорбившийся и поседевший. Плакал даже незнакомый мне начальник станции…

У меня началась истерика, и родные послали за доктором. Он тут же распорядился о перевозке меня домой, обещая маме сделать все возможное. Проболела я целый месяц и пробыла в кровати в праздники Рождества и Нового, 1918 года.

Сэкономленные две тысячи рублей я отдала родителям. Но этой суммы, считавшейся до войны целым состоянием, едва хватило, чтобы прожить несколько месяцев. Понадобилось почти сто рублей, чтобы купить новые туфли младшей сестренке Наде, которая ходила босой. И вдвое больше, чтобы приобрести для нее на толкучке в Томске поношенный жакет. Промышленные товары, пользовавшиеся большим спросом, продавались по очень высоким ценам, но при этом трудно было найти нужную вещь. Страна обладала большими запасами зерна, однако крестьяне не хотели продавать его дешево, потому что все в городе стоило теперь в пятьдесят, а то и в сто раз дороже, чем раньше. В результате за фунт муки платили два рубля. Ясно, что на две тысячи рублей долго продержаться было невозможно.

Большевистский ураган прошелся и по Тутальской. Там тоже было много вернувшихся с фронта солдат, проникшихся большевистскими идеями. Как раз перед моим возвращением новоиспеченные атеисты, к ужасу стариков, подожгли сельскую церковь. И это был далеко не единичный, а скорее типичный для того времени случай. Сотни тысяч молодых людей, ослепленных новыми идеями, возвратились с фронта, охваченные стремлением разрушать, уничтожать все, что существовало раньше: старую систему правления, церковь, да что там – самого Бога! Так они расчищали путь к новому порядку общественной жизни, который

собирались установить.

Но один русский обычай – поистине бич нации – им не удалось искоренить. Более того, они воскресили его. Царь запретил водку. Новая власть оставила запрет в силе, но только на бумаге. Почти каждый солдат по возвращении с фронта начинал дома гнать самогон, и старая болезнь вновь распространилась в стране, а большевики использовали это при построении своего нового мира.

В каждом городе и деревне создавались комитеты, или Советы, которые обязаны были выполнять распоряжения центрального правительства. Вышел указ конфисковать все золотые и серебряные изделия. Комитетчики обшаривали каждый дом в поисках золота и серебра. Существовало также предписание, или полагали, что оно должно быть, об обложении налогом излишков мебели и одежды. А когда произвольно назначенный налог не выплачивался, мебель и одежду отбирали.

В городах от этого страдали горожане, в деревнях – крестьяне, и все это делалось под предлогом конфискации богатств у буржуазии. Достаточно было крестьянину купить себе, может быть, на последние сбережения новое пальто, как его тут же записывали в эксплуататоры, и он вынужден был расставаться со своим драгоценным приобретением. Одна любопытная деталь: конфискованная одежда почти неизменно появлялась вскоре на плечах одного из большевистских вожаков. К подобным методам откровенного и неприкрытого насилия чаще всего прибегали солдаты, возвратившиеся с фронта.

В Тутальской я получила несколько писем, в том числе от моего бывшего адъютанта княжны Татуевой, которая благополучно вернулась в свой родной Тифлис.

Однажды утром я отправилась на почту спросить, нет ли мне писем.

– Вон идет Бочкарева! – услышала я крик какого-то солдата.

– Ах Бочкарева! Та, что за старый режим! – подхватил другой, по всей видимости, большевик.

Их было несколько человек, и они начали осыпать меня оскорблениями и угрожать. Я не отвечала, но домой возвратилась с тяжелым сердцем. Даже в своем городе я не чувствовала себя в безопасности.

– Боже праведный, – молилась я, – что же случилось с русским народом, что на него нашло? Неужели это вся награда за те жертвы, которые я принесла на благо Отечества?

И я решила больше не покидать свой дом, надеясь, что это безумие скоро закончится. Я проводила большую часть дня за чтением Библии и в молитвах, обращенных к Богу, прося

пробудить народ и вразумить его.

7 января 1918 года я получила телеграмму из Петрограда, подписанную неким генералом Х. В ней говорилось: «Приезжайте. Вы нужны».

В тот же день я купила билет до столицы, попрощалась с родными и уехала. Погоны с мундира я сняла и сразу стала похожа на рядового солдата.

А тем временем германцы, к величайшему изумлению революционных масс, начали стремительно продвигаться в глубь России. Приверженцы большевиков пришли в состояние глубокого шока.

Поезд, как обычно, был забит солдатами, но теперь их лица и разговоры были совсем другими. Действия противника начисто лишили их бравады и хвастовства. Ведь их убаюкали сладкими речами о том, что наступил мир и вот-вот начнется золотой век. Они никак не могли увязать это с быстрым продвижением кайзеровских солдат к Петрограду и Москве.

С радостью и удовольствием слушала я некоторых солдат.

– Нас продали! – раздавалось там и тут.

– Нам же говорили, что германские солдаты не станут наступать, коли мы уйдем с фронта, – недоумевали другие.

– Но против нас сейчас воюет не простой народ, а германская буржуазия, – возражали некоторые в ответ на подобные заявления, – и нечего бояться. В Германии скоро будет революция.

– Как знать, – сомневались солдаты. – Ясно одно: Ленин и Троцкий отдали нас в руки проклятых германцев. Так ведь?

Рядом всегда оказывались депутаты местных комитетов. Они проводили беседы с солдатами, отвечали на вопросы, разъясняли непонятное. Не умея толком объяснить сути вероломной политики германцев, агитаторы упорно доказывали, что революция в Германии может произойти в любой день. Солдаты слушали их, но отнюдь не испытывали энтузиазма. Чувствовалось, что они еще многого не понимают, но в умах у них наступает просветление. И пробуждение сознания, вероятно, уже не за горами.

Моя поездка в Петроград обошлась без приключений: никто меня не оскорблял, не грозился убить. Я приехала в столицу 18 января. На вокзале не было такой толкотни, как два месяца назад. Красногвардейцев на улице встречалось меньше, и внешне казалось, что жизнь в городе нормализуется. Но, заехав к одной из своих бывших патронесс, я узнала от нее, что столица живет в обстановке террора.

На следующий день я посетила генерала Х, по вызову

которого приехала. Генерал радушно встретил меня и рассказал, что Киев только что заняли германцы. Сейчас они угрожали Петрограду, а отряды красногвардейцев не способны ни предотвратить, ни даже отсрочить хотя бы на день сдачу столицы германцам.

В городе свирепствовал красный террор. В реке на льду было навалено множество трупов убитых и линчеванных офицеров. Оставшиеся в живых оказались в ужасном положении, боясь показываться на публике ввиду настроения толпы, и поэтому находились на грани голодной смерти. Ситуация в стране ухудшалась в связи с нарастанием угрозы захвата со стороны германцев и требовала принятия срочных, решительных мер.

Офицеры и сочувствующие им провели тайную встречу, на которой было решено связаться с генералом Корниловым, который, по слухам, действовал на Дону. В отношении Корнилова поступали столь противоречивые донесения, что было предложено направить кого-нибудь с целью выяснить его планы и возможности. После детального обсуждения этого вопроса генерал предложил послать меня, потому что женщине легче было перейти через линию фронта и добраться до Корнилова. Но согласна ли я ехать?

– Воевать против собственного народа на стороне господ офицеров здесь, в Петрограде, или на стороне генерала Корнилова на юге, я не собираюсь, – таков был мой ответ. – Не могу сделать это, потому что каждый русский человек, будь он большевик, меньшевик или красногвардеец, дорог моему сердцу. Но все же я поеду к Корнилову, чтобы прояснить ситуацию как для вас, так и для себя.

Было решено, что я оденусь сестрой милосердия. Достали соответствующее платье, и я надела его поверх военного мундира. Благодаря высоким армейским сапогам галифе не торчали из-под юбки. Солдатскую фуражку я затолкала в боковой карман, а на голову натянула обычный сестринский головной убор-косынку, оставив открытыми только глаза, нос, рот и щеки. В таком наряде я выглядела почтенной дамой лет сорока пяти. Я взяла с собой письмо княжны Татуевой с приглашением погостить в ее имении на Кавказе. Мне вручили паспорт на имя Александры Леонтьевны Смирновой и билет от Петрограда до Кисловодска, курортного города на Кавказе, расположенного в нескольких сотнях верст от мест дислокации Корнилова, но этим билетом я могла воспользоваться только в самом крайнем случае. При возникновении опасности я должна была снять одеяние сестры милосердия, остаться в военной форме и заявить, что еду на курорт отдохнуть, предъявив в качестве доказательства прямой

билет до Кисловодска и письмо от княжны Татуевой. Помимо этого меня, разумеется, снабдили деньгами на дорожные расходы.

Было удивительно забавно изменить свой привычный вид и принять совершенно иной облик. Посмотрев в зеркало, я и впрямь себя не узнала. Так солдат Мария Бочкарева стала сестрой милосердия Александрой Смирновой.

Из Петрограда путь лежал до станции Никитино, через которую проезжают все, кто направляется в Кисловодск. В поезде меня никто не узнал. Иногда какой-нибудь солдат спрашивал:

– Куда едешь, сестричка?

– Домой, в Кисловодск, – обычно отвечала я.

Потом, как правило, расспрашивали, на каком фронте служила и на каких участках, что делала там. Отвечая им, я использовала факты из своей солдатской жизни. Не было ничего странного в том, что сестра милосердия возвращается домой, и поскольку я предпочитала не вступать в разговоры и держаться в стороне, то доехала до Никитина без всяких хлопот.

От Никитина все поезда по распоряжению властей направлялись к пунктам назначения в объезд по другим линиям. Прямая ветка на юг использовалась исключительно для военных целей большевиками, воевавшими против Корнилова. В тридцати верстах от Никитина, где-то у станции Зверево, начинался так называемый фронт. По этой причине частным лицам не разрешалось ехать до Зверева.

Было видно, что для организации крупной кампании против генерала Корнилова проводились большие подготовительные мероприятия. На станциях скопились составы с боеприпасами, сосредоточилось много живой силы в ожидании переброски. Большевики, по-видимому, не испытывали недостатка в деньгах. Царила железная дисциплина, напомнившая мне первые дни войны. Везде был боевой порядок.

Как добраться до Зверева? Эта была первая трудная задача. Я пошла к коменданту вокзала, пожаловалась, что совсем без денег и не могу ждать, пока закончатся бои. А мне надо вернуться домой, в Кисловодск. Что же делать, что господин комендант может посоветовать? Я так слезно умоляла, так горячо просила его помочь, что в конце концов он уступил и сказал:

– Вот сейчас до Зверева отправится поезд с боеприпасами. Давайте садитесь и поезжайте. Может быть, вам позволят перейти через линию фронта. К поезду прицеплен пассажирский вагон второго класса.

Комендант сам привел меня к вагону, в котором было всего пятеро солдат, охранявших состав. Он представил меня главному из них как сестру милосердия, оказавшуюся в затруднительном

положении, и попросил посодействовать.

Поезд тронулся, и, хотя успех первых шагов вдохновлял, не было уверенности в том, что в Звереве – зоне военных действий большевиков – меня ждет удача. Командир конвоя, охранявшего поезд, сел напротив меня. Это был грязный и некрасивый мужик. Я дала ему понять, что не расположена к разговору, но он, по-видимому, вовсе не обратил на это внимания.

Расспросив, кто я такая, он удивился, что я выбрала столь неудачное время для поездки в Кисловодск.

– Но там у меня больная мать, – солгала я. – И может, сейчас умирает. Она очень горевала, когда я уехала на фронт.

– Ах, ну тогда это совсем другое дело, – сказал он, пересаживаясь на мою лавку. – Тогда вас пропустят.

Выразив таким образом свое расположение ко мне, он попытался пофлиртовать: придвинулся поближе и даже коснулся моей руки. Положение становилось щекотливым. Ни к чему было восстанавливать его против себя, а поэтому я отделывалась улыбками и многообещающими взглядами. Он угостил меня хорошей едой, и разговор перешел на общую тему – о положении в стране. Командир конвоя был, конечно, ярым большевиком и непримиримым врагом Корнилова и всех офицеров. Поэтому, разговаривая с ним, я ограничивалась краткими одобрительными замечаниями. И вдруг он спросил:

– А вы слыхали о женском Батальоне смерти?

Сердце мое бешено застучало.

– Какой батальон, вы сказали? – спросила я, сделав вид, что впервые слышу об этом.

– Ну как же! Батальон Бочкаревой! – ответил он уверенным тоном.

– Бочкаревой?.. – уточнила я, словно вспоминая что-то. – Ах, ну конечно, Бочкарева. Да, я слышала о ней.

– Б….! Корниловка она! – воскликнул он. – Она за старый режим.

– Откуда вы знаете? – спросила я. – Мне казалось, она вне политики.

– Это все контры, знаем мы их! А она одна из них, – решительно заявил мой попутчик.

– Ну хорошо, ведь что бы там ни было, а Батальона смерти больше нет, и сама Бочкарева вроде бы куда-то пропала, – подсказала я ему.

– Ну да, знаем мы, как они пропадают. Вон Корнилов тоже вроде бы исчез поначалу. А потом все они объявляются то здесь, то там и устраивают заваруху, – просветил он меня.

– Ну и что же вы стали бы делать, если бы она появилась

здесь? – осмелилась я спросить.

– Убил бы ее. Живой она бы отсюда не выбралась никогда, – заверил он меня. – У нас есть фотографии всех главных контрреволюционеров, и им уже никак не отвертеться, коли их поймают.

Затем разговор принял более благоприятный для меня оборот, и удалось все разузнать о планах большевиков в борьбе против генерала Корнилова. Но прибытии поезда в Зверево я распрощалась с тем парнем, сердечно поблагодарив за оказанные услуги.

– А знаешь, сестричка, – неожиданно сказал он перед тем, как расстаться. – Ты мне нравишься. Выходи за меня замуж, а?

Такого я не ожидала. Это застало меня врасплох. Он был настолько уродлив и грязен, а его предложение столь нелепо, что я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться. Однако смех тут был совсем не к месту.

– Ну что ж, с удовольствием, – ответила я с такой любезностью, на какую только была способна, – но только после того, как встречусь с мамой.

Он дал мне свой адрес и просил ему написать, что я и обещала сделать. Верно, он и по сей день ждет от меня письма.

Я оставила его в вагоне, а сама пошла на вокзал. На платформе и в здании вокзала толпились красногвардейцы, матросы, солдаты, даже казаки, примкнувшие к большевикам. Однако гражданских лиц видно не было. Я села в уголок и стала ждать. Ко мне никто не подходил с расспросами, очевидно полагая, что я служу у большевиков. Прошел час, другой, третий, а я все не могла придумать, как выбраться отсюда, чтобы продолжить путь к своей цели. На моих глазах арестовали какого-то гражданского, непонятно как оказавшегося на вокзале, и увели без разговоров. Поэтому я решила сидеть тихо в своем уголке и не двигаться с места.

Наконец мною заинтересовался какой-то симпатичный молодой солдат. Он подошел и спросил:

– А вы что здесь сидите, сестрица?

– Жду своего товарища, – ответила я.

– А как его зовут? – спросил он с любопытством.

– О, это секрет, – ответила я интригующим тоном.

Он уселся рядом со мной и спросил, была ли я на фронте. Я сказала, что, к сожалению, попадала только в тыловые госпитали.

– Почему арестовали того человека? – поинтересовалась я.

– Потому что у него не было документов от Совета депутатов, – последовал ответ. – Его немедленно расстреляют.

– Вы всех расстреливаете, у кого нет документов? –

осведомилась я.

– Всех без разбору.

– И даже женщин?

– Да, даже женщин. Это же зона военных действий.

– Пресвятая Богородица! – воскликнула я с ужасом. – Какая жестокость! Вы убиваете их всех, да? Без всякого суда?

– У нас нет времени, чтобы заниматься судом. Кто сюда попал, не убежит. Наши расстрельные команды уничтожают всех подозрительных на месте, – сообщил он мне дружелюбно. – Пойдемте. Хотите посмотреть, как расстреливают? Это здесь, совсем рядом.

Я с большой неохотой последовала за ним. В нескольких сотнях шагов от вокзала мы остановились. Я не могла идти дальше. Пространство перед нами было покрыто множеством трупов искалеченных полуголых людей. Меня стал бить озноб.

– Вот здесь примерно человек двести убитых. Большинство из них – офицеры, примкнувшие или стремившиеся примкнуть к Корнилову, – пояснил он.

Я не могла справиться с собой и унять дрожь. Ужасающая сцена так потрясла меня, что пришлось собрать все силы, чтобы не упасть в обморок.

– Ах, женщины, женщины, – сочувственно кивнул мне мой спутник. – Какие же вы все слабые. Не знаете вы, что такое война. Впрочем, – произнес он с сомнением, – есть и такие, кто может сравниться с мужчинами. Возьмите, к примеру, Бочкареву. Подобная картина вряд ли привела бы ее в содрогание.

– А кто это такая Бочкарева? – проявила я любопытство.

– Да разве вы о ней не слыхали? – спросил он с удивлением. – Ну как же?! Она была солдатом при старом режиме и организовала женский Батальон смерти. Корнилов и буржуи присвоили ей офицерское звание и деньгами завлекли на свою сторону, хотя сама она крестьянских кровей.

Все это было очень интересно. Историю о моей продажности я уже слыхала раньше, но не в столь откровенной форме. Перед глазами стояла только что увиденная картина – десятки обезображенных трупов. С гневом подумала я о вероломстве большевиков, которые в войне против Германии добивались отмены смертной казни, но ввели ее, причем в самом изуверском виде, в войне против граждан своей страны.

И тут я рассказала новому приятелю о той беде, в которую попала, пожаловалась, что у меня нет денег и что мне нужно домой в Кисловодск, а я не знаю, как пройти через линию фронта. Он объяснил мне, что так называемый фронт здесь не представлял сплошной линии, а состоял лишь из многочисленных

постов: по эту сторону – большевистских, а по другую – корниловских.

– Иногда, – добавил он, – обе стороны разрешают крестьянам соседних деревень проходить и проезжать через Новочеркасск, где находится штаб Корнилова. Если пойдете по этой дороге, – показал он вдаль, – то в четырех верстах отсюда попадете в деревню. И там кто-нибудь из крестьян может взяться провести вас через посты.

Я поблагодарила его за эту ценную для меня информацию, и мы расстались друзьями. До деревни я дошла без всяких происшествий. На околице увидела старика, работавшего около своей хаты. Здесь же была конюшня с лошадьми.

– Добрый день, дедушка! – приветствовала я старика.

– День добрый, сестричка, – ответил он.

– Не подвезете до города? – спросила я.

– Господи помилуй! Да как же это возможно? Большевики стоят на подступах к городу и никого не пропускают, – ответил он.

– Но ведь люди-то ходят все же иногда, верно?

– Верно, иногда бывает.

– Ну, а если я вам дам пятьдесят рублей, чтобы довезли меня до города? – предложила я.

Старик почесал в затылке, обдумывая предложение.

– А ты, часом, не политичка? – справился он осторожно.

– Нет, – заверила я его, – не политичка.

Он ушел в избу переговорить со своей бабой. Дело было выгодное, и старуха, видно, сразу же согласилась, так как старик быстро вернулся и сказал:

– Хорошо, поедем. Заходи в дом. Попьем чайку и чего-нибудь пожуем на дорожку.

Приглашение оказалось как нельзя кстати, поскольку я изрядно проголодалась за время долгого ожидания на вокзале и пути в деревню. Мы позавтракали и попили чаю из самовара. Пока хозяин запрягал лошадь, я выпросила у бабки большой передник и зимнюю шаль. Передник надела поверх своей одежды, а в шаль закуталась так, что почти полностью закрыла лицо. И теперь я уже выглядела не как сестра милосердия, а как местная крестьянская баба.

Помолившись перед дорогой Господу, я уселась в повозку. Лошадь пошла легкой рысью.

Предстояло еще проехать через линию фронта большевиков. Но кое-чего я уже добилась…

Глава восемнадцатая. В большевистской западне

– Чего мне говорить-то, как встретим разъезды? – спросил старик, когда мы подъехали к фронтовым позициям.

– Скажи, что везешь свою бабу в город, в больницу, потому что у нее сильный жар, – ответила я. Потом попросила старика завернуть меня в огромный меховой тулуп, который лежал под ним. И так было достаточно тепло, но я подумала, что, если закутаюсь в тулуп, температура поднимется. Во всей этой одежде я напоминала скорее какой-то ворох тряпья, нежели человека. По мере приближения к боевым постам большевиков я начала стонать, словно от боли.

– Куда едешь? – услыхала я строгий голос, обращенный к моему вознице, когда лошадь остановилась.

– В больницу, в город, – ответил старик.

– А кого везешь?

– Да бабу мою. Умирает она. Везу вот к дохтуру, – объяснил крестьянин.

Тут я принялась стонать еще громче. Дышать было нечем. А сердце замирало от страха, что обман вдруг раскроется и меня разоблачат. Каждая минута казалась вечностью. Дозорный, остановивший нас, по-видимому, советовался с кем-то из своих товарищей, пропускать нас или нет. Я продолжала непрерывно стонать. Не открывая моего лица, он разрешил старику ехать дальше.

Сердце мое прыгало от радости, как только лошадь понесла нас бодрой рысью. Какое-то время я все еще сидела, затаив дыхание и не веря себе, что без особого труда переправилась через линию фронта большевиков.

Немного спустя мы подъехали к позициям фронта генерала Корнилова. Дозоры и посты здесь комплектовались из офицеров, да и силы корниловцев составляли в основном офицеры. У одного из таких постов нас остановил резкий окрик:

– Стой!

Мой возница уже начал было рассказывать свою байку, как я сбросила с себя тулуп, затем шаль и фартук и выпрыгнула из телеги с глубоким вздохом облегчения. И не могла не рассмеяться.

Старик сначала, должно быть, подумал, что я сошла с ума. Офицеры на посту также ничего не могли понять.

– Что за черт! – пробормотали двое из них себе под нос.

К величайшему изумлению крестьянина, я спокойно отсчитала пятьдесят рублей и отпустила его домой.

– Отсюда до города вполне доберусь сама, – объяснила я ему.

– Черта с два вы доберетесь! – выпалил командир этого поста. – Кто вы такая?

– Вы что, не видите? Я сестра милосердия! – ответила я запальчиво.

– И куда же вы держите путь?

– Иду повидать генерала Корнилова, – сказала я шутливо.

Офицеры пришли в ярость.

– Вы не сделаете отсюда ни шагу, – с угрозой произнес командир.

– Еще как сделаю, – заявила я многозначительным тоном.

– Арестовать ее! – приказал командир поста.

Тут я расхохоталась, заставив офицеров побелеть от злости.

– Да неужто вы не узнали меня? Я же Бочкарева, – и с этими словами я сорвала с себя головной убор сестры милосердия.

Офицеры раскрыли рты от изумления. Они столпились вокруг меня, поздравляли, пожимали руки.

Корнилова известили по телефону о моем прибытии и рассказали, какую шутку я сыграла с дозорными офицерами.

– Здравствуйте, сестричка. Как поживаете? – встретил он меня улыбаясь.

Мой рассказ о том, как я пробиралась через линию фронта большевиков, очень его позабавил. Корнилов был, как всегда, энергичен, хотя очень осунулся и немного постарел.

Я доложила ему, что приехала из Петрограда по поручению генерала Х. и других офицеров с целью выяснить, каковы его планы, и уточнить обстановку. Я также сообщила, что большевики развернули подготовку к наступлению, что в Звереве я видела одиннадцать вагонов с боеприпасами и что удар, вероятно, будет нанесен через пару дней.

Корнилов ответил, что знает о грозящем наступлении. Он признался, что его положение ненадежно: нет денег, нет продовольствия, тогда как у большевиков вполне достаточно и того и другого. Солдаты дезертируют с фронта, а он изолирован от своих друзей и окружен врагами.

– Вы хотели бы остаться у меня и сражаться вместе с нами? – спросил он.

– Нет, я не могу воевать против своего народа, – ответила я. – Русский солдат мне очень дорог, хотя его сейчас сильно запутали…

– Мне тоже очень тяжело сражаться с теми солдатами, которых я так любил, – заявил он. – Но они превратились в

настоящих зверей. Мы защищаем здесь свою жизнь, честь своего мундира. Теперь, когда жизнь каждого русского офицера зависит от милости толпы, можно вести речь только об организации самообороны. Сделать что-то большее для страны сейчас нельзя, поскольку большевики развязали гражданскую войну именно тогда, когда германцы начали продвигаться в глубь России. В настоящее время необходимо, чтобы все классы в стране пришли к согласию и объединились для создания единого фронта против врага нашего Отечества. Но большевики затуманили мозги людям, поэтому требуется проводить разъяснительную работу в массах. Война их не просветит. Если бы удалось организовать контрпропаганду и убедить российских крестьян, что большевики скоро приведут нашу страну к полной гибели, тогда бы они поднялись и покончили с Лениным и Троцким, выбрали бы новое правительство и изгнали германцев из России. Это – единственное решение, какое я вижу, если, конечно, союзники не помогут нам примирить наших солдат и восстановить единый фронт против Германии.

Такой, по существу, была точка зрения генерала Корнилова на положение в России в феврале 1918 года, когда я встретилась с ним. Из разговоров с офицерами штаба мне стало известно, что силы Корнилова насчитывали не более трех тысяч бойцов, а противостоявшая им большевистская армия превосходила их, вероятно, раз в двадцать. Я пробыла в штабе только один день и уехала из Новочеркасска вечером, после трогательного прощания с Корниловым. Он поцеловал меня, а я пожелала ему успеха в его деяниях на благо Отечества. Однако никакого успеха в будущем не предвиделось, и мы оба понимали это очень хорошо. Россию окутала густая мгла, поглощая все благородное и справедливое.

Ободренная тем, что удалось успешно добраться до Корнилова, я решила возвращаться обратно без всякой помощи. Группа офицеров проводила меня только до своих позиций, а оттуда, напутствуемая их благословениями, я пошла одна через зону боевых действий. Я благополучно проползла по-пластунски, как по ничейной земле, несколько верст. Пригодился опыт, приобретенный на фронте. Каким-то сверхчутьем угадав приближение патруля, вовремя спряталась. Патруль, правда, оказался корниловским, но я все-таки не вышла из укрытия. Потом проползла несколько метров вперед и, услышав голоса со стороны угольной шахты, поняла, что нахожусь на одной из фронтовых позиций. Соблюдая крайнюю осторожность, я сумела благополучно миновать опасное место. Чуть дальше на горизонте темнел лес.

Отряд большевиков выследил офицерский патруль, который

попался мне на пути, и стал преследовать его, пытаясь обойти с фланга. Я решила спрятаться за грудой угля и дождаться момента, когда все успокоится. Справа и слева от меня высились горы угля.

Сжимая в руках куски угля, я, затаив дыхание, ожидала исхода этого маневра. Немного спустя большевики возвратились с пленными. Они захватили весь патруль – пятнадцать офицеров и пять юнкеров. Их всех отвели в одно место, примерно в десяти шагах от той груды угля, за которой я пряталась.

Сотня большевистских солдат окружила офицеров. Они ругали их, били прикладами, срывали погоны и вообще зверски обращались с ними. Пятеро молодых юнкеров попытались бежать и, выждав момент, рванулись вперед. Но скрыться им не удалось. Не успели они пробежать несколько сотен метров, как их поймали и приволокли назад.

И тут большевистские солдаты решили выколоть глаза этим пятерым в наказание за попытку к бегству. Каждую из жертв держали двое солдат так, чтобы кровавые палачи могли проделать свою черную работу. Никогда в жизни я не видела более жестокого преступления.

Один из офицеров не выдержал и закричал:

– Убийцы! Звери! Убейте меня!

Его ударили штыком, но не убили, а только ранили. Все пятнадцать офицеров умоляли, чтобы их прикончили тут же. Но их мольбы остались без внимания.

– Вас сначала отведут в штаб, – ответили им.

Скоро их увели, а пятерых мучеников оставили умирать там, где их истязали.

Сердце мое буквально окаменело. Кровь застыла в жилах. Казалось, я схожу с ума. Еще секунда – и не смогу сдержаться: выскочу из укрытия, чтобы накликать на себя смерть или такую же пытку.

Но в конце концов я заставила себя не смотреть на это страшное зрелище и поползла в противоположную сторону, по направлению к лесу. В нескольких сотнях шагов от леса мне показалось, что уже можно встать и побежать. Но меня заметили с шахты.

– Шпион! – вырвалось сразу из нескольких глоток, и группа солдат бросилась за мной в погоню, стреляя на бегу.

Погоня приближалась, хотя я бежала изо всех сил. До леса оставалось каких-нибудь сто шагов. Там еще можно было надеяться на спасение. Я молила Господа дать мне силы, чтобы добежать. Пули со свистом летели мимо, поскольку солдаты стреляли на бегу и взять точный прицел не могли.

Скорее, скорее в лес: всем своим существом я устремилась вперед. А крики позади слышались все громче и громче.

– Шпионка! Шпи-о-нка!

Лес был уже совсем рядом. Еще один рывок – и я спасена. Подобно загнанному зверю, мчалась я дальше. Но солдаты прекратили преследование: то ли потому, что не могли бросить пост, увлекшись погоней, то ли решили, что все равно не выберусь из леса. Послав мне в след град пуль для очистки совести, они повернули обратно.

Я спряталась в какой-то яме и просидела там, пока вокруг все не стихло. Потом вылезла из укрытия и попыталась сообразить, в какую сторону идти, но поначалу ошиблась и возвратилась к прежнему месту на опушке леса. Оттуда я пошла в противоположную сторону, но прежде сняла с себя одеяние сестры милосердия и спрятала его в кустах. Оставшись в военном мундире, надела фуражку и уничтожила паспорт на имя Смирновой. Поскольку мои преследователи могли разослать сообщения о появлении шпиона в платье сестры милосердия, я подумала, что как Бочкарева имею больше шансов остаться в живых, а с паспортом Смирновой пропаду.

Рассветало, но в лесу было еще темно. Встретившийся на пути солдат поздоровался со мной. Я хрипло ответила ему, и он прошел мимо, очевидно приняв за своего товарища. Немного погодя попались еще двое или трое солдат, но мне удалось пройти мимо них, также не вызвав подозрений. Я достала зашитые под подкладкой билет до Кисловодска и письмо княжны Татуевой. Прошагав почти двадцать верст, подошла к станции Зверево. Нужно немедля принимать решение, иначе наверняка попадешь в беду, думала я, и потому отважилась идти прямо на станцию, а там заявить о себе, сказав, что заблудилась, и сдаться властям.

Когда я открыла дверь станционного зала, переполненного красногвардейцами, и остановилась на пороге, они оторопело разинули рты, словно увидели привидение.

– Бочкарева! – раздались изумленные возгласы.

Не дожидаясь, что́ они скажут еще, я подошла к ближайшему солдату. Ноги у меня дрожали, а сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

– Где тут у вас комендант? Отведите меня к коменданту! – сказала я.

Он окинул меня беглым взглядом, но подчинился приказу и проводил в помещение, битком набитое красногвардейцами, к парнишке лет девятнадцати-двадцати, который представился как председатель следственной комиссии. В отсутствие коменданта

он исполнял его обязанности. И тут вновь последовали возгласы удивления, вызванного моим столь внезапным появлением.

– Вы Бочкарева? – спросил молодой человек, предложив мне сесть.

Я была бледна, чувствовала слабость и усталость после трудной дороги и потому с благодарностью села на стул. Я посмотрела на начальника, и в душе появилась какая-то надежда. У него было благородное, располагающее к себе лицо.

– Да, Бочкарева, – ответила я. – Еду в Кисловодск лечить спину и вот сбилась с пути.

– Что это вдруг нашло на вас? Вы в своем уме? Мы тут сейчас готовим наступление на Корнилова. И как вы не побоялись ехать сюда в такое время? Неужто не понимаете, что ваше появление здесь означает для вас верную смерть? – распекал меня молодой человек, заметно взволнованный тем, что я совершила такую роковую ошибку.

– Ну вот, пожалуйста, – продолжал он. – Я только что получил по телефону сообщение, что рано утром какая-то женщина-шпионка перешла фронт со стороны Корнилова. Они ее теперь ищут. Вы понимаете, в какой переплет вы попали?!

Молоденький начальник был явно расположен ко мне. И я подумала, что стоит попытаться окончательно склонить его на свою сторону.

– Но я пришла сюда сама, – сказала я, заливаясь слезами. – Я ни в чем не виновна. Я теперь просто больная женщина, еду полечиться на водах. Вот мой билет до Кисловодска, а вот письмо от моей подруги, бывшего моего адъютанта. Она пригласила меня к себе на Кавказ. Неужели вы не пощадите несчастную больную женщину, если уж не ради меня самой, то хотя бы ради моих одиноких родителей?..

Несколько присутствовавших в комнате красногвардейцев прервали меня грубыми окриками:

– Расстрелять ее! Что толку от ее болтовни! Кокнуть ее – и одной шлюхой будет меньше!

– Погодите, погодите! – вмешался молоденький начальник. – Бочкарева пришла к нам по собственной воле, и она не из тех офицеров, которые воюют с нами. Так что сначала все расследуем, а потом решим, виновна она или нет. Если окажется виновной, расстреляем.

Слова председателя следственной комиссии придали мне мужества. Чувствовалось, что это образованный, гуманный человек. Потом я узнала, что он был студентом университета. Его звали Иван Иванович Петрухин.

Пока он так рассуждал, в комнату вихрем ворвался какой-то

вспотевший и запыхавшийся от бега солдат, с удовлетворением потирая руки.

– Эх! Работенку кончили, будь здоров! Пятнадцать этих, и все офицеры! Ребята уделывали их так. – И он, наклонившись, провел рукой по ногам. – Сначала залпом раскрошили ноги и свалили в кучу на землю. Потом штыками добили и порубили. Охх-хо! Там было еще пятеро других, юнкера. Они пытались удрать, но наши ребята поймали их и выкололи им глаза!

Я окаменела. Вошедший был среднего роста, коренастый, одет в офицерскую форму, но без погон. Его свирепый вид и отвратительный смех привели меня в содрогание. Кровожадный зверь! Даже Петрухин побледнел, когда тот вошел. Это был не кто иной, как Пугачев, помощник командующего большевистской армией.

Он сначала меня не заметил, так сильно поглощен был рассказом о кровавой расправе над пятнадцатью офицерами.

– А здесь у нас знаменитость, – сказал Петрухин, указывая на меня.

Помощник командующего сделал шаг вперед по-военному, уставился на меня и дико заорал:

– Бочкарева! – Он был вне себя от радости.

– Хо-хо-хо! – зло расхохотатся он. – При старом режиме я получил бы Георгиевский крест за поимку такого шпиона! Побегу-ка я к солдатам и матросам и сообщу хорошую новость. Они-то уж знают, как о ней позаботиться. Хо-хо-хо!

Я вскочила, словно громом пораженная. Хотела сказать что-то, но голос пропал. Петрухин также был в ужасе. Он побежал за Пугачевым, схватил его за руку и стал кричать:

– Что с вами? Вы сошли с ума? Мадам Бочкарева сама пришла к нам. Никто ее не ловил. Она направляется в Кисловодск для лечения. Это больная женщина. Она утверждает, что сбилась с пути. И что бы там ни говорили, она никогда не воевала против нас. Она возвратилась домой сразу же, как большевики пришли к власти.

– Ах, да ты не знаешь ее! – воскликнул Пугачев. – Она же корниловка, правая рука Корнилова.

– Ну вот что. Мы ее так просто не выдадим, – возразил Петрухин. – Я соберу сейчас комиссию, и мы разберемся с этим делом.

– Разберетесь! – презрительно ухмыльнулся Пугачев. – А коли не найдете против нее никаких улик, значит, отпустите? Вы ее не знаете. Она опасный человек! Как можно ее щадить? Я бы даже не стал тратить на нее патроны, а позвал бы солдат, чтобы сделали из нее хорошую кашу!

Он шагнул по направлению к двери. Петрухин от него не отставал.

– Но поймите, она же больная женщина! – доказывал он. – Для чего же тогда следственная комиссия, если не для расследования подобных дел? Сначала расследовать, а потом наказывать, так ведь? Пускай комиссия разберется и примет решение, какое сочтет нужным.

В этот момент появился комендант станции. Он поддержал Петрухина.

– В данном случае так поступать нельзя, – сказал он. – Нужно, чтобы поработала следственная комиссия. Если Бочкареву признают виновной, мы ее расстреляем.

Петрухин приказал созвать членов следственной комиссии: их было двенадцать, и все они – рядовые солдаты. Когда он ознакомил членов комиссии с делом, они заняли враждебную позицию, говоря, что сама судьба привела меня к ним. Однако Петрухин продолжал сыпать доводами в мою пользу, пытаясь вызвать ко мне сочувствие, поскольку был убежден в истинности моего алиби. Таким путем ему удалось расположить ко мне нескольких членов комиссии.

А тем временем Пугачев метался по комнате, как лев в клетке. Он жаждал моей крови.

– Эх, кабы я только знал тогда, пристрелил бы тебя заодно с теми пятнадцатью офицерами! – бросил он в мою сторону.

– А я бы не посмела расстрелять моих собратьев – солдат и офицеров, – заметила я в ответ. – Сердце бы не выдержало.

– Эге, красиво поешь, пташечка, – накинулся он на меня. – Знаем мы вашу сердечность.

– Во всяком случае, вы ничуть не лучше офицеров старого режима, – заявила я.

– Молчать! – заорал он в ярости.

В это время в комнату вошел Петрухин, а с ними и остальные члены следственной комиссии.

– Прошу не орать, – сказал он Пугачеву, чувствуя себя гораздо увереннее в присутствии членов комиссии. – Бочкарева сейчас в наших руках, и мы будем судить ее по справедливости. Нам решать, виновата она или нет. И оставьте ее в покое.

Поскольку из двенадцати членов комиссии удалось собрать десять, то есть большинство, решили рассмотреть мое дело.

– Найдете вы ее виновной или нет, я все равно ее отсюда живой не выпущу! – объявил Пугачев. – Тогда кто же я здесь? Я ведь не враг.

Однако эта его угроза сработала в мою пользу, поскольку затрагивала права следственной комиссии. Подобное

пренебрежение к себе члены следственной комиссии вряд ли могли допустить. Пугачев потребовал, чтобы меня обыскали.

– Пожалуйста, поступайте, как сочтете нужным, – сказала я. – Но прежде я хотела бы сдать вам этот пакет. В нем деньги, десять тысяч рублей. Их прислала мне княжна Татуева, мой бывший адъютант, чтобы я могла полечиться на водах. Я не истратила из них ни рубля, потому что надеялась возвратить ей по прибытии на Кавказ.

В действительности эти деньги дал мне Корнилов, чтобы я и мои родители не умерли с голоду.

Ценный пакет взяли без особых вопросов. Затем мне приказали полностью раздеться. Петрухин протестовал, а Пугачев настаивал. Спор решили голосованием, и большинство поддержало Пугачева.

Обыск был самым тщательным и неприятным, но ничего не дал. Нашли билет до Кисловодска, письмо от княжны Татуевой, маленькую бутылочку со святой водой, которую мне дала сестренка Надя, и еще вышитый наплечник, подаренный перед отправкой на фронт одной из дам – патронесс батальона.

– А вот и то, что мы ищем! – воскликнул Пугачев, хватая освященный в церкви мешочек. – Тут, верно, и письмецо от Корнилова!

Мешочек разодрали тут же, и из него выпал свернутый листок бумаги, на котором женской рукой была написана молитва во спасение воинов. Я заметила, что разрывать наплечник грешно и что этот грех падет на их головы, а сама зашивать его не стану. И тогда один из солдат достал иголку с ниткой и зашил мешочек.

Комитетчики извинились, что им пришлось обыскивать меня подобным образом.

– Ну и что же вы теперь сделаете со мной? – спросила я.

– Мы тебя расстреляем! – ответил Пугачев.

– За что? – спросила я в полном отчаянии.

Этот зверюга не ответил. Он лишь ухмылялся.

Петрухин боялся защищать меня слишком откровенно, потому что его могли заподозрить в содействии шпиону. Он предпочитал помогать мне не открыто, а через возглавляемых им членов комиссии, оказывая воздействие на каждого из них. Именно по предложению Петрухина следственная комиссия решила передать мое дело главнокомандующему Саблину для рассмотрения и вынесения окончательного приговора. Как я догадывалась, Петрухин пошел на эту хитрость, чтобы спасти меня от немедленной казни. Члены комиссии не сомневались, что меня ждет верная смерть. Тем не менее я была глубоко

благодарна Петрухину за проявленную гуманность. Он обладал редкими качествами, не свойственными большевикам.

Меня отвели в железнодорожный вагон, который использовался для содержания офицеров и других арестованных. Эта была камера смертников. Живым оттуда не уходил никто. Когда меня ввели в вагон, раздались крики:

– Бочкарева! Как же вы сюда попали? Шли от Корнилова?

– Нет, – ответила я, – ехала в Кисловодск.

В вагоне находилось около сорока человек, в основном офицеры. Среди них было даже два генерала. Они страшно удивились моему появлению. Когда конвоиры ушли, пленные стали более разговорчивыми, некоторым из них я даже рассказала, что действительно была у Корнилова. Никто из пленных не подал мне надежды на спасение: все они примирились с мыслью о неизбежной смерти.

Один из генералов, старый уже человек, подозвал меня жестом, и я села подле него.

– У меня есть дочь, такая как вы, – сказал он печально, обняв меня за плечи. – Я много слышал о ваших доблестных делах и полюбил вас как дочь. Никак не ожидал встретить вас здесь, в этом гиблом месте. Как же все ужасно! Вот мы здесь сидим, лучшие люди Отечества, и нас расстреливает, пытает и мучает озверевшая толпа негодяев. И если бы это было на пользу России! Но ведь Россия в этот самый момент пропадает, гибнет. Может быть, Господь вам поможет. Тогда отомстите за нас…

Я не выдержала и, содрогаясь от рыданий, прислонилась головой к плечу генерала. Старый вояка тоже не смог сдержаться и заплакал вместе со мной…

Вдруг все остальные офицеры запели. Они пели от отчаяния, чтобы не пасть духом. Я же плакала долго и горько. И молилась за свою мать. «Кто позаботится о ней? – взывала я к Богу. – Ей придется на старости лет ходить с протянутой рукой, если меня тут расстреляют». И от этих мыслей жизнь вдруг стала мне особенно дорога, та самая жизнь, которой столько раз рисковала. Нет, я не хочу умирать позорной смертью. Не хочу лежать поверх земли, не хочу, чтобы меня, как падаль, клевало воронье.

«Почему Ты не дал мне умереть от вражеской пули? – спрашивала я у Бога. – Неужели жестокая расправа – это все, что я заслужила от моего народа?»

Дверь распахнулась. В вагон ввалилось около сорока солдат. В руках у вожака был список.

– Бочкарева! – выкрикнул он меня первой.

Почему-то сердце мое запрыгало от радости. Я подумала, что меня отпускают. Но офицеры сразу рассеяли мои надежды,

объяснив, что это вызывают тех, кого поведут на казнь. Я выступила вперед и ответила:

– Здесь!

– Раздевайся!

Приказ обескуражил меня. Я стояла не двигаясь.

Ко мне подошли солдаты, подтолкнули к выходу и повторили приказ несколько раз. Я наконец поняла, что́ от меня требуют, и стала раздеваться.

Вслед за мной вызвали старого генерала и еще нескольких офицеров. Каждому из них приказали снять мундир и остаться в исподнем.

Большевикам была нужна любая военная форма, а это был самый простой и дешевый способ приобретения.

Слезы ручьем текли по моим щекам. Старый генерал стоял рядом со мной.

– Не плачьте! – успокаивал он. – Мы умрем вместе.

Далеко не все пленные оказались в нашей группе. Оставшиеся расцеловали меня на прощание. Какое сердце выдержало бы эту сцену расставания!

– Через час или два придут за нами, – говорили они, подбадривая нас.

Я разулась, сняла с шеи образок и, прижав его к груди, упала перед ним на колени.

– Почему я должна принять такую смерть? Три года я терпела испытания и лишения, защищая свое Отечество. И такой позорный конец – вся награда за это? Помилосердствуй, Пресвятая Дева! Если не ради рабы Твоей Марии, то ради моей несчастной матери и престарелого отца! Помилосердствуй! – кричала я.

Тут я совсем обезумела и впала в истерику. Немного погодя какой-то офицер подошел ко мне, положил руку на плечо и сказал:

– Вы русский офицер. Мы умираем за правое дело. Будьте мужественны и примите смерть достойно, как подобает офицеру!

Я сделала над собой сверхчеловеческое усилие, чтобы прекратить рыдания и успокоиться. Потом поднялась и объявила конвоирам:

– Я готова.

Нас вывели из вагона в нижнем белье. Поблизости находилось место бойни, где были свалены в кучу сотни трупов. Когда мы подходили к этому месту, появился с торжествующим видом Пугачев. Он возглавлял расстрельную команду примерно из ста человек – матросов, солдат и других красногвардейцев.

Окружив плотным кольцом, нас повели к небольшому

пригорку и поставили в линию спиной к возвышению. Позади и перед нами, слева и справа, а также у самых наших ног лежали трупы – по меньшей мере тысяча. Это был ужас из ужасов. Запах от разложившихся трупов душил, сжимая горло. А на палачей он, по-видимому, не очень действовал. Они к нему привыкли.

Меня поставили с краю шеренги, рядом со старым генералом. Нас было двадцать человек.

– Ждем комиссию, – объяснил Пугачев задержку в процедуре.

– Как приятно! – говорил он, потирая руки и смеясь. – У нас сегодня женщина.

– Ах да, – как бы между прочим вспомнил он, обращаясь ко всем. – Можете попросить, чтобы ваши тела переслали родным для захоронения, если вы того желаете, и написать письма домой. Можете попросить и о других милостях.

Тревога ожидания казалась столь же жуткой, как и все здесь. Лица офицеров выражали ненависть к этому извергу Пугачеву. Никогда в жизни я не встречала более извращенного и кровожадного человека. Даже и не думала, что такого можно сыскать в России.

Ожидание вскоре отняло у меня силы, и я опять опустилась на колени, молясь перед своим образком и взывая к Всевышнему:

– Господи, за что посылаешь мне такую смерть? Почему я должна умереть, как собака, без священника и церковного обряда погребения? И кто теперь позаботится о моей матери? Она умрет, когда узнает о моей кончине.

Мои мольбы вызвали у солдат громкий смех. Они шутили и веселились.

– Не плачьте, дитя мое, – сказал генерал, склонившись надо мной и гладя меня по голове. – Это же дикари. У них каменные сердца. Они даже не дадут нам возможности принять последнее причастие и получить отпущение грехов. И все же давайте умрем как герои.

Его слова придали мне силы. Я встала, выпрямилась и сказала:

– Хорошо, постараюсь геройски принять смерть.

Потом минут десять всматривалась в лица наших палачей, внимательно изучая их черты. В этих лицах не было даже признаков человечности – одна звериная жестокость. Русские солдаты, превращенные в зверей!

– Господи, Боже мой! Что сделал Ты с Твоими чадами? – взмолилась я.

В памяти длинной чередою прошли многочисленные события моей жизни: детство, годы тяжелого труда в бакалейной лавке Настасьи Леонтьевны, любовная связь с Лазовым, замужество с

Бочкаревым, Яша, три года войны – все это пронеслось в моем воображении, причем некоторые события странным образом задерживались в памяти на одну-две секунды, а другие пролетали быстро и почти незаметно. Почему-то очень сильно запомнился тот случай из детства, когда я поспорила с маленьким мальчиком, за которым присматривала, и получила незаслуженную трепку от его матери. То был первый опыт моего самоутверждения. Я взбунтовалась и убежала… Потом еще вспомнился тот эпизод, как я прыгнула в Обь. Казалось, будто это вовсе не я искала тогда спасения от страшного Афанасия в холодных глубоких водах реки. И я подумала, что лучше бы мне тогда утонуть, чем теперь принимать такую смерть…

Глава девятнадцатая. Чудом спасенная

Наконец вдали показались члены следственной комиссии во главе с Петрухиным. Явились все двенадцать человек: отсутствовавшие ранее два красногвардейца, очевидно, только что присоединились к остальным десяти.

– Вот видите, какие мы добрые, – сказал кто-то из солдат. – На вашей казни присутствует даже следственная комиссия.

Никто из нас ему не ответил.

– Мы обязаны были доложить обо всем Саблину, нашему главнокомандующему, – заявил Петрухин, подойдя к Пугачеву. – Он сказал, что Бочкареву придется расстрелять, но не обязательно сейчас и не с этой группой.

В моей душе зажглась искра надежды.

– Ничего подобного! – рявкнул со злостью Пугачев.

– В чем дело? Почему откладывают? Списки уже составлены, – поддержали Пугачева солдаты.

– Расстрелять ее! Пора кончать с ней! Что с ней нянчиться! – кричали вокруг.

Пугачев чувствовал, что Петрухин добился отсрочки казни в надежде спасти меня. Но Петрухин заручился запиской от Саблина, понимая, что одних слов будет недостаточно, чтобы отстоять свою позицию.

– Вот письменный приказ от главнокомандующего, – заявил Петрухин, вытаскивая бумагу. – В нем сказано, чтобы Бочкареву перевели в мой вагон и содержали там под стражей.

Пугачев подскочил, будто кто-то его ужалил. Но члены следственной комиссии высказались в поддержку Петрухина, заметив, что приказ есть приказ и его надо выполнять, а казнить меня можно и позже.

Наиболее заинтересованным наблюдателем этой жаркой перепалки была я сама. Затаив дыхание, слушали спор и офицеры.

Солдаты ворчали. Жизнь во мне боролась со смертью, и чаша весов в этом споре склонялась то в одну, то в другую сторону.

– Ничего не выйдет! – орал Пугачев, отпихивая в сторону приказ главнокомандующего. – Слишком поздно отдавать такие приказы! Мы ее расстреляем! Хватит болтать!

В этот момент я обратила внимание, что один из двух вновь прибывших членов следственной комиссии пристально смотрит на меня. Он подошел поближе и, склонив голову набок, буквально впился в меня глазами. Его взгляд взбудоражил мне душу. Когда этот человек, рядовой солдат, вытянув шею, вышел

вперед и направился ко мне, присутствующие вдруг странно замолкли, настолько всех удивило выражение сострадания на его лице.

– Неуж-то-о ты Я-а-ш-ка-а? – нараспев произнес он.

– Откуда ты меня знаешь? – быстро спросила я в неясном предчувствии надежды на спасение.

– А разве ты не помнишь, как спасла мне жизнь в то мартовское наступление, когда меня ранило в ногу? Ты ж тогда вытащила меня под огнем из грязи. Помнишь? Петр мое имя. Я бы тогда там и пропал, в воде и грязи, как и многие, кабы не ты. А почему они хотят тебя расстрелять сейчас?

– Потому что я офицер, – ответила я.

– Что за разговорчики ты тут ведешь? – прогремел Пугачев. – Ее нужно расстрелять, и никаких разговоров!

– А я не позволю ее расстреливать! – твердо возразил ему посланный Богом спаситель, и с этими словами он подошел ко мне, взял за руку, вывел из шеренги и сам занял мое место.

– Вам придется расстрелять меня первым! – заявил он. – Она спасла жизнь мне и многим другим солдатам. Весь Пятый корпус знает Яшку. Она такая же простая крестьянка, как я сам, и в политике ничего не понимает. Если будете ее расстреливать, стреляйте меня первым!

Его слова окрылили меня. Они задели за живое многих солдат в толпе. Подошел Петрухин и занял место рядом со мной и Петром.

– Прежде чем вы казните ни в чем не повинную больную женщину, вам придется расстрелять и меня!

Толпа солдат разделилась. Некоторые кричали:

– Расстрелять ее, да и дело с концом! Что толку спорить?

Другие оказались более человечными.

– Она же не буржуйка, а простая крестьянка, как и мы, – доказывали они. – Да и в политике не разбирается. Может, она и впрямь ехала лечиться. Ее ведь не поймали, она сама пришла. Не надо этого забывать.

На какое-то время место казни превратилось в площадку для митинга. Дебаты разгорелись в более чем странной обстановке: мы, двадцать человек, в исподнем ожидали смерти посреди сотен разбросанных трупов. И из этих двадцати только у меня появился шанс остаться в живых. Остальные девятнадцать мужественно держались без всякой надежды на спасение. Их не могло спасти никакое чудо. Среди русских солдат, вершивших этот страшный суд и только что проявлявших беспощадную жестокость, нашлись такие, в чьих душах зажглась искра человечности, и теперь они организовали обсуждение.

Члены следственной комиссии наконец пришли к общему решению. Они заявили Пугачеву:

– Значит, так. У нас есть приказ главнокомандующего, и он будет выполнен. Мы ее отсюда заберем.

Они окружили меня, приказали выйти из шеренги и увели с места расправы. Пугачев был в дикой ярости, что-то неистово орал, скрежетал зубами. Когда мы уже покидали полк, он прокричал:

– Стрелять по коленям!

Громыхнул залп. Воздух тут же наполнился криками и стонами. Обернувшись, я увидела, как эти дикари бросились к своим жертвам и начали колоть штыками и топтать сапогами тела тех, кто еще несколько минут назад были моими товарищами, выбивая из них последние остатки жизни.

Страшная, невыразимо страшная картина! Стоны и крики пронзали душу, леденили кровь. Я зашаталась и упала на землю, потеряв сознание.

Целых четыре часа я пробыла в бесчувствии. Когда пришла в себя, то обнаружила, что нахожусь в купе пассажирского вагона. Рядом со мной сидел Петрухин. Он держал меня за руки и плакал.

Когда я вспомнила обстоятельства, вызвавшие обморок, перед глазами всплыла фигура Пугачева, и я дала себе клятву, что убью его при первой же возможности, если мне удастся выбраться из большевистской западни.

Потом Петрухин рассказал мне, что Петр так расположил ко мне следственную комиссию, что некоторые солдаты из ее состава согласились идти вместе с ним к Саблину и просить главнокомандующего отправить меня в Москву, а там судить военным трибуналом. Около полусотни солдат почувствовали ко мне симпатию, после того как Петр рассказал им о смелых действиях Яшки в окопах на передовой и на ничейной земле, а также о том, каким уважением я пользовалась у солдат на фронте. Петрухин все время оставался у моей постели, пока я лежала без чувств, но теперь он хотел присоединиться к депутации солдат. Я сердечно поблагодарила его за человечное отношение ко мне и за отчаянные попытки спасти мою жизнь.

Петрухин собрался уже уходить, когда ему донесли, что Пугачев подстрекал нескольких солдат похитить меня у друзей и устроить самосуд. Пятерым самым преданным ему солдатам Петрухин наказал охранять меня и защищать любой ценой.

Я молилась за Петрухина, и он, услыхав это, сказал:

– Теперь я тоже верю в Бога. Появление этого солдата, Петра, поистине знак Божий. Если бы не он, вас бы казнили, несмотря на

все мои усилия помешать этому.

– Неужели и теперь мне никак не спастись? – спросила я.

– Шансы все еще очень малы, – ответил он. – Ваше прошлое против вас. Вы же не станете отрицать, что дружны с Корниловым. Здесь известно и то, что в те дни, когда весь фронт братался, у вас в батальоне сохранялась железная дисциплина и вы продолжали воевать с германцами. Кроме того, смертная казнь для большевиков стала настолько привычным делом, что избежать ее практически невозможно. Вот на днях врач с женой, ехавшие в Кисловодск на воды, каким-то образом попали сюда, в Зверево. Их арестовали, присоединили к группе для расстрела и без всякого следствия расстреляли. А уже после у них в карманах обнаружили бумаги от местного Совета, удостоверявшие, что они действительно больны: врач страдал раком и Совет выдал разрешение пропустить их в Кисловодск.

Петрухин поцеловал мне руку и ушел, предупредив на прощание:

– Ждите здесь, пока я не вернусь. В мое отсутствие никто не причинит вам зла.

Дверь за собой он закрыл на ключ. Я вынула бутылочку со святой водой, которую мне дала моя младшая сестренка Надя, и выпила ее. Стоя на коленях перед маленьким образком, я истово и долго молилась Господу Иисусу Христу и Пресвятой Деве. В это время до моего слуха донесся шум – это галдели несколько злобствовавших солдат, пытавшихся ворваться в вагон и расправиться со мной. С еще большим жаром я стала молиться, прося у Господа сохранить мне жизнь ради матери, отца и маленькой сестры. Сердце было переполнено печалью и отчаянием.

Прижимая к груди маленькую иконку и обливаясь горячими слезами, я вдруг услышала голос, тихий ласковый голос, который сказал:

– Твоя жизнь будет спасена.

Кроме меня, в купе вагона никого не было. Понимаю, что мои откровения могут показаться слишком неправдоподобными. Никого не принуждаю поверить в это. Воспринимайте как угодно. Но я была рада услышать пророческий глас Божий. Он успокаивал и вселял надежду. И неожиданно я почувствовала себя счастливой и спокойной. Я поблагодарила Всевышнего за безграничную доброту и поклялась при первой же возможности отслужить благодарственный молебен в московском храме Христа Спасителя в поминовение о Его чудесном знаке, ниспосланном мне.

После этого я заснула и спала спокойно, пока не пришел

Петрухин. Его лицо сияло улыбкой. Он радостно сжал мою руку и сказал:

– Слава Богу! Слава Богу! Теперь толпа вас не тронет. Саблин приказал отправить вас в Москву. Сейчас готовят необходимые документы.

В этот момент в вагон вошел Петр с несколькими членами следственной комиссии. Все радовались такому исходу дела. Это были такие удивительные минуты! Как же благородный поступок преображает лица людей! Петр и его товарищи поздравили меня, а я была слишком взволнована всем происшедшим, чтобы выразить ту благодарность, которую испытывала к этим людям.

Петрухин рассказал мне потом, как он отделался от тех оголтелых солдат, которые покушались на мою жизнь. Он сообщил им, что меня повезут в Москву в надежде, что там я выдам нескольких контрреволюционных генералов, связанных заговором с Корниловым.

– А потом-то ее расстреляют? – допытывались они.

– Конечно, – уверил их Петрухин.

Они разошлись, удовлетворенные этим объяснением.

Мне не терпелось узнать, что со мной сделают в Москве. Петрухин пояснил, что в моем деле среди документов, которые конвоиры повезут в Москву, главным будет протокол. Этот протокол составил он сам как председатель следственной комиссии. В нем подробно описано, как я, направляясь в Кисловодск, сбилась с пути, случайно оказалась на станции Зверево без всяких средств и сама по доброй воле пришла к властям. В протоколе также отмечалось, что при обыске у меня нашли билет до Кисловодска, приглашение от княжны Татуевой приехать на Кавказ, а также заключение врача о моей болезни. Последнее было, разумеется, выдумкой. К протоколу Петрухин приложил мой билет и письмо из Тифлиса, сделав приписку, что куда-то переложил врачебное заключение и пришлет его позже.

– Вряд ли вас приговорят к смертной казни на основании таких показаний, – сказал он мне. – Думаю, что вас рано или поздно освободят. Но на всякий случай вот вам пилюля с ядом. Я еще тогда приготовил ее для вас на случай, если толпа возьмет верх. Ну, чтобы избежать пыток и мучений, применяемых этими дикарями. Надеюсь, в Москве она вам не понадобится.

Я до сих пор ношу эту пилюлю с собой, куда бы ни шла…

Петрухин дал мне также сорок рублей на расходы, поскольку у меня не осталось ни копейки. Я поблагодарила его и попросила написать письмо моим родным и сообщить, где я нахожусь. Потом мы распрощались. Петрухин и Петр расцеловались со мной, а я снова и снова повторяла, как обязана им, и клялась, что

в любом случае, что бы ни произошло, всегда сделаю для них все, что в моих силах. Мы тогда понимали, что России предстоит еще многое испытать, прежде чем все утрясется и наступит мирная жизнь.

Под конвоем четверых вооруженных красногвардейцев друзья проводили меня к пустому железнодорожному вагону, прицепленному к паровозу. В этом поезде, составленном из товарных вагонов для перевозки скота и одного пассажирского, я приехала в Никитино. Там меня отвели к начальнику станции и вручили ему приказ обеспечить места для проезда нашей группы в обычном пассажирском поезде. Это был тот самый начальник, который так великодушно помог мне добраться до Зверева в поезде, доставлявшем боеприпасы. Конечно, он не признал в Бочкаревой ту самую сестру милосердия.

На платформе произошла еще одна поразительная встреча. По станции быстро разнесся слух о том, что поймали Бочкареву и везут в Москву, и вокруг собралось много красногвардейцев и солдат. Они принялись издеваться надо мной, проклинать и запугивать меня. Среди них оказался тот самый противный грязный тип – старший в группе конвоиров, охранявших поезд, следовавший до Зверева, который предложил мне выйти за него замуж!

Этот дикарь теперь меня не узнал. Он гнусно зубоскалил, уставившись на меня, повторяя мою фамилию медленно, по слогам, с особым удовольствием искажая ее, и вообще поносил меня последними словами.

– Шлюха! Поймали ее все-таки, мерзавку! – неистовствовал он. – Только вот не могу понять, чего они ее не пристрелили прямо там. Чего с ней церемониться!

Я не могла не рассмеяться. Смеялась долго, не желая сдерживаться. Это было так забавно. У меня даже появилось желание открыться ему и рассказать, как я его обманула. Он, верно, и сейчас еще не знает, что Александра Смирнова, чей вымышленный адрес в Кисловодске он, по всей вероятности, до сих пор хранит с любовью, на самом деле Мария Бочкарева!

Целых три дня я под конвоем добиралась из Никитина до Москвы. Со мной обходились учтиво, но все же как с арестованной. Конвоиры добывали на станциях провизию, а по прибытии в Москву отвезли на автомобиле в солдатскую секцию Московского Совета, передали меня и все мои документы какому-то штатскому и удалились.

– Ну что, вы шли от Корнилова? – грубо спросил меня этот чиновник.

– Нет, я направлялась в Кисловодск для лечения, – ответила

я.

– Ну да, знаем мы это лечение! А где же ваши погоны? Почему сняли их?

– Потому что я простая крестьянка. Я мужественно защищала свою страну целых три года и ни в чем не виновата.

– Хорошо, мы разберемся в этом позже, – прервал он меня и приказал отвести в тюрьму.

Меня заперли в маленькой камере, где уже сидело около двадцати пленников – офицеров и гражданских. Все они были арестованы по доносу агентов за агитацию против большевистского режима. Прекрасный образец воскрешения наихудших традиций царизма!

Заключенные содержались в ужасных условиях. В камере не было параши, выходить не разрешалось. Я задыхалась от зловония. Мужчины не переставая курили. Арестованным не полагались даже короткие ежедневные прогулки, которые считались обязательными в тюрьмах при старом режиме.

Вероятно, для того чтобы вырвать у меня признание, большевики прибегли к одной из новых пыток, никогда не практиковавшейся в царских тюрьмах, – не давали есть! В течение трех дней я не получала даже того скудного рациона, который выдавали остальным заключенным. Сидевшие в камере заключенные были очень добры ко мне, но той порции еды, которую они получали, едва хватало, чтобы поддержать их собственные жизни. И вот три дня и три ночи я лежала на нарах среди месива тел заключенных, задыхаясь от смрада, умирая от голода и жажды, так как мне даже воды не давали.

За эти три дня комендант тюрьмы, матрос, наведывался по нескольку раз в день в нашу камеру и донимал меня своими разговорами.

– Что вы собираетесь сделать со мной? – спросила я.

– Как – что? Тебя расстреляют! – ответил он.

– За что?

– Ха-ха! Потому что ты подружка Корнилова.

Бывали минуты, когда я, сжимая в дрожащей руке ту самую пилюлю с ядом, которую дал Петрухин, ожидала, что вот-вот откроется дверь и меня поведут на расстрел.

Вскоре освободили одного из офицеров, который был арестован за то, что в пьяном виде ругал большевиков. Перед уходом друзья передали ему письма к родным. Я подумала о семье Васильевых. Осенью 1916 года они забрали меня из госпиталя к себе домой и были так добры ко мне. Поэтому я попросила этого офицера навестить их и рассказать о моем незавидном положении. Он выполнил поручение. В письме к

Васильевым я сообщила, что ожидаю казни и прошу их помощи.

Письмо мое потрясло Дарью Максимовну. Она тут же попыталась получить разрешение повидать меня. Но когда обратилась в солдатскую секцию Московского Совета за пропуском на свидание с Бочкаревой, ее тут же объявили корниловкой. И трудно сказать, чем бы это все кончилось, если бы ее сын Степан, тот самый парень, служивший в моей роте, благодаря которому и завязалась дружба между мной и его матерью, не оказался одним из большевистских начальников. Дарья Максимовна стала кричать, что она мать Степана Васильева, руководителя такого-то учреждения, и тогда послали за Степаном, чтобы удостоверить ее личность.

Это спасло ее от сурового наказания. Дарья Максимовна попросила сына вмешаться и защитить меня, но он отказался, заявив, что не может помогать человеку, связанному дружбой с Корниловым. Тем не менее он выхлопотал для матери пропуск на свидание со мной. В дальнейшем он внял ее мольбам и замолвил за меня слово, объяснив вышестоящему начальству, что я на самом деле лишь простая крестьянка, ничего не понимающая в политике.

На четвертый день пребывания в тюрьме я получила четверть фунта хлеба, немного чая и два кусочка сахара. Хлеб был очень черным, с примесью соломы, и совершенно несъедобным. Я не смогла даже взять его в рот и довольствовалась тремя кружками чая. Позднее в камеру вошел какой-то матрос и, именуя меня «товарищем», сообщил, что в комнате для свиданий меня ждет некая Васильева. Я была настолько слаба, что не могла сделать и нескольких шагов без чьей-либо помощи. Едва встала и сделала один шаг, как силы покинули меня, и я повалилась на нары.

– Ты что, больна? – спросил матрос.

– Да, – пробормотала я.

Тогда он взял меня под руку, проводил в комнату для свиданий и посадил на стул. После этой совсем маленькой «прогулки» я вспотела от слабости, голова кружилась и все плыло перед глазами. Когда Дарья Максимовна увидела меня, то бросилась мне на шею и заплакала. Повернувшись к сидевшим там служащим, она с горечью воскликнула:

– Как же посмели арестовать и истязать такую женщину! Она была так добра к солдатам, ей пришлось так много испытать ради ваших же братьев!

Потом Дарья Максимовна развернула пакет, вынула из него немного хлеба и масла и отдала мне.

– Вот, Манечка, здесь четверть фунта хлеба. Мы сегодня получили три восьмых фунта, а вот четвертушка масла… Вся

наша норма.

Я была бесконечно благодарна этой милой женщине и ее детям, которые ради меня отказались от своего дневного пайка. Хлеб оказался хорошим. Дарья Максимовна рассказала, как теперь трудно прокормить всю семью, поскольку даже этот скудный паек не всегда удавалось получить.

Я поведала ей о своих бедах и о том, что меня, видимо, ждет суровый приговор, просила написать моей матери, если расстреляют.

В этом ужасном каземате я провела целых две недели, прежде чем меня вызвали в трибунал. Когда под конвоем вели по Тверской, главной улице Москвы, прохожие узнавали меня. Трибунал заседал в Кремле.

Я прождала там уже часа два, когда, к моему удивлению, появился вдруг Степан Васильев. Он подошел ко мне.

– Маруся, как же ты влипла в это дело? – спросил он, пожав мне руку и предложив сесть.

Я пересказала ему историю о поездке в Кисловодск на лечение.

– Но каким же образом ты добралась до Зверева? – поинтересовался он.

– У меня был билет до Кисловодска. Я не знала, что Зверево – закрытая зона. Думала, раз мне продали билет, значит, можно ехать обычным путем, – убежденно рассказывала я.

– Я вчера потратил несколько часов, просматривая документы в твоем деле, но так и не смог понять, каким образом ты попала в Зверево, – сказал Степан. – Может, ты и правда ездила на встречу с Корниловым?

– Я не отрицаю своей дружбы с Корниловым, – подтвердила я, от души радуясь, что Степан добился высокого положения при новой власти. – Но ты же знаешь, что я малограмотная и в политике не разбираюсь, да и ни в какой партии не состою. Я воевала на фронте за Россию, и меня интересует только судьба матушки-России. Все русские – мои братья.

Степан ответил, что знает о моем полнейшем непонимании политических вопросов. Потом он ушел доложить обстоятельства дела трибуналу, а немного погодя вызвали туда и меня. Там за длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидели шесть рядовых солдат, все молодые, каждому из них не более тридцати лет. Стол стоял посреди большущего зала, богато отделанного и украшенного. Мне предложили сесть и рассказать свою историю, и в особенности то, как я попала в Зверево.

Я поднялась со стула, чтобы начать свою байку, но меня очень вежливо попросили не вставать. Тогда я рассказала, что на

фронте была ранена в спину и до сих пор ношу в себе осколок снаряда, а потому нуждаюсь в операции, а также о консультации в Петрограде у врача, который посоветовал мне поехать на воды в Кисловодск. Я призналась, что слышала о боях между Корниловым и большевиками под Новочеркасском, но не имела представления о том, что такое гражданская война, и никогда не думала, что в подобной войне может быть какая-то линия фронта. Поэтому доехала до Никитина, где начальник станции направил меня дальше, в Зверево. Разумеется, я не упомянула о том, что он отправил в Зверево не Бочкареву, а сестру милосердия Смирнову. В заключение я заявила, что, как только приехала в Зверево, сразу поняла, что оказалась в сложной ситуации, и сама сдалась местным властям.

Мне сказали, что для окончательного выяснения обстоятельств моего дела и принятия решения потребуется неделя. Вместо Бутырок, где я отбывала последние две недели, меня отправили на военную гауптвахту, напротив солдатской секции Московского Совета. Там, как правило, содержались пьяные матросы и красногвардейцы. Я очутилась в длинной узкой комнате с широкими окнами в решетках, где находилось около десятка задержанных.

– Ба! Смотрите, кто к нам пожаловал! Сама Бочкарева! – услышала я, когда переступила порог комнаты.

А дальше посыпались оскорбления и насмешки, к которым я отнеслась спокойно. Мне хотелось только уединиться и отдохнуть где-нибудь в уголке, но не тут-то было. Здесь собралось большевистское отребье – настоящие выродки и бывшие уголовники. Я стала объектом для постоянных нападок с их стороны. Они издевались надо мной денно и нощно и таким образом развлекались. Если я ложилась, пытаясь заснуть, тут же кто-то из них пристраивался рядом. Когда ела и пила, эти дикари собирались вокруг, осыпали оскорблениями и отпускали скабрезные шутки. Мои слезы на них не действовали. Днями и ночами я вынуждена была бодрствовать. Иногда не выдерживала, бросалась и кусала того, кто нахально приставал ко мне. Я просила надзирателей перевести меня в одиночную камеру.

– Пусть это будет холодная, сырая дыра. Можете не давать мне никакой еды. Но избавьте от этих пьяных скотов! – умоляла я.

– Тебя скоро заберут… чтобы расстрелять! – отвечали надзиратели, поддразнивая меня, к радости и веселью моих мучителей.

Миновала обещанная неделя, но никакого решения по моему делу все еще принято не было. Медленно текли дни – долгие,

мучительные, доводившие до исступления. Но больше всего я страдала оттого, что мне не давали спать. От этой пытки я дошла до такого состояния, что оказалась на грани помешательства. Две с половиной недели я прожила в этом аду, семнадцать суток без сна!

И вот однажды утром надзиратель, который очень любил истязать меня ежедневными рассказами о том, что со мной сделают, какие ужасы меня ждут впереди, вошел в камеру с бумагами в руке.

– Бочкарева! – крикнул он. – Ты свободна. – И открыл дверь передо мной.

Я так удивилась, что сначала не поверила. Решила, что это очередная издевка.

– Свободна? – переспросила я. – Почему?

Приученная к россказням этого надзирателя о грозившей мне жестокой расправе, я не могла теперь поверить ему.

– Меня отпускают насовсем? – уточнила я.

– Да, насовсем, – последовал ответ. – Пойдешь с конвойным в солдатскую секцию, там получишь нужные бумаги.

Со вздохом облегчения распрощалась я с этой камерой ужасов и немедленно отправилась за документами. В бумаге, которую выдали, говорилось, что я была арестована, но по предъявленному обвинению оправдана. С учетом состояния моего здоровья мне предоставлялось право на полную свободу передвижения по стране. С таким вот документом в кармане меня выпустили на свободу.

Глава двадцатая. С обращением от народа

Единственными людьми, к кому я могла пойти в Москве, были Васильевы. Они жили в пригороде. Я попыталась добраться до них пешком, но сил хватило лишь на два квартала. Стоявший у тротуара извозчик запросил двадцать пять рублей. Я попробовала торговаться, предложив пятнадцать, но он и слушать не хотел. Хотя денег у меня не было, я все-таки наняла этого извозчика в надежде, что Дарья Максимовна за меня заплатит. Иначе пришлось бы оставаться на улице.

Мадам Васильева встретила меня как родную дочь. Она была вне себя от радости, узнав о моем освобождении. Я же чувствовала себя настолько изнуренной и измученной, что даже не могла по-настоящему радоваться своему чудесному избавлению от страданий и смерти. Меня накормили, и Дарья Максимовна приготовила ванну. Я не меняла нижнее белье в течение нескольких недель и была грязнее, чем когда сидела в окопах на передовой. От обилия вшей кожа на теле сильно расчесана. Ванна в тот момент представлялась мне даже большим благом, чем само освобождение. Еще более отрадной показалась возможность выспаться. Вряд ли когда-либо в жизни я спала более сладким сном.

Оставаться надолго гостьей в Москве в те дни начала марта 1918 года было неудобно. Степан жил отдельно от родителей, поскольку серьезно расходился с ними в оценке политической ситуации. Семья состояла тогда из Дарьи Максимовны, ее мужа и их младшего сына. Дочь Тонечка была замужем и жила отдельно. Трое Васильевых получали в день один фунт и восьмушку хлеба! Недельная норма мяса составляла полтора фунта. Поэтому я быстро сообразила, какой обузой стану для семьи. Но я никак не могла решить, куда идти и что делать. Васильевы предложили купить билет домой, но тот документ, что мне выдали в солдатской секции, сам по себе заменял билет.

Я вспомнила, что некоторых из девушек, покалеченных на фронте, отправили в Москву и поселили в доме инвалидов. Захотелось повидать их, и я пешком отправилась на поиски. Добравшись до дома инвалидов, я заметила на улице перед зданием толпу, состоявшую в основном из солдат, которые с возмущением что-то обсуждали. Подойдя ближе, увидела увечных солдат, валявшихся на земле у фасада дома. Некоторые из них были без ног, другие – без рук.

Мне объяснили, что большевистские власти выкинули сотни солдат-калек на улицу. Многие из них, включая и моих девушек,

уже покинули дом инвалидов: некоторые разбрелись по городу, прося милостыню, других подобрали сердобольные люди и общества призрения. Однако значительная часть калек еще оставалась здесь: они плакали, проклинали Ленина и Троцкого и просили у прохожих дать им пищу и приют. От этой душераздирающей картины у меня защемило сердце. Распоряжение было настолько жестоким и бессердечным, что у меня кровь кипела от негодования. Подобные методы принуждения и насилия новые власти распространяли, очевидно, во имя сохранения режима насилия. И этот акт произвола никак не мог оправдать заявление правительства, что здание потребовалось для каких-то других целей.

Толпа насчитывала сотни две солдат, и я остановилась послушать ораторов. Они собрались, привлеченные жалобными криками и стонами изгнанных из дома инвалидов. То, что рассказывали солдаты, было для меня просто откровением. В их сердцах накопилась ненависть к режиму Ленина и Троцкого. Я провела там несколько часов, переходя от одной группы солдат к другой, время от времени включаясь в дискуссию.

– Вот видите, что́ вы сами же натворили. Вы зверски калечили и убивали своих офицеров. Отступились от Бога и стали рушить церкви. Вот вам и результат, – примерно так говорила я солдатам, и они отвечали мне:

– Мы думали, что, когда сбросим офицеров и богатеев, получим вдоволь хлеба и земли. Но теперь фабрики и заводы стоят и нет работы. Красногвардейцы, бо́льшая часть которых – это пьяницы и уголовники, устраивают настоящий террор. А если среди них и оказывается какой честный солдат, то он идет туда, чтобы избежать нищеты и голодной смерти. Когда же мы требуем справедливого суда и честного разбирательства, нас эти красные палачи расстреливают. А тем временем германцы продвигаются по России, и никого не посылают воевать с ними, с нашими истинными врагами.

Услышав эти слова, я перекрестилась, поблагодарив Господа за глубокие перемены в умонастроениях народа.

Толпа шумела, бурлила и становилась настолько неуправляемой, что были оповещены власти. Они прислали отряд красногвардейцев для разгона собравшихся. Солдаты прибыли внезапно и залпами в воздух рассеяли толпу. Группа из десяти солдат вместе со мной бросилась в соседний двор и продолжила разговор за воротами.

– Видите, чего вы добились?! Будь у вас оружие, вы, наверно, не допустили бы, чтобы с вами так обращались. Они заставили вас сдать оружие, а теперь притесняют и издеваются над вами

больше, чем при царе. Вы когда-нибудь слышали, чтобы при старом режиме выбрасывали на улицу инвалидов? – спрашивала я.

– Конечно, нас предали. Теперь это ясно. Германцы забирают весь наш хлеб, захватывают нашу землю и разрушают нашу страну, требуют себе весь капитал и все богатства нашей страны. Нас предали, – соглашались некоторые солдаты.

– Ну вот, вы и начинаете прозревать!

– Да-да, теперь все ясно, – заявил один из солдат. – Месяц назад я бы с тобой и говорить не стал. Я тогда был председателем местного Совета. Но теперь понимаю, что все это значит. Нас арестовывают, обыскивают, грабят, терроризируют наемники Красной гвардии. Я бы сейчас и сам застрелил Ленина и Троцкого за такое жестокое издевательство над инвалидами. Месяц назад я был дураком, но теперь вижу, что ошибался, не веря вам и другим противникам большевиков. Такие, как вы, не враги народа, а его друзья.

В компании нескольких солдат я ушла оттуда. Один из них сообщил, что видел девушку из моего батальона. Ее выбросили из дома инвалидов, и она просила подаяния. Сердце заныло от этой мысли, но я и сама оказалась без всяких средств к существованию. Что я могла бы сделать для нее? Мы подошли к храму Христа Спасителя, и я вспомнила о своей клятве отслужить молебен в ознаменование моего чудесного избавления от смерти.

Я распрощалась с попутчиками и вошла в храм. Там было около пятисот или шестисот человек. Кажется, как раз в тот самый день обнародовали декрет об отделении церкви от государства. И все благочестивые прихожане пришли сюда, дабы получить причастие.

Я подошла к ризнице и, обратившись к дьякону, рассказала ему о том чуде, которое было ниспослано мне, и о той клятве, которую я дала Господу. Не устыдилась при этом упомянуть, что не имею за душой ни гроша и не могу уплатить за службу. По завершении обряда причастия священник объявил:

– Только что сюда пришла добрая христианка, много страдавшая за наше Отечество. Имя этой женщины широко известно в стране. Чудо спасло ее в самый отчаянный момент перед казнью. Господь услышал ее молитвы и послал ей во избавление старого друга, которому она спасла однажды жизнь. Казнь отложили. Она снова молилась Господу и услыхала глас Божий и пророческие слова о том, что жизнь ее будет спасена. Она поклялась тогда отслужить молебен в этом храме в случае, если ее выпустят на свободу. Господь милостиво даровал ей свободу, и теперь она здесь, чтобы исполнить свой обет.

Священник тут же попросил дьякона подвести меня к алтарю. Когда я подошла туда, раздались приглушенные восклицания прихожан:

– Господи! Да ведь это же Бочкарева!

Были зажжены свечи, и в течение пятнадцати минут читались благодарственные молитвы Господу, возвеличивающие и славящие имя Его.

Я возвращалась к Васильевым на трамвае. В вагоне было много солдат. Их разговоры утешали и вселяли надежду.

– Хороши наши дела, нечего сказать. Германцы подходят все ближе и ближе, а здесь хватают и расстреливают людей! – рассуждали солдаты. – Почему же они своих красногвардейцев не посылают, чтобы сдержать неприятеля? Выходит, нас продали германцам?

Второй раз за этот день я неожиданно встретилась со здравомыслящими солдатами и к Дарье Максимовне приехала в приподнятом настроении. Пробуждение русского солдата началось!

Прежде чем отправиться в ту ставшую для меня роковой поездку с поручением, я оставила в Петрограде все свои боевые награды – медали и кресты. Теперь, заняв немного денег у мадам Васильевой, я поехала за ними в Петроград. Вагон поезда до отказа заполнили солдаты – набралось человек полтораста. Но эти солдаты уже не были теми головорезами, подстрекателями и жаждущими мести негодяями, как два месяца назад. Они уже никому не угрожали, ничем не хвастались. Вновь начинала проявляться свойственная им душевная доброта.

– Госпожа Бочкарева, присаживайтесь сюда, пожалуйста! – пригласили они, освободив для меня место.

– Спасибо вам, товарищи, – ответила я.

– Ну нет, не называйте нас больше товарищами. Это оскорбительно теперь. Товарищи-то драпают с фронта, а германцы угрожают Москве, – заметил кто-то из них.

Я чувствовала, что нахожусь среди друзей. Именно за это чувство братского единения и полюбила я всем сердцем русского солдата. Нет, не товарищество, столь громко провозглашаемое большевистскими агитаторами в манифестах и прокламациях, а святое солдатское братство сделало три года пребывания в окопах самыми счастливыми в моей жизни. Прежний дух солдатского братства снова витал в воздухе и объединял нас.

Но все выглядело слишком хорошо, чтобы быть реальностью. После кошмара революции и террора это воспринималось как сон. Солдаты на самом деле проклинали большевизм, поносили

Ленина и Троцкого!

– Что же произошло? – спрашивала я. – Почему теперь вы так здраво обо всем толкуете?

– Да потому, что германцы идут на Москву, а Ленин и Троцкий не хотят и пальцем пошевелить, – был ответ. – Тут один солдат убежал из Киева и прислал телеграмму, что германцы хватают русских и угоняют в Германию, чтобы помогать немцам воевать против союзников России. Ленин и Троцкий говорили нам, что союзники России – наши враги. А теперь мы видим, что они наши друзья.

Другой солдат, побывавший дома в отпуску, рассказывал, как отряд вооруженных красногвардейцев совершил налет на его деревню средь бела дня и отнял у крестьян весь имевшийся у них хлеб, добытый по́том и кровью, и теперь они умирают от голода.

– Люди везде голодают, – заметил один солдат, – и потому идут в Красную гвардию. Там они по крайности получают еду и оружие, чтобы грабить людей. Вот и получается: чтобы уцелеть, надо вступать в Красную гвардию.

– Но почему же вы ничего не предпринимаете? – спросила я. – Повсюду люди возмущаются, но ничего не делают, чтобы освободиться от этого ярма.

– Мы не раз требовали отставки Ленина и Троцкого. И на многих выборах против них голосовало подавляющее большинство народа. Но они опираются на Красную гвардию и остаются у власти вопреки воле народа. Крестьяне почти все до одного против них.

– Тем более вы должны действовать, – сказала я. – Надо же ведь что-то делать!

– А что? Скажи нам, что? – заинтересовались некоторые солдаты.

– Да хотя бы, например, собраться всем вместе и восстановить фронт! – предложила я.

– Мы бы не прочь, но у нас нет никого, кому можно было бы доверить командование. Все добрые люди воюют друг с другом, – возражали они. – Кроме того, понадобится оружие и еда.

– Но вы только что сказали, что союзники – наши друзья. Представьте себе, что мы попросим их прислать вооружение и провизию, а также помочь реорганизовать фронт. Будете ли вы тогда готовы снова воевать против германцев? – спрашивала я.

– Да, – отвечали одни, – будем.

– Нет, – говорили другие. – А что, коли союзнички придут в Россию и обманут нас, как германцы, а?

– Ну что ж, вам придется тогда выбрать своего представителя для переговоров с союзниками и договориться с ними, что мы

будем воевать, пока не разгромим врага и не положим конец войне, – предложила я.

– Но кого же выбрать главным? – наседали солдаты. – Все наши начальники разделились и враждуют. Некоторых считают монархистами. Про других говорят, что они эксплуатируют трудовой люд. А есть еще и такие, которых объявили германскими агентами. Где найти человека, который не принадлежал бы ни к одной из партий?

– А что, если бы я взяла на себя командование и стала вашим вожаком? – осмелилась я спросить. – Вы пошли бы за мной?

– Да! Да! – закричали они. – Мы можем тебе доверять. Ты сама крестьянка. Но что бы ты могла сделать?

– Что бы я сделала? Вы видите, что эти мерзавцы разрушают Россию. Германцы же захватывают все, что можно прибрать к рукам. Я бы попыталась восстановить фронт!

– Но как? – любопытствовали они.

И тут впервые у меня возникла мысль отправиться за помощью в Америку. Мы уже все знали, что Америка теперь стала одним из союзников России.

– А что, если я поеду в Америку просить помощи для нас? – предложила я.

Солдаты разразились хохотом. Америка так далеко от России и так чужда русскому крестьянину. Солдатам мое предложение показалось нереальным, невыполнимым. Правда, возражение у них было только одно.

– А как же ты туда доберешься? Ведь большевики и красногвардейцы тебя из России не выпустят, – говорили они.

– Ну, а если все же доберусь туда и до других союзников тоже, – настаивала я, – а потом вернусь с армией и снаряжением, вы тогда присоединитесь ко мне и приведете с собой всех своих товарищей?

– Само собой, присоединимся! Еще бы! Ты ведь неподкупная! Ты наша! – кричали они.

– В таком случае еду в Америку! – твердо заявила я, тут же решив непременно ехать.

Солдаты никак не хотели мне поверить. Когда мы прибыли в Петроград и я душевно распрощалась с ними, провожаемая добрыми напутствиями, то не забыла наказать им, чтобы они исполнили свое обещание, когда услышат о моем возвращении из чужих стран с войсками.

В Петрограде я пробыла всего лишь несколько часов и не пошла к генералу Х. Забрав свои боевые награды у приятельницы, я повидала только немногих из своих знакомых и рассказала им о серьезном повороте в настроениях солдат. Все они радовались.

– Слава Тебе, Господи! – восклицали они. – Уж если солдаты начинают прозревать, значит, Россия будет все же спасена.

После обеда я села в поезд, отправлявшийся в Москву. Как обычно, большую часть пассажиров составляли солдаты. Я внимательно слушала их разговоры и споры, но на сей раз предпочла не вмешиваться, потому что среди них было много большевиков, а мне не хотелось до времени раскрывать свои планы. Слышала, как многие ругали Ленина и Троцкого и все выражали готовность идти на фронт сражаться с германцами. Один парень вдруг спросил:

– А как вы станете воевать с ними без командования и без организации?

– Эх, вот в том-то и беда, – ответило сразу несколько голосов. – Нет у нас командиров. Если бы кто нашелся и повел нас, мы большевиков этих сразу бы к ногтю – и вышвырнули бы германцев из России.

Я промолчала, но слова эти запомнила хорошо. Люди интуитивно тянулись к свету. Это еще больше укрепило мое решение ехать к союзникам и просить у них помощи для России. Но нужно было еще придумать, как выбраться из страны. И тут в голову пришла счастливая мысль: первым пунктом назначения будет дом моей уважаемой подруги госпожи Эмелин Панкхерст в Лондоне.

По прибытии в Москву я объявила Васильевым о своем намерении ехать в Лондон. Мне объяснили, что единственно возможный путь туда из России лежит через Владивосток и что, прежде чем попасть в Англию, придется пересечь всю Америку. А это было как раз то, что мне нужно.

Перед тем как начать готовиться к отъезду, я решила навестить девчат из батальона и посетить клинику, куда, как мне сообщили, поместили моих несчастных маленьких солдатиков. По указанному адресу добралась до этой клиники, но она оказалась закрытой. Мне посоветовали обратиться к профессору. Разыскав его, я узнала, что те девушки, у которых ранения были не очень серьезными, разъехались по домам. В клинике осталось около тридцати девушек-инвалидов. Пятеро из них после контузии страдали психическими заболеваниями – либо истерическими припадками, либо полной потерей рассудка; у других были различные нервные расстройства. Профессор приложил немало усилий, чтобы поместить их в Дом инвалидов, но едва они поселились там, как здание было реквизировано большевиками, и всех его обитателей выдворили на улицу. Некая богатая женщина, по имени Вера Михайловна, подобрала их и приютила у себя в доме, но буквально перед моим визитом в клинику она позвонила

профессору и сообщила, что большевики реквизировали ее дом и теперь она не знает, как быть с девушками. В итоге профессор предложил мне пойти вместе с ним к Вере Михайловне.

С тяжелым сердцем переступила я порог большого дома, в котором пребывали мои несчастные девчата, с минуты на минуту ожидая, что их лишат приюта. Мое появление там оказалось для них полной неожиданностью. С горестным чувством переступила я порог их комнаты. Состоялась далеко не веселая встреча друзей. У меня не было никаких средств, чтобы помочь им, никакой власти, никаких влиятельных друзей.

– Начальник! Начальник! – радостно галдели женщины, повиснув у меня на шее, целуя и обнимая меня.

– Пришел наш начальник! Она спасет нас! Достанет денег, хлеба! У нас будет дом!

Они плясали и прыгали вокруг меня, ликуя от радости, а моя душа разрывалась от жалости и сострадания к ним.

– Девочки, милые мои! – сразу же попыталась я охладить их пыл. – Я сама нищая и голодная. Не ждите от меня сейчас никакой помощи.

– Ничего! Вы знаете, как достать все! – отвечали они мне с полной уверенностью. – Вы поведете нас сражаться с большевиками, так же как мы сражались с германцами!

Вера Михайловна, профессор и я решили обсудить создавшееся положение. Вера Михайловна предлагала мне взять девушек с собой в деревню. Я поначалу отвергла эту затею, во-первых, потому, что не думала долго задерживаться в Тутальской, а хотела ехать дальше до Владивостока, а во-вторых, по причине отсутствия денег.

При сложившихся обстоятельствах, настаивала Вера Михайловна, вывезти их из Москвы было бы самым мудрым решением. Она рассказала, что большевистские солдаты уже сманили нескольких девушек и очень дурно с ними обошлись. Если оставить девушек в Москве, предупреждала Вера Михайловна, результат будет для них самый печальный. Она обещала достать для них билеты до моей станции и предложила наличными тысячу рублей. В конце концов я согласилась взять с собой моих инвалидок, надеясь, что удастся собрать в Америке сумму, которая позволит обеспечить им достаток и спокойную жизнь.

Я твердо решила ехать в Америку, однако средств не имела никаких. Поскольку конечной целью моей поездки должен был стать Лондон, я подумала, что найду поддержку у британского консула в Москве. С помощью Васильевых узнала о местонахождении консульства и отправилась по указанному

адресу. Там собралось много людей, желавших попасть на прием к консулу. Мне сообщили, что он не принимает. Вышел секретарь консула и спросил меня о цели визита. Я представилась, рассказала о своем затруднительном положении и о решении поехать в Лондон, навестить госпожу Панкхерст, а также попросила оказать помощь в этом вопросе, сославшись на то, что воевала и многим пожертвовала ради России и ее союзников. Он доложил обо мне консулу, и тот принял меня почти незамедлительно.

Консул был очень вежлив. Он встретил меня с улыбкой и сердечно пожал руку, сказав, что читал в газетах о моем аресте в Звереве, и осведомился, чем мог бы посодействовать мне. Я показала ему документ от Совета, но не открыла, что ездила с поручением к Корнилову.

– Господин консул, – качала я, – как вы понимаете, эта бумага дает мне право на свободу передвижения. Хочу этим воспользоваться и поехать в Лондон, навестить мою подругу госпожу Панкхерст. Но у меня совершенно нет денег. И я пришла просить вас отправить меня в Англию как солдата, сражавшегося за общее дело союзников. Если Россия очнется от спячки, я с удовольствием и готовностью продолжу ратную службу во имя победы.

Консул объяснил, что большевики не разрешают пользоваться счетами консульства в банках, но, учитывая ситуацию, он обеспечит меня деньгами на дорожные расходы. Что же касается поездки в Лондон, то, как ему представляется, это сопряжено с огромными трудностями даже для его соотечественников, не говоря уже о русских.

Но я не хотела менять свое решение и продолжала настойчиво просить его отправить меня в Англию. Он пообещал как следует обдумать этот вопрос и дать окончательный ответ тем же вечером. Потом консул пригласил меня поужинать с ним в восемь часов вечера.

За ужином консул сообщил, что уже протелеграфировал в британское консульство во Владивостоке о моем намерении ехать в Лондон через Америку и попросил оказать мне возможное содействие. Я рассказала консулу о своем знакомстве с госпожой Панкхерст, но утаила истинную цель поездки, поскольку боялась, что он не захочет портить отношения с большевиками, оказывая поддержку Бочкаревой. Консул дал мне пятьсот рублей, и я решила уехать немедленно. Транссибирский экспресс отправлялся той же ночью, и у меня оставалось лишь несколько часов, чтобы собрать и отправить девчонок на вокзал, а самой попрощаться с Васильевыми.

Первая остановка планировалась на станции Тутальская. Меня тревожило, как отнесутся ко мне и моим спутницам солдаты, составлявшие, вероятно, три четверти всех пассажиров поезда. Однако и тут было заметно явное изменение в умонастроениях солдат. Пассажиры вполне здраво обсуждали последние события. В поезде ехало много офицеров, но над ними уже не издевались. Солдаты были настроены дружелюбно и к ним, и к нам. Все говорили только об одном – о продвижении германцев в глубь страны. Ленина и Троцкого ругали и называли деспотами еще более жестокими, чем царь. Было много беженцев из только что захваченных неприятелем губерний, и их рассказы о пережитом усиливали мятежный дух солдат.

– Нам обещали хлеб и землю. А теперь германцы отнимают и то и другое.

– Мы хотели покончить с войной, но Ленин вовлек нас в еще худшую беду, чем раньше.

– Мы ходили в большевистские комитеты и жаловались, что голодаем, а нам советовали записываться в Красную гвардию.

– Работу найти просто невозможно: все фабрики и заводы или закрыты, или разрушены.

Подобные суждения слышались со всех сторон. И все они были пронизаны возросшей ненавистью к врагу. А у меня не оставалось сомнений в том, что солдаты готовы идти сражаться с германцами, если армию возглавят надежные командиры, дадут им оружие и будут кормить.

В Челябинске поезд простоял несколько часов. Там были расквартированы два полка, а в нашем экспрессе ехало несколько сотен солдат. Быстро организовали митинг недалеко от вокзала, почти у того самого места, где меня три месяца назад выкинули из поезда. Но как же изменилось настроение масс за это время! В митинге участвовало несколько тысяч человек. Один из беженцев обратился к собравшимся с волнующим, острым словом:

– У каждого из нас, граждан России, есть в жизни нечто святое, что поставлено сейчас на карту. Мы все пошли защищать свою Родину. Мы жертвовали собой. Три года я сражался на этой войне. Потом меня отпустили домой. Но оказалось, что мой дом захватили германцы. Мне некуда было возвращаться. Я потерял близких – родителей, жену, сестер! И что я теперь получаю за все свои жертвы? Свободу!

Я приехал в Петроград. Целых три дня ходил там голодный. Да разве я один?.. Там было много других солдат, которых постигла та же участь. Нам не дали даже хлеба. Что же мы получаем на пропитание? Свободу!

Я пошел повидать главу правительства в Петрограде. Но меня

к нему так и не пустили. Избили до полусмерти и вышвырнули из здания. Это что? Свобода!

Германцы захватывают все, что могут, а в то же время растет численность Красной гвардии. Для чего? Воевать с германцами? Нет, с так называемой буржуазией! Но разве ж они не наши собратья? Разве ж мы с ними не одной крови? Во имя чего нас призывают топить в крови свой народ, в то время как германцы грабят нашу страну? Во имя свободы!

Нашу страну отдали на поругание и разграбление, а нам велят убивать умных и образованных сограждан. Это ж разве свобода?

Я слыхал, что в Москве тысячу инвалидов войны выбросили на улицу. Это такие же солдаты, как вы и я, только изувеченные и ни на что уже не пригодные. Почему их вышвырнули на улицу? Ради свободы!

Речь простого солдата нас глубоко взволновала. Никто из митингующих не возражал. Все люди сердцем чувствовали, что свобода, которую они получили, вовсе не та свобода, о которой мечтали. Мы хотели мира, всеобщего счастья, братства, а не гражданской войны, иностранной интервенции, раздоров, голода и болезней.

Выступил другой оратор:

– Товарищ прав. Нас обманули и опозорили. Мы ходим голодные, и никому до этого нет дела. Но как же выйти из этой постыдной ситуации? Мы должны свергнуть нынешних правителей и восстановить фронт. На территорию Сибири уже посягают японцы, а германцы оккупируют Россию. И все это потому, что наш народ разделен. Мы окажемся под ярмом какого-нибудь иностранца, если не объединимся. Мы враждовали с нашими офицерами, ругали их, но что мы сможем сделать без офицеров? Предположим, мы замирились бы с офицерами, но где взять оружие, чтобы свергнуть нынешних правителей, которые окружили себя бандами красногвардейцев?

На какое-то мгновение митингующие замолкли. То было молчание единомышленников. Все вдруг с особой остротой почувствовали, что желанная свобода обернулась тяжелыми оковами.

Несколько человек попытались возражать, осуждая оратора и даже угрожая ему. Но их тут же схватили и взяли под арест. Спокойствие было восстановлено.

– Позвольте мне ответить на вопрос! – прокричала я председателю со своего места.

– Бочкарева! Это Бочкарева! – прокатилось по толпе. Меня подняли и понесли к трибуне на руках.

– Мне доставляет большое удовольствие говорить сейчас с вами, – начала я. – Хотя несколько недель назад вы разорвали бы меня на части.

– Да! Верно! Мы убили многих! – вторили мне голоса. – Но нам говорили, что офицеры хотят превратить нас в бесправную массу. Вот почему мы их убивали. А теперь видно, что наши истинные враги не офицеры, а германцы.

– Прежде чем я отвечу на вопрос предыдущего оратора, позвольте узнать: как вы относитесь к союзникам? – спросила я.

– Америке, Англии и Франции мы доверяем. Они наши друзья. Это свободные страны. Но мы не доверяем Японии. Японцы хотят захватить Сибирь, – послышались возгласы со всех сторон.

Тут попросил слова один из солдат.

– Я вот не могу понять, почему наши союзники не поддерживают нас, – начал он. – Никто из них пока еще не пришел к нам на помощь, в то время как германцы захватывают все больше и больше наших земель. Представители союзников бегут из России, а те, кто остался, слушают только подручных Ленина и Троцкого. К страданиям народа они глухи. В Москве я видел служащего из Совета, который сопровождал англичанина до поезда. Мне хотелось есть. Таких, как я, на вокзале были сотни. У нас загорелись сердца. Мы хотели передать англичанину послание, но он к нам даже не повернулся. Зато сердечно попрощался с представителем большевиков.

– А что, если мы обратимся к союзникам – Америке, Англии, Франции – с просьбой дать нам хлеб, оружие и деньги для восстановления фронта? – возвратилась я к прежней теме.

– Ну как мы можем доверять им? – перебил меня кто-то опять. – Они придут на нашу землю и станут сотрудничать с Лениным и его бандой кровопийц.

– А почему бы вам не собраться вместе и не избрать Учредительное собрание, чтобы ваши избранники сотрудничали с союзниками? – спросила я.

– А кого нам выбрать?

– Об этом можно поговорить потом. В России осталось еще немало хороших людей, – ответила я. – Ну, а если бы, к примеру, я вознамерилась что-то сделать, вы бы доверились мне?

– Да, да! Мы тебя знаем! Ты из народа! – гремел хор голосов.

– Ну хорошо. Тогда вот что: я сейчас еду в Америку и в Англию. Коли туда попаду и вернусь назад с войсками союзников, будете мне помогать, чтобы спасти Россию?

– Конечно! Мы поможем! Да! Да! – ревела толпа.

На этом митинг закончился. Паровоз снова прицепили, и мы,

распевая песни, поспешили к вагонам. Я чувствовала себя счастливой. Появилась какая-то надежда. Несколько тысяч солдат – это уже сила. Они были почти единодушны в своей новой оценке того положения, в котором оказалась страна. Впечатления от этого митинга и наблюдения во время пребывания в Москве и по дороге в Петроград укрепляли мою веру в спасение России. Такое пробуждение сознания в солдатских массах принимало, очевидно, всеобщий характер, охватывая всю страну.

Получив письмо от Петрухина, мама целых шесть недель оплакивала меня, считая погибшей. Поэтому она несказанно обрадовалась моему возвращению, но несколько смутилась, увидев приехавших со мной девушек, многие из которых были почти босые. Отозвав меня в сторону, мама спросила, что это значит, и добавила, что из оставленных мною денег у нее осталось всего пятьдесят рублей. Я попросила ее успокоиться и заверила, что быстро все улажу. Немедля я пошла к хозяину дома, заглянула к другим зажиточным крестьянам общины. Потом собрала их вместе и объяснила ситуацию. Я сказала, что у меня есть только тысяча рублей, чтобы поддержать этих несчастных, и попросила их позаботиться о размещении и питании моих бывших солдатиков в кредит, пока не вернусь из Америки.

– Клянусь, что выплачу вам все до последней копейки. У меня будет достаточно денег не только для того, чтобы расплатиться с долгами, но и обеспечить девушкам до конца жизни приют и средства к существованию. И я хочу, чтобы вы вели учет всех расходов. Вы мне доверяете?

– Да, – отвечали крестьяне. – Мы знаем, ты сделала для России очень много, и мы тебе верим.

Вот так и были устроены тридцать инвалидок из бывшего Батальона смерти в деревне Тутальская в марте 1918 года. Упомянутую тысячу рублей я отдала матери, наказав ей купить обувь для тех из девчат, которые наиболее в этом нуждались. Триста рублей из пятисот, полученных мной от консула, также оставила матери. Я решила взять с собой в Америку младшую сестру Надю. Родители, все тридцать девушек и половина односельчан проводили меня до вокзала, и я отправилась в путь, через Иркутск и Владивосток, но на сей раз уже не в военной форме, а в женском платье.

На вокзале в Иркутске я обратила внимание на девушку с двумя совсем маленькими детьми на руках. Лицо ее показалось мне знакомым, но где я видела ее, никак не могла припомнить. Она, по всей вероятности, сильно нуждалась: одежда на ней была бедная и потрепанная. С минуту она пристально смотрела на меня, потом подбежала и задыхаясь крикнула:

– Маня!

Это была младшая дочь Китовой, той женщины, которая сопровождала в ссылку своего мужа, осужденного за убийство человека, занимавшегося отловом собак, и с которой я познакомилась, когда ехала в ссылку с Яшей. Тогда ей было не больше одиннадцати-двенадцати лет. Теперь она стала матерью двоих детей.

Девушка рассказала, что вот уже три дня она с матерью и детьми живет на вокзале. Они спят на полу и денег осталось всего семьдесят копеек. И с такими вот деньгами ее мать отправилась в город искать ночлег! Более трех месяцев добирались они сюда из Якутска, где эта девушка вышла замуж за политического ссыльного. Хотя у меня всех денег в кошельке оставалось две сотни рублей, я дала бедняжке сначала сорок, а потом еще двадцать рублей.

Пока я баюкала одного из младенцев, ко мне подошел комиссар.

– Вы Бочкарева? – спросил он.

– Да, – ответила я.

Он хотел меня задержать, но несколько солдат, моих попутчиков, поспешили мне на помощь. Дело принимало серьезный оборот. Тогда я вынула бумагу, выданную мне большевистскими властями, в которой говорилось, что я имею право на свободу передвижения и могу ехать куда угодно. В конце концов меня оставили в покое.

Я ждала возвращения самой Китовой до последней минуты, желая непременно увидеть ее и особенно узнать что-нибудь о Яше и друзьях, оставшихся на севере Сибири. Ее дочь могла сообщить мне только то, что Яша женился по местному обычаю на якутке и, по последним слухам, все еще жил в Амге…

Поезд покатил дальше на восток. В Хабаровске, откуда до Владивостока оставалось около семисот верст, надо было сделать пересадку. До отхода поезда во Владивосток устроилась на ночь на вокзале, в женской комнате отдыха. Я уже собиралась вздремнуть, как дверь позади меня распахнулась и кто-то резким голосом произнес:

– Командир Бочкарева?

– Да, – ответила я, обернувшись, встревоженная таким обращением.

– Направляетесь в Англию? – был следующий вопрос.

– Нет.

– В таком случае куда же вы едете?

– Во Владивосток, погостить у родных.

Тогда комиссар потребовал мой багаж для досмотра. Он

нашел письмо от английского консула в Москве его коллеге во Владивостоке. Я объяснила комиссару, что английский консул в Москве оказал мне поддержку и просит представителя британского консульства во Владивостоке также посодействовать мне. Комиссар шепнул, что лишь выполняет приказ, но уже не симпатизирует больше ленинскому режиму. Он даже оставил четверых солдат охраны за дверью, чтобы нам легче было разговаривать. В саквояже он увидал последнюю из имевшихся у меня фотокарточек, где я была изображена в полной военной форме, и попросил на память с дарственной надписью. Чтобы добиться его полного расположения, я без лишних слов отдала эту фотографию. Комиссар посоветовал мне подальше спрятать письмо от консула, и я передала его с Надей Иванову, одному из моих попутчиков. Он был раньше большевиком, членом одного из местных Советов. Иванов и другие солдаты помогали мне прятаться в поезде во время облав. На каждой станции красногвардейцы проверяли поезда, разыскивая офицеров, направлявшихся к генералу Семенову. Не один раз мои попутчики прикрывали меня полами своих шинелей. А если эти ищейки спрашивали:

– Кто у вас тут?

– Больной товарищ, – отвечали они, и красногвардейцы уходили.

У комиссара был приказ задержать меня и доставить в город. Под конвоем четверых солдат Надю и меня отвели в полицейский участок. Меня заперли в камере, пока комиссар ходил на митинг, устроенный местным Советом. Надя оставалась в приемной, и вдруг я услышала ее крики и призывы о помощи. Бросившись к двери, увидела через замочную скважину, что к ней пристают красногвардейцы. Я стала барабанить в дверь, крича что есть мочи, чтобы эти прохвосты оставили ее в покое, стыдила их, но они только скалили зубы и продолжали измываться над ней. Оказавшись взаперти, я пришла в бешенство оттого, что не могла помочь своей сестре. Трудно даже представить, что сотворили бы эти подонки с Надей, если бы не появился мой друг Иванов с двумя солдатами и не заступился за меня.

Они застали Надю всю в слезах, а я в слепой ярости изо всех сил продолжала колотить в дверь. Я рассказала нашим спасителям, как обошлись четверо красногвардейцев с моей сестрой. Обидчикам пришлось несладко. Вскоре в участок прибыли члены местного Совета во главе с председателем и начали заниматься моим делом. Оказалось, что из Москвы или Иркутска был получен приказ задержать Бочкареву. Но поскольку обыск не дал ничего, что большевики могли бы использовать

против меня, мое заявление о том, что я еду во Владивосток, они не могли признать несостоятельным.

Иванов и оба его друга решительно и смело выступили в мою защиту. Они доказывали, что я больная женщина, что они хорошо узнали меня за время поездки и убедились, что я не враг народа. По их мнению, было бы большой несправедливостью арестовывать меня, не имея никаких улик. Если бы не эти трое защитников, меня, по всей вероятности, отправили бы под конвоем в обратный путь либо в Москву, либо в Тутальскую. С их помощью я произвела такое хорошее впечатление на Хабаровский Совет, что мне разрешили ехать во Владивосток, куда я и прибыла в начале апреля 1918 года с пятью рублями и семьюдесятью копейками в кошельке.

Совет во Владивостоке осуществлял очень строгий паспортный контроль. Как только мы с Надей добрались до гостиницы, там потребовали, чтобы мы отдали свои документы на проверку в Совет. У Нади был паспорт, а я пользовалась тем документом, который мне вручили в солдатской секции Московского Совета. После проверки документы обычно возвращали их владельцам с печатью местного Совета на обратной стороне. Но наши документы почему-то задерживались, и это был недобрый знак.

Я пошла к английскому консулу. В приемной меня принял почтенный русский полковник, который служил там в качестве секретаря-переводчика. Он сразу же узнал меня, поскольку телеграмма из Москвы пришла задолго до моего приезда. Консул оказал мне теплый и радушный прием, но заявил, что положение его таково, что он не может посодействовать в получении паспорта в Совете, так как его здесь подозревают в контрреволюционной деятельности.

Не открывая консулу истинной цели своего путешествия, я объяснила, что моя поездка в Лондон вызвана не только желанием нанести визит госпоже Панкхерст, но и стремлением спастись от террора большевиков, который ставит мою жизнь под угрозу повсюду в России. Консул рекомендовал обратиться в местный Совет, рассказать там о моем желании поехать к госпоже Панкхерст, о которой большевики, безусловно, наслышаны, и попросить паспорт. Он полагал, что Совет не найдет ничего предосудительного в моей поездке в Англию и не будет чинить препятствий. В ответ я рассказала, каким испытаниям подвергли меня большевистские правители, и заявила, что полностью уверена в том, что официальное обращение в Совет за паспортом положит конец всей моей затее. Тогда он позвонил консулу США во Владивостоке, сообщил ему о моем приезде и

затруднительном положении, в котором я оказалась, и сумел заинтересовать американца.

Я возвратилась в гостиницу с тремястами рублями в кошельке, которыми снабдил меня консул. Гостиница, в которой мы остановились, была грязная и без всяких удобств, поскольку найти приличное жилье по моим деньгам оказалось практически невозможно. Однако хозяин гостиницы оказался весьма услужливым человеком и в дальнейшем избавил меня от серьезных неприятностей.

На следующий день консул сообщил, что все его попытки добиться от Совета снисхождения ко мне не только закончились неудачей, но еще и вызвали угрозы в мой адрес. Выяснилось, что большевики могли вообще отправить меня обратно. Я умоляла консула помочь мне выехать из страны без советского паспорта. Такого он обещать не мог, но моя настойчивость заставила его в конечном итоге склониться к тому, чтобы подумать, как поступить.

Когда я вышла из консульства, меня остановил на улице какой-то солдат.

– Бочкарева? – спросил он.

– Да, – ответила я.

– Зачем ты приехала сюда? Шляться? – допытывался солдат.

– Приехала повидать родственников, – объяснила я.

Солдат не стал меня задерживать. Как только я вернулась в гостиницу, хозяин отозвал меня в сторону и сказал, что в мое отсутствие приходили представители Совета и спрашивали, известно ли ему, чем я занимаюсь и что собираюсь делать дальше. Он сообщил им, что я приехала навестить родственников, но никак не могу их найти. Представители Совета ушли, пригрозив, что придут за мной с арестом. Это вовсе не входило в мои планы, поэтому я позвонила по телефону консулу и рассказала о последних событиях. К счастью, у него нашлись для меня очень хорошие новости: через два дня во Владивосток должен был прийти американский транспортный корабль!

Надя и я помчались в консульство. Консул, однако, предупредил, что большевики пригрозили ему принять меры, если им станет известно, что он помог мне выехать из России. И все же консул принялся оформлять нам заграничные паспорта, и для этого нас обеих сфотографировали. Но предстояло решить трудную задачу – выбраться из Владивостока без документов от Совета. Гавань и порт находились под контролем большевиков и тщательно охранялись. Большевики внимательно осматривали паромы, переправлявшие пассажиров с берега на пароходы, и проверяли документы.

Почти два дня просидела я в своей комнате, пребывая в постоянном страхе, что вот-вот появятся красногвардейцы и арестуют меня. Однако они так и не пожаловали, потому что, вероятно, не сомневались, что я попалась в их сети. Впоследствии у них появилось достаточно оснований, чтобы пожалеть об этом. А я снова пробралась к консулу. Он сообщил, что американское транспортное судно «Шеридан» ожидают ближайшей ночью, но не было уверенности, что капитан пожелает взять меня на борт.

Тем временем мы ломали голову над тем, как бы ускользнуть от охраняющих порт красногвардейцев. Думали было упрятать меня в большой дорожный сундук, где я сумела поместиться. Но консул опасался, что я могу задохнуться, если сундук оставят на пирсе на несколько часов. Пришлось из него вылезти.

Транспорт прибыл в порт вечером, и капитан согласился перевезти меня через Тихий океан. По настоянию консула я осталась в его доме, а моя сестра в сопровождении офицера отправилась в гостиницу забрать мои вещи. Через два часа я позвонила в гостиницу, чтобы узнать, была ли там Надя с офицером и давно ли ушла. Хозяин ответил, что к нему только что ввалилось около пятидесяти красногвардейцев, которые искали меня и весьма огорчились, узнав, что я уехала.

– А куда она направилась? – спрашивали они у хозяина.

– На вокзал, чтобы сесть в поезд, – наврал он.

– В какой поезд? – орали они с негодованием. – Сегодня вечером нет никаких поездов.

С тем они и ушли – по всей вероятности, разыскивать меня.

Я рассказала обо всем консулу, и он спрятал меня в клозете. Вскоре в консульство прибыли несколько красногвардейцев в поисках Бочкаревой. Консул заявил, что ему ничего не известно о моем местопребывании, что я посещала его лишь однажды, после чего он официально обращался в Совет по поводу паспорта для меня, но, получив отказ, решил не заниматься больше моим делом. Красногвардейцы настаивали на своем, говорили, что видели, как я входила в здание консульства, но не заметили, выходила ли. Они осмотрели все вокруг и ушли после того, как консул заверил их, что я у него не была.

Тут возвратился сопровождавший Надю офицер и сообщил, что у меня появились попутчики – восемь русских офицеров, отплывавших на том же транспортном судне. Во Владивосток прибывали сотни русских офицеров в надежде, что им удастся там присоединиться к британской армии и потом перебраться во Францию. К сожалению, союзники отказались от их услуг, и они попали в весьма трудное положение. Денег для возвращения в европейскую часть России у них не было, да подчас они и не

желали этого, пока большевики все еще свирепствовали там. Некоторым из них удавалось разными путями добраться до Соединенных Штатов или Канады.

Полковник предложил мне познакомиться с будущими попутчиками и проводил в комнату, где находились офицеры в ожидании отплытия. Переступив порог помещения, я взглянула на небольшую группу офицеров и вдруг увидела среди них Леонида Григорьевича Филиппова, бывшего моего адъютанта. Именно он вынес меня с поля боя под огнем противника, когда, отброшенная взрывной волной, я упала без сознания во время того самого неудачного наступления батальона.

– Что вы здесь делаете? – одновременно спросили мы друг друга, удивленные этой неожиданной встречей.

Я всегда помнила, что обязана жизнью поручику Филиппову. Он спас меня в тот памятный день, когда батальон предпринял наступление, но оно не получило поддержки, и в результате пришлось поспешно отступать, а я оказалась в состоянии шока от контузии, полученной при разрыве артиллерийского снаряда. Филиппов возглавил батальон после того, как меня отправили в госпиталь в Петроград, а потом его перевели в Одессу обучаться авиационному делу.

Из разговора с поручиком Филипповым я узнала, что он оказался в такой же беде, как и все остальные офицеры, приехавшие во Владивосток с надеждой, что союзники примут их к себе на службу. Я попросила консула позволить Филиппову снова стать моим помощником. Консул любезно согласился, и я была счастлива, что отправляюсь в иноземные страны в сопровождении образованного друга, который знает языки, обычаи народов других государств и всем сердцем предан России.

Еще раз посоветовавшись с консулом, решили, что я оденусь как англичанка и в таком виде попытаюсь сесть на американский транспорт. Принесли необходимую одежду, и через пятнадцать минут я была уже не офицером, а настоящей иностранкой в шляпке с вуалью, не понимающей ни слова по-русски. В сопровождении полковника я отправилась в порт, тепло распрощавшись с консулом и поблагодарив его от всей души за оказанную помощь.

Мне полагалось молчать, а все переговоры должны были вести сопровождавшие меня лица. Со своей ролью я справилась, хотя несколько раз у меня екало сердце, когда красногвардеец, казалось, слишком пристально рассматривал меня, а затем еле сдержалась, чтобы не рассмеяться, когда полковник, отвечая на вопросы, говорил, что я англичанка и возвращаюсь на родину. Уже стемнело, когда нас благополучно переправили на

«Шеридан». Однако на этом мои приключения не закончились.

Транспорт был задержан в порту до следующего дня, и ожидали, что большевики явятся на «Шеридан» с облавой. Чтобы помешать им выполнить эту задачу, меня заперли в каюте. Вход в нее и все подходы к ней строго охранялись. Никому не разрешалось даже приближаться к этой каюте, а на все вопросы следовал ответ, что там содержится важный германский генерал, которого везут в американский лагерь для военнопленных. Даже поручик Филиппов ничего не знал об этом трюке и очень волновался перед отплытием по поводу моего отсутствия на корабле. Как только какой-нибудь большевистский эмиссар появлялся на борту корабля в поисках меня, американские солдаты непременно останавливали его и сообщали, что к каюте, где находится пленный германский генерал, запрещено подходить на расстояние нескольких шагов.

Когда подняли якоря и «Шеридан» стал медленно отплывать от берега, я вышла из каюты, к общей радости и увеселению тех, кто полагал, что за дверью каюты скрывается сердитый тевтонец.

Свобода!

18 апреля 1918 года я впервые в жизни покинула русскую землю. На американском корабле под американским флагом я направилась в сказочную страну – Америку – с обращением от русского крестьянина-солдата к союзникам:

«Помогите России избавиться от германского ярма и стать свободной в обмен за те пять миллионов жизней, что она принесла в жертву во имя вашей безопасности и свободы, сохранив ваши дома и ваши жизни!»